

СОВРЕМЕННЫЙ
ЯПОНСКИЙ
ДЕТЕКТИВ

Детективы японского писателя Сэйте Мацумото отличаются ярко выраженным национальным колоритом. Японский сыщик – прежде всего человек долга, но еще и медиум, постигающий высшие истины, и поэт, тонко чувствующий красоту окружающего мира... Роман `Точки и линии` начинается очень по-японски: на морском берегу обнаружены трупы двух влюбленных, решивших по обоюдному согласию покончить жизнь самоубийством, однако сыщику Дзютаро Торигаи что-то позволяет усомниться в истинных причинах трагедии...

- [ТОЧКИ И ЛИНИИ](#)
 - [ОТ ПЕРЕВОДЧИКА](#)
 - [ОЧЕВИДЦЫ](#)
 - [САМОУБИЙСТВО ВЛЮБЛЕННЫХ](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [СТАНЦИИ КАСИИ И ЗАПАДНЫЙ КАСИИ](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [ПРИЕЗЖИЕ ИЗ ТОКИО](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [ВЕРСИЯ О ЧЕТЫРЕХ МИНУТАХ](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [ВОПРОС СЛУЧАЙНОСТИ И ПРЕДНАМЕРЕННОСТИ](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [ХОККАЙДО И КЮСЮ](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [ЦИФРОВОЙ ПЕЙЗАЖ](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [ОЧЕВИДЦЫ С ХОККАЙДО](#)

- [1](#)

- [2](#)

- [НЕРУШИМАЯ СТЕНА](#)

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [ПИСЬМО ДЗЮТАРО ТОРИГАИ](#)

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [ПИСЬМО КИИТИ МИХАРЫ](#)

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [notes](#)

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)

- [8](#)

- [9](#)

- [10](#)

- [11](#)

- [12](#)

- [13](#)

**ТОЧКИ И ЛИНИИ
СЭЙТЕ МАЦУМОТО**

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

С древних времен в Японии существует один печальный обычай. Мужчина и женщина, любящие друг друга и не имеющие возможности соединиться, вместе кончают жизнь самоубийством. Предварительно они сговариваются, выбирают какой-нибудь уединенный красивый уголок – горячие источники, морское побережье, горы – и проводят здесь свои последние минуты. Потом принимают яд, бросаются со скалы в пучину или в кратер вулкана. Как правило, никогда не прибегают к огнестрельному или холодному оружию.

Этот широко распространенный обычай получил название "самоубийство влюбленных по сговору". Когда обнаруживают трупы мужчины и женщины, вместе покончивших самоубийством, полиция обычно не производит тщательного расследования.

ОЧЕВИДЦЫ

Вечером 13 января Тацуо Ясуда пригласил в ресторан "Коюки" на Акасака своего знакомого. Этот человек занимал пост столоначальника в одном из министерств.

Тацуо Ясуда возглавлял фирму "Ясуда секай", поставлявшую фабричное оборудование. За последние годы фирма начала расти. Говорили, что она обязана своим процветанием крупным государственным заказам. Поэтому Ясуда и водил дружбу с чиновниками.

Он был частым гостем в "Коюки". Первоклассным этот ресторан не назовешь, зато там спокойно и уютно, посетители чувствуют себя свободно. А главное, официантки хороши, все как на подбор.

Ясуду считали хорошим, клиентом. Денег он не жалел. Угощая приятелей, говорил официанткам, что это его бизнес. Однако о положении своих знакомых никогда особенно не распространялся.

В это время как раз велось следствие по делу о взяточничестве в одном из министерств. Поговаривали, что в нем замешано много дельцов, входящих в министерство. Начали с мелких чиновников, но газеты высказывали предположение, что к весне доберутся и до крупных.

В связи с этим Ясуда стал еще более осторожным. Иногда он появлялся в "Коюки" с одним и тем же человеком по семь-восемь раз. Официантки называли его приятелей "ку-сан", но что это за люди, Ясуда не говорил. Было известно только, что все они чиновники.

Собственно говоря, в ресторане не интересовались, чем занимаются знакомые его клиента. Деньги-то платил Ясуда.

Тацуо Ясуде было лет тридцать пять. Приятное лицо. Немного смугловат, правда, но глаза ласковые, брови темные, хорошо очерченные, прямой нос, широкий лоб. Держится вежливо и просто, как и подобает умному бизнесмену.

Официантки относились к нему благосклонно. Но он не старался сблизиться ни с одной из них. Со всеми был одинаково приветлив.

Его обычно обслуживала О-Токи. Так уж повелось с того раза, когда он впервые пришел в "Коюки". Но и с ней у Ясуды были просто хорошие отношения.

О-Токи двадцать шесть лет. Но она выглядит такой свежей и юной, что больше двадцати двух ей не дашь. Клиентам нравились ее глаза, большие, темные, смеющиеся. Отвечая на какой-нибудь вопрос, она умела бросить быстрый задорный взгляд исподлобья. Конечно, она знала, что это производит впечатление, и кокетничала вовсю. Нежное овальное лицо, маленький подбородок. Особенно хороша она была. в профиль. Не мудрено, что некоторые посетители пытались соблазнить ее. Все официантки были подходящими.

Появлялись часа в четыре, уходили около одиннадцати. Бывало, назначат О-Токи свидание после работы под эстакадой станции Синбаси. Сразу отказать клиенту нельзя. Она соглашается, а сама и не думает идти. Так повторяется раза три-четыре. Если не дурак, то поймет.

– Ну, что с этими олухами поделаешь? – смеется О-Токи. – А еще злятся!

Один так ущипнул недавно!

Она приподнимает подол кимоно и показывает ногу подругам. На коже синеватое пятно.

– Сама виновата. Не надо давать поводов, – вмешивается в разговор Ясуда, поднося к губам рюмку. Он свой человек, при нем можно говорить все что угодно.

– Ну да, Я-сан! Вы-то ни к кому не пристааете! – заступается за подругу официантка Яэко.

– А что толку приставать? Все равно останусь с носом.

– Это вы-то? Ну нет! Я-то знаю это точно! – хохочет расшалившаяся Канэко.

– Ну, ну, не болтай чепухи!

– Брось, Канэ-тян! – говорит О-Токи. – Все наши девушки влюблены в Я-сана, а он ни на кого и не смотрит. Так что оставь свои надежды.

– Чудак он! – смеется Канэко.

Ясуда действительно нравился всем официанткам "Коюки". Может быть, если бы он задумал за кем-нибудь всерьез поухаживать, они бы и не устояли. Что ж поделывать, обаятельный мужчина.

В тот самый вечер, 13 января, Ясуда проводил до вестибюля своего знакомого, министерского чиновника, и вернулся в кабинет. Выпил еще и вдруг предложил:

– Девушки, хотите, я завтра угощу вас где-нибудь обедом?

Бывшие в кабинете Яэко и Томико обрадовались и сразу согласились.

– А где же О-Токи-сан? Давайте и ее возьмем, – сказала Томико, оглядываясь. О-Токи не было, она зачем-то вышла.

– Да нет, хватит и вас двоих. А О-Токи-сан пригласим как-нибудь в другой раз. Неудобно, если все трое сразу опоздают на работу.

Ясуда был прав. Ведь официантки приходят к четверем. Если пойдут обедать, конечно, задержатся. Разумеется, сразу троим опаздывать нельзя.

– Так, значит, договорились. Приходите завтра в половине четвертого в "Левант", на улице Юракуте, – сказал Ясуда, улыбаясь глазами.

На следующий день, 14 января, Томико пришла в "Левант" в назначенное время. Ясуда уже сидел за столиком в глубине зала и пил кофе.

– А-а! Очень рад! – сказал он и указал ей место напротив. Увидев клиента в непривычной обстановке, Томико немного смутилась и покраснела.

– Яэ-тян еще нет? – спросила она, усаживаясь.

– Наверное, скоро придет.

Широко улыбаясь, Ясуда заказал кофе. Не прошло и пяти минут, как появилась Яэко. Она держалась застенчиво. Кругом было полно шалопаев.

Поблизости сидели две женщины в кимоно. По их виду не составляло труда догадаться, чем они промышляют.

– Ну, так куда же мы пойдём? – спросил Ясуда. – Что вы предпочитаете европейскую кухню, китайскую кухню или тэнпура^[1]. Или, может быть, хотите угля?

– Европейскую кухню, – в один голос ответили обе девушки. Видно, японская кухня осточертела им на работе.

Выйдя из "Леванта", они направились в сторону Гиндзы. Погода была хорошей, но ветреной. На углу улицы Оварите перешли дорогу, миновали универмаг "Мацудзакая". В эти часы на Гиндзе бывает не очень многолюдно. Две недели назад тут с утра до вечера толпился народ, делая покупки к Новому году.

– А помнишь, что здесь творилось накануне рождества?

– Ужас!

Переговариваясь, женщины шли за Ясудой. В "Кок-д'оре" тоже было пусто.

Ясуда поднялся по лестнице, выбрал столик.

– Ну, девушки, что мы закажем? Выбирайте.

– Да нам все равно.

Яэко и Томико сначала чувствовали себя неловко, потом освоились, взяли меню, начали совещаться. Никак не могли выбрать.

Ясуда украдкой глянул на ручные часы. Яэко заметила.

– Я-сан, вы торопитесь?

– Нет, пока время терпит. Но вечером мне надо быть в Камакуре.

– Ой, а мы копаемся! Давай, Томи-тян, выбирай поскорей!

Обед тянулся довольно долго – закуски, суп, второе и так далее. Все трое непринужденно болтали о пустяках. Ясуда, казалось, был доволен. Когда подали фрукты, он снова взглянул на часы.

– Вам уже надо идти?

– Нет, посидим еще немного.

Но когда принесли кофе, Ясуда опять отвернул манжет.

– Вам пора. Извините, мы так вас задержали, – сказала Яэко, собираясь подняться из-за стола.

– Н-да... – Прикрыв глаза, Ясуда курил, словно что-то обдумывая. Знаете, неохота мне с вами расставаться. Даже грустно стало. А что, если вы проводите меня до Токийского вокзала?

Не поймешь – не то шутит, не то всерьез говорит. Девушки переглянулись.

Они уже и так опоздали на работу.

А если еще ехать на вокзал... Однако Ясуда действительно казался озабоченным. Может быть, ему и правда грустно. Нехорошо получится, если сразу его оставить после такой приятной встречи.

– Ну ладно, поедem, – решилаcь Томико. – Только сперва надо позвонить на работу. Скажу, что еще немного задержимся.

Она вышла и сейчас же вернулась, весело улыбаясь.

– Ну, все. Отговорилась. Поехали!

– Вы уж извините меня, – сказал Ясуда, вставая, – в общем как-то неловко все получилось. Он снова посмотрел на часы.

– А когда ваш поезд? – спросила Яэко.

– Хотелось бы успеть на 18.12. Или на следующий. Сейчас тридцать пять минут шестого. Если сразу поедem, как раз успеем.

Ясуда быстро расплатился по счету. Машина домчала их за пять минут. По дороге Ясуда все время извинялся, а Яэко и Томико его успокаивали:

– Да что вы, Я-сан! Должны же мы хоть как-то отблагодарить вас!

– Ну ладно, коли так.

На вокзале Ясуда купил билет, девушкам дал перронные. Поезд на Камакуру отправлялся с тринадцатого пути. Стрелки электрических часов подползли к шести.

– Прекрасно! Успел на 18.12, – сказал Ясуда. На тринадцатый путь электричку еще не подали. С восточной стороны тянулись другие пути для поездов дальнего следования. Четырнадцатый тоже пустовал, на пятнадцатом стоял состав.

– Видите, вон экспресс "Асакадзэ". Он следует до Ха-каты на Кюсю, пояснил Ясуда.

Перед экспрессом суетились пассажиры и провожающие. Последние поцелуи, грустные взгляды, торопливые рукопожатия. Обычная картина.

– Вот это да! – воскликнул вдруг Ясуда. – Посмотрите, посмотрите-ка туда, уж не О-Токи-сан ли это?

Девушки изумленно обернулись. Напрягая глаза, вглядывались они туда, куда указывал Ясуда.

– Точно! Она! – Яэко так и замерла от удивления. Действительно, по платформе у пятнадцатого пути в толпе шла О-Токи. Нарядно одетая, с чемоданом в руках, она, несомненно, собиралась уехать этим экспрессом.

Наконец и Томико увидела ее:

– Да! Действительно, О-Токи-сан!

Но самой большой неожиданностью был незнакомый мужчина, который шел с ней рядом.

Молодой, в темном пальто и тоже с чемоданом. Непринужденно болтая, как близкие люди, они пробирались через толпу к концу состава.

– Господи, да куда же она едет? – прошептала Яэко, вовсю тараща глаза.

– И с мужчиной... Интересно, кто он ей? – заикаясь, продолжала Томико.

Не зная, что за ней наблюдают три пары глаз, О-Токи вместе со своим спутником шла вдоль вагонов. Наконец у одного из вагонов они остановились, взглянули на номер. Мужчина вошел первым, О-Токи – за ним.

– Ай да О-Токи-сан! – ухмыльнулся Ясуда. – Видно, сбежала на Кюсю со своим милым.

Обе девушки продолжали стоять в оцепенении. Никак не могли оторвать взглядов от вагона, в котором исчезла О-Токи. По платформе вдоль состава сновали пассажиры.

– Куда же она собралась? – наконец выдавила из себя Яэко.

– Наверно, далеко, если в экспресс села.

– Разве у О-Токи-сан был кто-нибудь? – зашептала Томико.

– Не знаю. Уж больно все неожиданно.

Обе девушки говорили шепотом, словно почувствовав присутствие какой-то тайны.

Ни Яэко, ни Томико не знали личной жизни О-Токи. Она была не из тех, кто любит рассказывать о себе. Кажется, она не замужем. Да и любовника скорее всего не имеет. Во всяком случае, ничего такого о ней не говорят. Очевидно, среди подобных женщин есть два типа – откровенные и замкнутые. О-Токи принадлежала ко вторым.

Поэтому обе подружки были потрясены, обнаружив неизвестную им сторону жизни О-Токи.

– Пойти, что ли, глянуть, что за мужчина?.. – оживляясь, сказала Яэко.

– Еще что придумала! – одернул ее Ясуда. – Не надо лезть в чужие дела.

– Ой, Я-сан, уж не ревнуете ли вы?

– Ну да! – рассмеялся Ясуда. – Я ведь еду повидаться с женой!

Вскоре на тринадцатый путь подали электричку линии йокосука. Она заслонила экспресс "Асакадзэ". На светящемся циферблате стрелки показывали восемнадцать часов одну минуту.

Ясуда вошел в вагон, помахал девушкам рукой. До отправления оставалось одиннадцать минут. Высунувшись в окно, он сказал:

– Идите, девочки, вам ведь некогда. И спасибо большое.

– Может, и правда пойдем?.. – Яэко замялась, ей очень хотелось поближе взглянуть на О-Токи и ее спутника. Спускаясь по лестнице, Яэко сказала:

– Послушай, Томи-тян, давай все-таки посмотрим!

– Ну-у, нехорошо ведь... – ответила Томико. Впрочем, она сама сторала от любопытства. И они помчались к экспрессу. Подойдя к нужному вагону, девушки через головы провожающих заглянули в окно. Внутри все было залито ярким светом. Они отчетливо увидели сидящую в кресле О-Токи и рядом с ней ее спутника.

– Ты посмотри, как она сияет! – зашептала Яэко.

– А он – ничего, интересный, – Томико впиалась глазами в мужчину. – Как ты думаешь, сколько ему лет?

– Лет двадцать семь – двадцать восемь. А может быть, и двадцать пять.

– Значит, на год моложе или старше О-Токи-сан.

– Давай войдем в вагон, подразним!

– Да ты что, Яэ-тян?! Разве можно! Томико удержала подругу. Некоторое время они следили за парой. Потом Томико сказала:

– Ну ладно, пошли. И так уже здорово опоздали. Придя в "Кююки", они тотчас же обо всем доложили хозяйке. Для нее это тоже было неожиданностью.

– Вот как?! О-Токи-сан вчера отпросилась на пять-шесть дней. Сказала, что хочет съездить на родину. А сама, значит, с мужчиной... – хозяйка широко раскрыла глаза от удивления.

– Какое там на родину! Ведь О-Токи-сан из провинции Акита, а это совсем в другой стороне.

– Подумать только! Казалась такой скромной. Вот и верь после этого тихоням. Небось гульнет в Киото.

И все три женщины переглянулись.

На следующий вечер Ясуда снова появился в ресторане с каким-то знакомым.

Позднее, проводив его, как обычно, он вернулся и заговорил с Яэко:

– Ну, как О-Токи-сан, наверное, сегодня не работает?

– И не только сегодня. Целую неделю гулять будет! – сообщила Яэко таинственным шепотом.

– Ого! Что же это, свадебное путешествие, что ли? – спросил Ясуда, потягивая вино.

– Вот именно! Просто ума не приложу!

– А что тут особенного? Вы бы тоже попробовали, а?

– Извините уж, не на таковскую напали! Или, может быть, вы Я-сан хотите пригласить?

– Я? Нет! Не могу же я один взять всех вас. Так поболтав немного, Ясуда ушел. На следующий день опять привел двух знакомых. Пили. И на этот раз прислуживали Томико и Яэко. Разговор снова коснулся О-Токи. Однако О-Токи вскоре удивила всех еще больше.

САМОУБИЙСТВО ВЛЮБЛЕННЫХ

Если ехать из Модзи по основной ветке кагосимского направления, то, не доезжая трех остановок до Хакаты^[2], будет маленькая станция Касии. Вправо от этой станции дорога ведет в сторону гор, к синтоистскому храму Касииномия, влево – к бухте Хаката.

Далеко в море тянется узкая коса, соединяющая побережье с гористым островом Сиганосима. Еще дальше в тумане проступает силуэт острова Ноконосима.

Это побережье сейчас называют Касийским взморьем, а в старину оно было известно просто как бухта Касии. Канцлер Отомоно-Табибито, гуляя однажды по берегу, сочинил такие стихи:

На берегу бухты Касии по утрам дети собирают дары моря, увлажняя рукава чистым и белым песком...

Однако современная рациональная действительность чужда такому лиризму королевской эпохи. Холодным утром 21 января, около половины седьмого, по этому берегу шел рабочий. О нет, он не собирал "дары моря", он направлялся на завод в Надзиму.

Только что рассвело. Над морем висел молочно-белый туман. Очертания косы и острова Сиганосима едва-едва проступали. С воды дул ледяной, пахнувший солью ветер. Рабочий шагал быстро, слегка сутулясь, подняв воротник пальто.

Но этому скалистому берегу проходила кратчайшая дорога на завод.

Но вдруг он увидел нечто необычное – два странных предмета на черной каменистой земле. Они были лишними в знакомом пейзаже и портили его.

Солнце еще не взошло. Два холодных тела в холодном бледно-зеленом свете раннего утра. Полы одежды шевелились, словно дрожа от стужи. Ветер трепал волосы. Все прочее было неподвижно. Неподвижные черные туфли. Неподвижные белые таби^[3].

Привычный день рабочего был нарушен. Он свернул с привычной дороги.

Прибежав в город, забарабанил в стеклянную дверь полицейского участка.

– Там... на взморье... лежат двое... мертвые!

– Мертвые?!

Старый полицейский, протирая глаза и зябко поеживаясь, начал застегивать мундир.

– Да-да! Два трупа – мужчины и женщины!

– А далеко?

– Да нет, близко. Я провожу.

– Хорошо Подожди немного.

Старик пришел в себя, записал фамилию и адрес рабочего, позвонил в местное управление полиции. Потом оба поспешно вышли из участка. Было морозно.

На месте происшествия ничего не изменилось. Ветер все так же шевелил волосы покойников. Женщина лежала на спине. Веки плотно сомкнуты, губы чуть-чуть приоткрыты, видна белая полоска зубов. Щеки розовые. Одета в мышинового цвета зимнее пальто, под ним – темно-вишневое кимоно. Вся одежда в порядке. Поза спокойная. На плотно сжатых ногах чистые, не испачканные землей таби. Рядом – аккуратно поставленные виниловые дзори^[4].

Голова мужчины была повернута в сторону. Цвет лица тоже свежий, розовый, словно у спящего. Темно-синее пальто, коричневые брюки. Черные, хорошо начищенные туфли. Синие, в красную полосу носки.

Трупы лежали совсем рядом. Из трещины в скалах выполз маленький краб и вскарабкался на бутылку из-под апельсинового сока, валявшуюся рядом с мужчиной.

– Видать, влюбленные. По сговору и покончили с собой, – сказал старый полицейский,

глядя на умерших. – Бедняги. Молодые еще.

Над морем появился краешек солнца.

Касийское полицейское управление сообщило о случившемся в управление полиции префектуры Фукуока. Примерно через сорок минут оттуда на место происшествия прибыла машина. Приехали начальник сыскного отдела, два сыщика, полицейский врач и эксперты.

Трупы сфотографировали очень тщательно, в разных ракурсах. Низкорослый полицейский врач приступил к осмотру.

– И мужчина и женщина отравились цианистым калием. Об этом свидетельствует розовый цвет лица. Очевидно, выпили яд вместе с фруктовым соком.

Врач поднялся с колен и носком ботинка слегка дотронулся до бутылки. На ее дне еще оставалась оранжевая жидкость.

– Когда наступила смерть, доктор? – спросил начальник, пощипывая усики.

– Часов десять назад. После вскрытия установим точнее.

– Так... десять часов назад, – пробормотал начальник, – следовательно, вчера, около десяти вечера. Оба приняли яд одновременно?

– Да. Вместе с апельсиновым соком.

– Холодное место выбрали для смерти, – сказал один из сыщиков. Это был тощий, замученный человек лет сорока трех, в старом, изрядно потрепанном пальто.

– Ну, знаете ли, Тorigаи-кун, – врач взглянул на сыщика, – вы рассуждаете с точки зрения живого. А для смерти все едино – холодное место или жаркое.

Если на то пошло, ведь и фруктовый сок не зимний напиток. Возможно, добавил врач, – они были в состоянии аффекта, то есть в состоянии крайнего психического возбуждения, противоположного нормальному.

Сыщики с улыбкой переглянулись: ну вот, пошел козырять научными терминами!

– Не так-то просто выпить яд. На это еще надо решиться. Очевидно, при определенном возбуждении нервной системы смерть кажется желанной, – закончил мысль врача начальник сыскного отдела.

Второй сыщик спросил:

– Господин начальник, вероятно, здесь не имело места насильственное принуждение к самоубийству?

– Думаю, что нет. Одежда в порядке, никаких следов борьбы не видно.

Приняли яд по взаимному согласию.

Он был прав. Женщина лежала так спокойно, словно прилегла отдохнуть, предварительно сняв дзори и аккуратно поставив их рядом. Даже таби не успела испачкаться. Очевидно, это было самоубийство влюбленных, договорившихся вместе покончить счеты с жизнью. Сыщики вздохнули с некоторым облегчением и в то же время почувствовали растерянность – делать им было нечего. Если отсутствует состав преступления, значит, нет и преступника.

На специальных машинах трупы увезли в полицию. С тихого взморья Касии убрали посторонние, мешавшие предметы, и оно снова застыло в лучах холодного зимнего солнца.

В полиции трупы подвергли тщательному осмотру. Фотографировали еще несколько раз, по мере того как снимали одежду.

В кармане пиджака мужчины обнаружили бумажник. Там лежали сезонный билет от Токио до Асакэя и визитные карточки. По ним и опознали покойного. В сезонке значилось:

"Кэнити Саяма, тридцать один год". Визитные карточки давали еще более подробные сведения: "Помощник начальника отдела N. департамента N. министерства M". Далее следовал домашний адрес.

Сыщики переглянулись. В этом отделе министерства как раз раскрыто дело о взяточничестве. Ведется следствие. Газеты пишут об этом каждый день.

– А предсмертной записки не нашли? – спросил начальник сыскного отдела.

Записку искали старательно и дотошно. Но ее не было. В карманах умершего обнаружили деньги – около десяти тысяч иен наличными, носовой платок, рожок для туфель, сложенную вчетверо газету и измятый счет вагона-ресторана.

– Счет вагона-ресторана? Странную вещь хранил, – начальник аккуратно расправил скомканную бумажку. – Дата – 14 января, поезд № 7, обслуживался один человек, общая сумма – триста сорок иен. Счет с грифом ресторана "Токие нихон секудо". Что ел – неизвестно.

покончил самоубийством вместе со своей возлюбленной. И мне об этом сообщают из Токио, из главной редакции! Меня даже в жар бросило!

Видно, токийские газеты узнали о случившемся и срочно связались со своими провинциальными отделениями.

На следующий день в утренних газетах появилось сообщение о самоубийстве помощника начальника отдела министерства N Кэнити Саяма вместе с возлюбленной. Всполошились буквально все газеты, начиная от самых крупных и кончая провинциальными. Заголовки были напечатаны огромными буквами. Пресса намекала, что это не просто самоубийство влюбленных, что смерть Саямы имеет отношение к делу о взяточничестве в министерстве N, которое расследуется в настоящее время... Приводилось высказывание токийской прокуратуры о том, что Саяму не предполагали вызывать на допрос. Однако, делая свои прогнозы, газеты писали, что помощнику начальника отдела Саяме в любом случае пришлось бы дать свидетельские показания. Очевидно, помимо любовных мотивов, самоубийство вызвано нежеланием вовлечь в дело о взяточничестве высших чиновников...

Кипа этих газет лежала на краю стола начальника сыскного отдела, а сам он изучал содержимое маленького кожаного чемоданчика. После довольно длительных поисков один из молодых сыщиков обнаружил этот чемодан в гостинице "Танбая".

Хозяин гостиницы, взглянув на фотографию, подтвердил, что этот человек у него останавливался. В книге прибывших было записано: "Тайдзо Сугавара, тридцать два года, служащий фирмы. Место жительства – город Фудзисава, улица Минаминакадори, 26. Прибыл вечером 15 января, выехал ночью двадцатого, уплатив по счету". Хозяин сказал, что Сугавара приехал и жил все время один.

Уезжая, оставил на хранение чемодан.

В чемодане не было ничего интересного – смена белья, несессер, несколько иллюстрированных журналов, по всей вероятности купленных в поезде. Ни предсмертного письма, ни записной книжки.

Начальник отложил чемодан и спросил молодого сыщика:

– Говоришь, один остановился?

– Да, так сказал хозяин.

– Гм, странно. А женщина? Где же она была все это время? Экспресс "Асакадзэ" прибыл в Хакату пятнадцатого вечером. До самоубийства прошла почти целая неделя. Что делал этот человек с пятнадцатого по двадцатое?

Неужели никуда не выходил?

– Никуда не выходил, все время сидел в гостинице.

– Может быть, к нему все-таки приходила женщина?

– Нет, хозяин сказал, что никто не приходил. Торигаи, присутствовавший при осмотре чемодана, незаметно ушел. Нахлобучил старую шляпу и выскользнул из комнаты. На улице он вскочил в трамвай. Проехал несколько остановок, сошел, свернул в переулок. Остановился перед домом с вывеской "Гостиница Танбая".

Увидев полицейское удостоверение, управляющий вышел из-за конторки и угодливо поклонился. Проверив сведения, собранные молодым сыщиком, Дзютаро Торигаи решил задать еще несколько вопросов. Приветливо улыбаясь, он спросил:

– Как он выглядел, как держался, когда появился у вас?

– Казался очень усталым. Поужинал и тут же лег спать, – ответил управляющий.

– Скучно ведь целыми днями сидеть в номере. Что же он делал?

– Да ничего особенного не делал. Прислугу беспокоил редко. Книжки читал или валялся. Коридорная и то говорила, что постоялец очень мрачен. Да вот еще – он все время ждал телефонного звонка.

– Ждал звонка? – глаза Торигаи блеснули.

– Да. Предупредил и меня и прислугу, что ему должны позвонить. Просил тут же соединить, как только позвонят. Видно, из-за этого и сидел целыми днями в гостинице.

– Вероятно, – Торигаи кивнул. – И что же, позвонили ему?

– Да. Часов в восемь вечера, двадцатого числа. Я как раз подошел к телефону. Женский голос попросил вызвать Сугавару-сана.

– Гм, да?.. Женский голос?.. И попросил именно Су-гавару, а не Саяму?

– Да, да. Я тут же соединил эту женщину с ним. Ведь он так ждал. У нас коммутатор, так что можно соединить с любым номером.

– А о чем они говорили, не знаете?

Управляющий слегка усмехнулся:

– Видите ли, у нас не подслушивают телефонные разговоры постояльцев.

Торигаи досадливо щелкнул языком.

– Ну, а потом что было?

– Потом... Говорили они минуту, не больше. Сразу после этого гость попросил счет, расплатился, оставил на хранение известный вам чемодан и ушел. Разве мы могли подумать, что он вместе со своей возлюбленной покончит самоубийством!

Сыщик Торигаи устало опустил голову и, поглаживая обросший щетиной подбородок, задумался.

Саяма целую неделю просидел в гостинице и с нетерпением ждал звонка женщины. А когда женщина, наконец, позвонила, он куда-то умчался и в тот же вечер покончил с собой. И возлюбленная с ним вместе. Странно, очень странно!

Перед глазами Торигаи всплыл счет вагона-ресторана с надписью "обслуживался один человек". Он пробормотал: "Зачем же он ее ждал? Чтобы вместе умереть?.."

СТАНЦИИ КАСИИ И ЗАПАДНЫЙ КАСИИ

Торигаи вернулся домой около семи часов вечера. С шумом открыл раздвижную дверь, однако никто не вышел его встречать. Когда он был уже в тесном коридоре, жена крикнула из комнаты:

– Пришел? Вода в ванной нагрелась. Торнгаи заглянул в комнату. Жена убирала вязанье. На столе под белой салфеткой стоял ужин.

– Мы с Сумико уже поели, думали, ты поздно придешь. Сумико пошла с Нитта-саном в кино. Ну, давай, давай, иди мойся.

Дзютаро раздевался молча. Костюм совсем износился, вот и подкладка начала рваться. С отворотов брюк на татами посыпался песок, словно усталость, накопившаяся за долгий трудный день.

Торигаи возвращался домой в разное время. Такая уж у него работа. Жена и дочь ждали его обычно до половины седьмого и, если он к этому часу не приходил, ужинали одни. Дочь, Сумико, пошла в кино со своим женихом.

Дзютаро молча прошел в ванную комнату. Дровяная колонка. Ванна старинного образца – просто круглая деревянная бочка.

– Ну, как вода? – спросила жена.

– Хороша, – нехотя ответил Дзютаро.

Ему лень было говорить. Он любил сидеть в теплой воде и обдумывать свои дела.

Сейчас он думал о вчерашних самоубийцах. Что их толкнуло к этому? Может быть, что-нибудь и удастся выяснить? Из Токио пришла телеграмма от родственников, они приедут за покойниками. А вот газеты пишут, что Саяма замешан в деле о взяточничестве... И что есть люди, которые вздохнут с облегчением, узнав о его смерти... Очевидно, Саяма был добропорядочным, но малодушным человеком. А еще газеты пишут, что между ним и О-Токи были близкие отношения и Саяма очень мучался этим. Значит, покончив с собой, Саяма сразу разрешил два вопроса. Нет, пожалуй, основную роль здесь сыграл страх перед следствием, а женщина только подтолкнула его к смерти.

И все же странно, думал Дзютаро, обливая лицо теплой водой, вместе прибыли в Хакату, потом женщина исчезла.

Он один пятнадцатого остановился в "Ганбая". Дату прибытия помог установить счет вагона-ресторана. С шестнадцатого до двадцатого, целых пять дней, с нетерпением ждал весточки от женщины. А что же делала О-Токи?

Дзютаро вытер лицо полотенцем. Звонок был для него очень важным, ведь он целыми днями никуда не отлучался. Вечером двадцатого, около восьми часов, она позвонила. И попросила позвать Сугавару, а не Саяму. Значит, они договорились заранее. Он тут же ушел. В тот же вечер они вместе отправились на Касийское взморье и покончили с собой. Для влюбленных что-то уж слишком поспешное самоубийство.

Может быть, были какие-то обстоятельства, помешавшие им насладиться последней встречей. Но какие неизвестно. И никакой записки не осталось.

Хотя... это ни о чем не говорит. Ведь предсмертные записки обычно пишут зеленые юнцы, а люди постарше не пишут. Кроме того, когда у людей настоящая трагедия, тут уж не до писания. Видно, все-таки это самоубийство по сговору.

Да-да, это несомненно. А счет? Почему "обслужен один человек"?..

– Послушай, выйдешь ты когда-нибудь или нет? – раздался за дверью голос жены.

Распарившийся, покрасневшийся Дзютаро Торигаи уселся за стол. У него были свои маленькие радости – выпить вечером два го^[5] подогретого сакэ, медленно, не торопясь, смакуя каждый глоток. Сегодня он очень устал, и ужин казался особенно вкусным.

Жена сидела рядом и шила кимоно. Яркое-красное, в узорах. Это для дочки.

Скоро ее свадьба.

– Положи, пожалуйста, рису, – Дзютаро пододвинул чашку.

Жена наполнила ее рисом и снова взялась за шитье.

– Выпила бы со мной чаю...

– Да мне не хочется, – ответила она, не поднимая головы.

Отправляя в рот рис, Дзютаро внимательно посмотрел на жену. Постарела.

Наверное, в таком возрасте уже не хочется ни пить, ни есть за компанию.

Вернулась дочь. Она была возбуждена, довольна.

– А Нитта-сан? – спросила мать.

– Проводил до дому и ушел, – ответила Сумико, снимая пальто и садясь к столу. Голос ее звучал радостно. Дзютаро отложил газету, обернулся к дочери.

– Послушай, Сумико, на обратном пути вы заходили куда-нибудь, пили чай?

Дочка засмеялась.

– Какой ты смешной, папа! Ну, выпили чаю. И что?

– Гм... Как раз тот самый случай, – пробормотал Дзютаро. – А вот, например, если Нитта-кун проголодался и хочет зайти куда-нибудь поесть. А ты уже сыта, даже и думать о еде не хочется...

– Ой, папа, какие странные вещи ты говоришь!

– Да ты послушай! Тебе есть не хочется, а он заходит в столовую. Что ты будешь делать?

Ждать на улице, разглядывать витрины?

– Не знаю, – Сумико на минуту задумалась, – пожалуй, все-таки пойду вместе с ним. А то скучно будет.

– Пойдешь, значит. А если даже и чаю выпить не захочется?

– Ну и что же!.. Просто посижу рядом. И потом чаю или кофе всегда можно выпить. За компанию.

– Правильно. Так и должно быть, – Дзютаро кивнул дочери. Тон был очень серьезный.

Жена, молчавшая до сих пор, прыснула:

– Ой, отец, что ты такое говоришь?!

– Понимаешь, папа, – добавила дочь, – дело тут не в том, хочется тебе есть или не хочется, все дело в любви.

– Гм... Вот оно что...

"Как здорово сказала! – подумал Дзютаро. – Я-то ломал голову, а она одним словом все объяснила".

Этот вопрос и мучил все время Дзютаро Торигаи. "Обслужен один человек" так было написано на счете вагона-ресторана. Влюбленные мужчина и женщина отправляются на далекий Кюсю, чтобы вместе покончить самоубийством. Их любовь должна быть еще более глубокой и сильной, чем при обычных обстоятельствах. А в поезде женщина отказывается пойти в вагон-ресторан со своим возлюбленным. Если даже она сыта, неужели не хочется использовать каждую минуту, чтобы побыть вместе? За места беспокоиться нечего, они нумерованы, их никто не займет. Осталась караулить чемоданы? Едва ли. Ерунда какая-то

получается. Да и в Хакате они ведут себя странно. Разлучаются на целых пять дней. А потом вместе кончают самоубийством. В поведении О-Токи есть что-то, что никак не вяжется с чувствами горячо любящей женщины.

Однако он собственными глазами видел два трупа на Касийском побережье. Влюбленные, вместе ушедшие из жизни. Никаких сомнений быть не может. Очевидно, слишком уж он придирается к мелочам. Так думал Дзютаро Торигаи и курил сигарету за сигаретой.

На следующий день из Токио прибыли родственники умерших. Трупы после анатомирования оставались в морге.

За телом Кэнити Саямы приехал его старший брат, представительный, полный, усатый мужчина. Управляющий отделением одного из крупных банков, как понял начальник сыскного отдела, прочитав его визитную карточку.

За телом О-Токи приехали ее мать, старуха лет шестидесяти, и молодая, изящно одетая женщина. Последнюю звали Томико, она была официанткой ресторана "Коюки", где раньше работала О-Токи.

Старший Саяма и обе женщины не делали никаких попыток поговорить друг с другом. Хотя они уже сталкивались и в полиции и в морге, они не обменялись ни единым словом. В этом был виноват брат покойного. Он смотрел на женщин ненавидящими глазами. Лицо его было каменным. Казалось, и старуха и официантка были ему отвратительны. Естественно, они растерялись, держались боязливо, словно страхась испепеляющего взгляда этого господина.

Начальник сыскного отдела выяснил причины такой ненависти во время опроса родственников.

– Не замечали ли вы за вашим братом чего-либо такого, что могло послужить причиной его самоубийства вместе с возлюбленной? – спросил начальник.

Управляющий отделением банка ответил холодно и презрительно:

– Мой брат опозорил и себя и меня. Газеты пишут по-разному о причинах его смерти. Не знаю, я не в курсе его служебных дел, может быть, он и хотел выгородить высшее начальство. Последний раз я видел его недели три назад, он показался мне очень подавленным. Однако он ни о чем не рассказывал. Брат вообще был не из разговорчивых. Три года назад умерла его жена, ему предлагали жениться вторично, но он как будто бы не собирался. И вот теперь Я узнал, что у него была женщина. Оказывается, он очень страдал. Об этом мне сказал его близкий друг накануне моей поездки сюда, к вам. Брат был человек серьезный, очевидно, все это глубоко его волновало. Посоветовался хотя бы со мной. Ужасно, что женщина, из-за которой он покончил с собой, официантка с Акасака. Я бы мог еще понять, если бы он сходил с ума из-за порядочной женщины. Но девица из ресторана, прошедшая огонь и воду... Видно, эта шлюха достаточно им поиграла, брат ведь не имел никакого опыта в таких делах. У нее, наверное, были веские причины, толкнувшие ее к смерти. И его увлекла за собой. Такая жалость, перед ним открывались широкие перспективы...

Казалось, дай волю этому банковскому служащему, и он обольет грязью и даже избьет двух женщин, приехавших за телом О-Токи.

А мать О-Токи рассказала следующее:

– По-настоящему-то ее звали Хидэко Куваяма. Мы сами крестьяне, живем в деревне, в префектуре Акита. Дочка моя Хидэко несколько лет назад вышла замуж. Да не повезло ей – разошлись. С тех пор и жила в Токио. Кажется, она несколько раз меняла работу, а потом уж поступила в услужение к господам из "Коюки". Не знаю, как она жила, писала редко, раза два-три в год присылала о себе весточку. А у меня-то руки до всего не доходят, пятеро ведь у нас детей-то, кроме нее. А уж беспокоилась о ней, беспокоилась, как же. Вот нынче получила телеграмму от ее госпожи и примчалась. Жалко-то как, бедная моя Хидэко!

Старуха заплакала, размазывая по дряблым щекам слезы. Веки ее подслеповатых глаз были красными и воспаленными, лицо изрезано глубокими морщинами. Она выглядела гораздо старше своих лет.

Потом начальник сыскного отдела беседовал с Томико, официанткой из "Коюки".

– Мы с О-Токи-сан очень дружили, – сказала девушка, – поэтому хозяйка и попросила меня съездить за телом покойницы. О-Токи-сан поступила к нам на работу года три назад. Она умела обращаться с клиентами, и они все к ней хорошо относились. Но кажется, ни с кем из них она не встречалась вне работы. Впрочем, О-Токи-сан не любила рассказывать о себе. Даже я, ближайшая ее подруга, не знаю, как она жила. Но никаких сплетен о ней я не слышала. И передать не могу, как мы были поражены, узнав, что она покончила самоубийством вместе с любовником. Человека по имени Саяма-сан я не знаю. Мы видели его фотографии в газетах, но ни хозяйка, ни официантки не помнят, чтобы он бывал в нашем ресторане. Но мы с Яэко – это моя подруга, тоже у нас работает – видели его с О-Токн-сан на Токийском вокзале.

– То есть как видели? Когда? – удивленно спросил начальник сыскного отдела.

– Четырнадцатого числа вечером. Мы провожали одного нашего постоянного клиента. И видели их на Токийском вокзале.

– Расскажите подробнее, как это было.

– Ну, мы пришли. Поезд Ясуды-сана, так зовут нашего клиента, отходил с тринадцатого пути. Когда пришли, состава еще не было. И других поездов не было, только на пятнадцатом пути стоял экспресс "Асакадзэ", который идет ла Кюсю. Ну, Ясуда-сан и увидел О-Токи.

С нею был мужчина. Они если в экспресс. Мы были поражены. А потом мы с Яэко-сан, проводив нашего клиента, побежали к тому поезду. Нехорошо, конечно, но очень уж хотелось посмотреть на О-Токи-сан и ее спутника.

Заглянули в окно – они сидят рядом и так весело беседуют...

– А вы не заговорили с ней?

– Да нет, неудобно было мешать. Просто посмотрели и ушли. И вот когда в газете появились фотографии Саяма-сана, я сразу вспомнила, что это тот самый мужчина, который был тогда с О-Токи. Господи, и подумать только, что они собирались покончить с собой! И в голову не могло прийти такое! Потом хозяйка сказала, что О-Токи накануне отпросилась с работы, видно, уже тогда задумала недоброе. Так жалко ее! Очень хорошая была девушка. И зачем только она умерла! Наверное, очень любила этого человека. А в газетах пишут, что он был замешан в этом самом деле о взяточничестве... Может быть, хотела, чтобы ему было легче...

На этом опрос родственников и друзей умерших окончился. Торигаи вместе с начальником внимательно выслушал все показания.

Брат Саямы и мать О-Токи получили тела покойных. Их кремировали в городе Фукуока. Родственники забрали урны с прахом и уехали. Дело о самоубийстве влюбленных на Касийском взморье благополучно закончилось.

Торигаи не мог вмешаться. Все казалось абсолютно ясным. Но два вопроса не давали ему покоя. Первый – счет: "обслужен один человек". Второй – почему женщина не остановилась вместе с мужчиной в гостинице. Где она находилась все это время?

Но эти доводы были слишком слабыми, чтобы высказывать особое мнение.

Начальник сыска не принял бы его во внимание. Да Торигаи и сам понимал, что у него нет никаких объективных доказательств. Только интуиция. Он молча наблюдал за ходом дела и чувствовал свое полное бессилие. От этого на душе было беспокойно. Очевидно, он не обретет покоя, пока не получит ответа на мучившие его вопросы. С другой стороны, ведь это обыкновенное самоубийство влюбленные решают вместе покончить с неудачно сложившейся жизнью.

Состав преступления отсутствует. Так, спрашивается, стоит ли ломать голову, когда каждый день случаются новые происшествия, требующие немедленного вмешательства. И все же...

А если попробовать действовать в одиночку? В конце концов ведь он сыщик, право на его стороне. Пожалуй, так он и сделает. Торигаи твердо решил разобраться в этом деле. На душе сразу стало легче.

Улучив момент, когда в отделе наступило относительное затишье, Торигаи поехал на Касийское взморье. Ему хотелось еще раз осмотреть место происшествия. На остановке Хакодзаки он сошел с трамвая и пересел на электричку Западной железной дороги. В Касии ведут две линии – западная, на Вадзиро, и основная – Токио – Кюсю. Первая удобнее, она проходит ближе к побережью.

От станции Западный Касии до берега моря всего десять минут ходу. Он вышел на окраину городка. Редкие домишки. Маленькая сосновая роща и усыпанный щебнем берег. Недавно здесь производили работы по поднятию грунта.

Дул холодный ветер, но море уже выглядело по-весеннему. Хмурые зимние краски уступили место более светлым и веселым тонам. Остров Сиганосима окутывала пелена тумана.

Вот здесь все это и произошло. Ничем не примечательное место, голые черные скалы, каменистая почва, как и на всем побережье.

"Удобное местечко, – подумал Торигаи, – дерись, режь, убивай, и все равно никаких следов не останется". Кэнити Саяма и О-Токи могли бы найти что-нибудь получше. Обычно влюбленные, решившие покончить с собой, выбирают другое место для смерти – какой-нибудь красивый уголок. Вид, конечно, и здесь неплохой, но больно уж голо. Правда, ночью все одинаково. Саяма ведь вышел из гостиницы часов в восемь, а между десятью и одиннадцатью все уже было кончено. Значит, прямо сюда и направились. Словно заранее сговорились.

Если они не знали местности, их поведение неоправданно. Кто станет блуждать по этим камням в темноте! Уж не бывал ли кто-нибудь из них здесь раньше?"

Торигаи быстро зашагал обратно, на станцию Западный Касии. Это недалеко метрах в пятистах, не больше. Маленький городок, но улицы довольно оживленные.

На станции он отправил две телеграммы: одну – старшему брату Кэнити Саямы, другую – матери О-Токи. Потом пошел в зал ожидания, ознакомился с расписанием. Через двадцать минут должен быть поезд на Хакату.

Поджидая поезд, сыщик остановился у выхода. Поглубже засунув руки в карманы и поеживаясь от холода, окинул взглядом площадь. Довольно унылый вид. Одинокий грузовик, несколько играющих ребятишек. Закусочная с вывеской "Отдых". Лавчонка, торгующая всякой мелочью. Лавка побольше – фруктовая.

Вдруг у Торкгаи мелькнула одна мысль. До сих пор он считал, что Саяма и О-Токи приехали на электричке на станцию Западный Касии. Но ведь они могли приехать и на станцию Касии по основной ветке. Он снова посмотрел расписание. Ну, конечно, есть поезд из Хакаты в 21.24!

Торигаи прикрыл глаза и с минуту подумал. Уехать домой можно и позже. Он повернулся и пошел в сторону лавок. Его охватило смутное предчувствие.

Торигаи остановился перед фруктовой лавкой, находившейся напротив станции.

– Можно задать вам один вопрос?

Хозяин, мужчина лет сорока, наводивший тряпочкой глянец на яблоки, нехотя обернулся. Обычно торговцы не очень-то любят, когда у них что-нибудь спрашивают, но Торигаи сказал, что он из полиции, и хозяин сразу стал серьезным.

– До которого часа открыта ваша лавка?

– Часов до одиннадцати вечера, – вежливо ответил хозяин.

– Значит, вы видите пассажиров, которые прибывают сюда около половины десятого?

– Около половины десятого? Ну да, ведь есть поезд из Хакаты в 21.24.

Разумеется, смотришь во все глаза, в лавке ведь уже пусто. А тут думаешь, не зайдет ли кто-нибудь купить фруктов.

– Так, очень хорошо. А теперь прошу вас припомнить, не видели ли вы вечером двадцатого числа, примерно в это время, выходящих со станции мужчину лет тридцати в европейском платье и женщину лет двадцати пяти в зимнем пальто, надетом поверх кимоно?

– Двадцатого вечером? Гм... Давненько, однако... Задумавшись, хозяин склонил голову набок. Торигаи понял, что вопрос непосильный, ведь прошло несколько дней. И число вряд ли о чем-нибудь говорит торговцу. Он решил задать свой вопрос иначе.

– Наверно, вы слышали, что недавно здесь на побережье нашли самоубийц, двух влюбленных, которые вместе приняли яд?

– Ну как же, слышал и в газетах читал. Это когда полиция утром обнаружила трупы.

– Вот-вот! Утром двадцать первого. А меня интересует предыдущий вечер, вечер двадцатого января. Может быть, вспомните?

– Предыдущий вечер... Да! Вспомнил! – хозяин хлопнул себя по фартуку с эмблемой. – Вспомнил! Конечно, видел!

– Что вы видели? – У Торигаи забилося сердце.

– Да этих самых людей, про которых вы спрашиваете. Я запомнил потому, что на следующий день поднялась шумиха из-за самоубийства. Так вот, значит, в тот вечер всего человек десять сошли на нашей станции. Это с поезда в 21.24.

На ночь глядя вообще мало кто приезжает. Ну, а мужчину и женщину я запомнил.

Одеты были так, как вы говорите, – он в европейском платье, она в кимоно. Я только на них и глядел, думал, может, фруктов купят.

– И что же, купили?

– Нет. Я даже расстроился. И не посмотрели на мою лавку, пошли по той улице, что на Западный Касии ведет. А утром – этот кошмар, самоубийство. Я уж подумал, не они ли. Потому и запомнил.

– А их лица вы помните? – Торигаи пристально посмотрел на хозяина. Тот потер щеку, соображая.

– Да нет... Отсюда все-таки далековато. И потом на станции горят яркие фонари, свет падал им на спину, так что только темные силуэты я и видел. Где уж тут разглядеть лица. Я видел в газетах фотографии, но не могу сказать, они ли это.

– Да-а... – Торигаи ссутулился. – А одежду разглядели?

– Тоже не очень. Они прошли мимо, я смотрел им вслед. Помню только, что мужчина был в пальто, а женщина в кимоно.

– А рисунок и цвет кимоно помните?

– Нет, где уж запомнить, – хозяин даже усмехнулся. Торигая был разочарован. В это время какой-то покупатель выбирал мандарины. Казалось, он прислушивается к их разговору.

– Вы сказали, они пошли в сторону станции Западный Касии. Можно по этой дороге выйти на берег моря?

– Конечно! Прямо через станцию и выйдете.

Торигаи поблагодарил хозяина и ушел.

Хоть что-то прояснилось. Чутье не обмануло. Жаль, что хозяин не разглядел лиц. Но, по всей вероятности, это были Кэнити Саяма и О-Токи. Они прибыли в Касии в 21.24, значит выехали из Хакаты примерно в 21.10. Из Хакаты до Касии минут пятнадцать езды. Если Саяма, поговорив с женщиной по телефону, выскочил из гостиницы немного позже восьми, где они были в течение часа? И где встретились? Проверить это невозможно. Хаката слишком большой город.

Так, погрузившись в свои мысли, Торигаи медленно шел к станции Западный Касии. Вдруг сзади его окликнули:

– Простите, пожалуйста!..

Торигаи обернулся. Смущенно улыбаясь, к нему подошел молодой человек с пакетом мандаринов в руках, по виду служащий фирмы.

– Вы из полиции? – спросил он.

Торигаи узнал недавнего покупателя.

– Я невольно слышал ваш разговор в лавке, когда выбирал мандарины, начал он. – Дело в том, что я тоже видел эту пару. Вечером, около половины десятого.

– Да?! – у Торигаи заблестели глаза. Оглядевшись кругом, он увидел маленький кафетерий и потащил туда засмущавшегося свидетеля. Быстро заказал два кофе и, без всякого удовольствия глотая мутноватую подслащенную жидкость, начал расспрашивать.

– Расскажите, пожалуйста, поподробней.

– Да, собственно, и рассказывать-то нечего, – почесал голову мужчина. Просто случайно услышал, что вы интересуетесь, ну и решил сказать.

– Вот и прекрасно. Рассказывайте.

– Я сам живу здесь, а работаю в Хакате, в одной из фирм, – начал молодой человек. – Накануне того дня, когда обнаружили самоубийц, я видел их вечером. Только это было на станции Западный Касии, в 21.35.

– Минуточку, – перебил его Торигаи, – в это время приходит электричка?

– Да. Она выходит со станции Велодром в 21.27 и через восемь минут прибывает сюда.

Велодром – станция на восточной окраине Хакаты, в Хакодзаки. Хакодзаки древнее поле сражения: во времена монгольского нашествия здесь произошла крупная битва. Неподалеку протекает река Тадарагава, там сохранились развалины оборонительных укреплений. Рядом – сосновая роща. Прекрасный вид на бухту Хаката.

– Итак, вы видели их в электричке?

– Нет, не в электричке. В тот вечер состав был всего из двух вагонов. Я сидел в заднем, пассажиров было мало, я бы обязательно их заметил. Наверно, они ехали в переднем вагоне.

– Где же вы их видели?

– Уже потом, по дороге домой. Со станции я шел медленно. В тот вечер я выпил в Хакате и был навеселе. Меня обогнали несколько человек, сошедших с той же электрички. Наши, местные, я их всех знаю. А потом меня обогнала еще одна пара, незнакомые мужчина и женщина. Шли они очень быстро. Мужчина был в пальто, женщина – в зимнем манто, из-под него виднелось кимоно. Они направлялись в сторону взморья. Ну, тогда я не обратил на это внимания, свернул к себе в переулок. А утром узнал о самоубийстве влюбленных. Вот я и подумал, уж не их ли я видел? Ведь в газетах писали, что смерть наступила около десяти вечера.

– А лиц вы не помните?

– Да нет, ведь они меня обогнали, и я видел только их спины!

– А одежду можете подробно описать? Цвет, рисунок?

– И этого не помню. На той улице фонари тусклые, да и был я навеселе.

Только вот слышал, что женщина сказала.

Торигаи насторожился.

– Да? Что же она сказала?

– Да всего одну фразу: "Какое, однако, унылое место".

– "Унылое место..." – невольно повторил Торигаи. – А что ответил мужчина?

– Он промолчал. А потом они ушли далеко вперед, и больше я ничего не слышал.

– А какой голос был у женщины? Было в нем что-нибудь особенное?

– Ну, как сказать... Приятный такой, чистый голос. И без местного акцента. Я еще подумал: наверно, из Токио.

Торигаи достал сигарету из смятой пачки "Синсей", закурил. Пуская дым, он обдумывал следующий вопрос.

– Электричка прибывает точно в 21.35?

– Да. Я всегда возвращаюсь этой электричкой, когда случится задержаться в Хакате.

Торигаи задумался. Возможно, это та же самая пара, которую видел хозяин фруктовой лавки на станции Касии. Ведь этот парень говорит, что в его вагоне их не было. Просто они шли вместе с пассажирами электрички, и свидетель решил, что они на ней приехали. На станцию Касии поезд прибывает в 21.24. А электричка на станцию Западный Касии – в 21.35. Одиннадцать минут разницы.

Расстояние между двумя станциями примерно пятьсот метров. И дорога прямая.

Очень может быть, что это одна и та же пара.

– Вот все, что я могу вам сообщить. – Молодой человек поднялся. – Вы справлялись об этих людях у хозяина фруктовой лавки, вот мне и захотелось рассказать, что я видел.

– Большое вам спасибо!

Торигаи записал фамилию и адрес служащего.

"Какое, однако, унылое место..."

Слова эти звучали в ушах Торигаи, как будто он сам их слышал. На основании этой маленькой фразы можно сделать три вывода:

1/ Токийское произношение. Значит, женщина не из местных жителей. На всем Кюсю, начиная с префектуры Фукуока, говорят на местном диалекте.

2/ Очевидно, женщина впервые в этих местах.

3/ Она не ждала ответа мужчины, говоря эти слова. Просто высказала свое впечатление. Это подтверждается тем, что мужчина промолчал. Возможно, мужчина знал здешние места и привел сюда женщину. Если считать, что они покончили с собой в десять, значит прошло тридцать-сорок минут с того момента, как их видели. Если в одиннадцать, то часа полтора. Вполне возможно, что самоубийцы и есть те люди, которых видели хозяин фруктовой лавки и молодой служащий. С другой стороны, не исключено, что это просто случайное совпадение. Тысячи людей приезжают в Хакату из Токио. Мало ли кто мог захотеть погулять вечером по Касийскою побережью! Дул холодный ветер. Над лавчонками трепыхались флажки. В черном небе сияли яркие, словно начищенные до блеска звезды. Торигаи вернулся на станцию Касии. Засек время и пошел обратно. Шаггал быстро. Придя на станцию Западный Касии, снова посмотрел на часы. Дорога заняла около шести минут. Потом он проделал этот путь еще за два раза. Каждый риз снижая скорость.

В результате трех опытов выяснил следующее: от станции Касии до станции Западный Каспи можно дойти быстрым шагом за пять с половиной минут, средним – за шесть с половиной и медленным – за восемь. Таким образом, при нормальной походке требуется шесть-семь минут.

Если на обеих станциях видели одну и ту же пару, значит, мужчина и женщина шли одиннадцать минут. Торигаи вспомнил, что, по словам служащего, они шли очень быстро. А ведь если очень спешить, и пяти минут не потребуется. Отсюда можно сделать два вывода:

1/ либо по пути они задержались, например, делали какие-нибудь покупки;

2/ либо хозяин фруктовой лавки и служащий видели разных мужчину и женщину.

Оба варианта вполне вероятны. Но Торигаи никак не мог отделаться от впечатления, что мужчина и женщина, которых видели на обеих станциях, одни и те же лица. С другой стороны этому нет никаких доказательств, кроме того, что в обоих случаях мужчина был одет в европейское платье, а женщина – в кимоно. Конечно, если это разные люди, на Саяма и О-Токи больше всего похожи те, которых служащий видел на станции Западный Касии: из головы Торигаи не выходила фраза, оброненная женщиной: "Какое, однако, унылое место..."

Так и не придя ни к какому определенному выводу, Торигаи вернулся домой, в Хакату, и лег спать.

На следующий день на службе его ждали две телеграммы. Он распечатал первую: "Кэнити часто бывал командировке Хакате тчк Саяма", потом вторую:

"ХидэкоХакате не бывала".

Это были ответы на те телеграммы, которые он отправил вчера со станции Касии родственникам умерших.

Так, значит, Кэнити Саяма часто бывал в Хахате. Очевидно, неплохо здесь ориентировался. А О-Токи приехала впервые.

Перед глазами Торигаи снова всплыли темные фигуры мужчины и женщины.

"Какое, однако, унылое место..." – говорит женщина. Мужчина молчит и торопливо шагает

дальше...

До обеда Торигаи успел сделать одно дело.

Потихоньку он ушел из управления, сел в трамвай и доехал до Хакодзаки, откуда пешком дошел до железнодорожной станции Велодром. Здесь начинается пригородная линия электропоездов, которая тянется на север, вдоль побережья, до порта Цуядзаки. Станция Западный Касии находится примерно на середине пути. Погода была безветренная, на редкость теплая для зимы.

Торигаи показал свое удостоверение начальнику станции.

– Чем могу быть полезен? – приподнимаясь из-за стола, спросил толстый багроволицый начальник.

– В котором часу вышла отсюда электричка, прибывшая двадцатого числа на станцию Западный Касии в 21.35?

– В 21 час 24 минуты, – не задумываясь, ответил толстяк.

– Я бы хотел кое о чем спросить контролера, который дежурил тогда на станции [\[6\]](#). Он здесь?

– Сейчас узнаю.

Начальник станции заглянул в график дежурства. Выяснил фамилию контролера. Его вызвали.

– Что-нибудь случилось? – начальник станции пододвинул сыщику чашку крепкого чая.

– Ничего особенного. Просто надо кое-что уточнить, – ответил Торигаи, отхлебывая чай.

– Да-а, трудная у вас работа...

Вошел молодой контролер. Вежливо поклонился.

– Вот он, пожалуйста, – сказал начальник.

– Простите, пришлось вас побеспокоить, – начал Торигаи. – Скажите, вы дежурили вечером двадцатого числа?

– Да, я.

– Во время посадки на электричку, которая отправлялась в 21.24, вы не заметили среди пассажиров мужчину лет тридцати в пальто и женщину лет двадцати пяти в кимоно?

– Трудно сказать, – заморгал контролер, – ведь многие носят пальто. А цвет какой?

– Пальто темно-синее, брюки коричневые. На женщине вишневого кимоно, сверху – серое зимнее манто.

– Нет, не могу вспомнить. Ведь мы только на руки смотрим, когда пробиваем билеты, а лиц-то и не видим. Ну, если случится что-нибудь особенное, тогда уж, конечно, и на лицо взглянешь. И потом тут конечная станция. Как только начинается посадка, пассажиры толпой валят...

– Но ведь вечером не так уж много народу?

– Да, немного, обычно человек тридцать-сорок.

– По-моему, в последнее время мало кто из женщин носит кимоно, большинство одеваются в европейское платье. Может быть, припомните?

– Да пет, извините, никак не вспомню.

– А вы постарайтесь, – не отставал Торигаи. Но контролер только качал головой. Тогда сыщик задал ему другой вопрос:

– Скажите, не было ли тогда среди пассажиров ваших знакомых?

– Знакомых?.. Были.

– Очень хорошо! Вы знаете их фамилии?

– Ну еще бы! И фамилии и адреса знаю. Трое их было.

– Прекрасно. Позвольте, я запишу.

Торигаи записал фамилии и адреса знакомых контролера. –Теперь ему предстояло основательно побегать. Все трое жили по этой ветке. И он последовательно сходил на станциях Вадзиро, Сингу и Фукума.

Мужчина из Вадзиро сказал следующее:

– Я ехал в первом вагоне. Там были две женщины в серых зимних пальто.

Одной было лет сорок, другая помоложе, лет двадцати семи. Рядом с ними сидели работницы, они возвращались домой. Мужчины в темно-синем пальто, кажется, не было.

Торигаи вытащил из кармана фотографию О-Токи.

– Молодая в сером манто не эта?

– Нет, совсем другое лицо.

Следующим был человек из Сингу. Он сказал, что ехал в заднем вагоне.

– Женщина в зимнем манто? Нет, не знаю. А впрочем, может быть, и была. Я сразу уснул, как только сел в электричку. И мужчины в темно-синем пальто не помню. – Посмотрев на фотографии самоубийц, он только еще раз отрицательно покачал головой:

– Ничего не могу сказать...

Последний знакомый контролера, житель Фукумы, сказал следующее.

– Я ехал в заднем вагоне. Была там одна женщина в зимнем манто. Да, примерно лет двадцати пяти-шести.

– А какого цвета пальто? Серое?

– Вот цвет не припомню. Ведь большинство зимних пальто серые, может быть, и у нее было серое. Оживленно так болтала с мужчиной.

– С мужчиной? А что за мужчина? – Торигаи весь напрягся, но ответ разочаровал его:

– Муж, наверное. Лет сорока.

Торигаи показал фотографии. Нет, не они. Мужчину в темно-синем пальто он не помнит.

Так и не получив доказательств, что в той электричке ехали Саяма и О-Токи, Торигаи, усталый и разочарованный, вернулся в Хакату.

В управлении его встретил начальник сыскного отдела:

– А-а, Торигаи-кун, наконец-то! С тобой хочет поговорить сотрудник департамента полиции Токио. Давно уже дожидается.

Навстречу Торигаи, улыбаясь, поднялся незнакомый молодой человек.

Первые вопросы Ему было лет тридцать, не больше. Приземистый, коренастый и крепкий, широкий, как шкаф. Но лицо открытое, детское, свежая кожа, густые брови, круглые глаза.

– Вы господин Торигаи, сыщик? Здравствуйте. Я помощник инспектора второго сыскного отдела токийского департамента полиции Киити Михара. – Широко улыбнувшись и сверкнув белоснежными зубами, он протянул Торигаи свою визитную карточку.

Услышав, что Михара из второго сыскного отдела, Торигаи сразу догадался, что он интересуется самоубийством Саямы и О-Токи. Дела подобного рода входят в компетенцию второго отдела. Первый отдел занимается расследованием убийств, ограблений и прочих преступлений, где имеет место насилие.

Сейчас в Токио ведется следствие по делу о взяточничестве в министерстве Н. Газеты подняли страшный шум по этому поводу. Основные подозрения падали на отдел, в котором работал Саяма. Недавно арестовали второго помощника начальника отдела. А две недели назад привлекли к ответственности двух руководителей одного частного предприятия, теснейшим образом связанного с министерством. Очевидно, главное еще впереди. Вот этим и занимался в настоящее время второй сыскной отдел.

– Мне нужно выяснить кое-какие подробности о самоубийстве Кэнити Саямы и его любовницы, – сказал Михара, усаживаясь на стул.

"Так и есть", – подумал Торигаи.

– Господин начальник сыскного отдела рассказал мне в общих чертах все, что известно полиции, и любезно предоставил все материалы следствия.

Кажется, все ясно.

Действительно, на столе лежали фотографии, свидетельства о вскрытии и прочие бумаги.

– Однако, как я слышал, вы, Торигаи-сан, имеете особое мнение по этому делу? – продолжал Михара.

Торигаи быстро взглянул на своего начальника. Тот, выпуская струю дыма, сказал:

– Торигаи-кун, помнишь, ты говорил мне о своих подозрениях? Я рассказал об этом господину Михаре. Он очень заинтересовался. Пожалуйста, изложи ему все подробно.

– Да, пожалуйста. Когда я узнал, что у вас особая версия, я страшно заинтересовался. С нетерпением ждал вашего возвращения.

Лицо Михары внушало симпатию.

– Даже не знаю, что вам сказать. Это, пожалуй, и не назовешь особой версией. Так, кое-какие домыслы... – Торигаи сдерживало присутствие начальства.

Но Михара улыбнулся:

– Ну так что же? Домыслы тоже неплохо. Пожалуйста, расскажите.

И Торигаи пришлось рассказать о счете вагона-ресторана с пометкой "обслуживался один человек". Он вспомнил разговор с дочерью, но об этом, разумеется, умолчал.

– Очень интересно! – Михара держался вежливо и мягко, словно дипломат. И этот счет сохранился?

– Нет. Хотя Саяма и девушка умерли неестественной смертью, состава преступления ведь не было. Все вещи покойных передали родственникам, вмешался начальник отдела.

– Так, – между бровями Михары легла едва заметная складка. – Счет датирован 14 января? Это точно?

– Да, точно.

– Это тот самый день, когда Саяма с О-Токи, официанткой ресторана "Коюки", выехали с Токийского вокзала на экспрессе "Асакадзэ". Гм... – Михара полез в карман и вытащил записную книжку. – Я списал расписание движения "Асакадзэ". Он отправляется из Токио в восемнадцать тридцать, в двадцать прибывает в Атами, в двадцать один час одну минуту – в Сидзуоку, в двадцать три двадцать одну – в Нагою, в два часа ночи – в Осаку, это уже утро следующего дня, то есть 15 января. Следовательно, счет мог быть выдан до Нагой, если он помечен четырнадцатым числом.

Торигаи понял Михару. Этот человек думал так же, как он. Вот и суди о людях по внешности – с виду похож на страхового агента, а на самом деле работает в департаменте полиции. И ничего не скажешь, соображает неплохо.

Тут Михара обратился к начальнику сыскного отдела:

– Мне бы хотелось осмотреть место происшествия. Конечно, я понимаю, что отрываю вас от работы, но все-таки не разрешили ли бы вы Торигаи-сану сопровождать меня?

Начальник согласился. Всем своим видом он говорил: ну, что с вами поделаешь!

Когда они сели в трамвай, помощник инспектора Михара подмигнул Торигаи:

– Ваш начальник, кажется, не очень-то склонен копаться в мелочах.

Торигаи усмехнулся. Вокруг глаз собрались морщинки.

– Что поделаешь, это везде бывает, – продолжал Михара. – Меня заинтересовала ваша версия. Но я подумал, что в присутствии начальника вам не очень-то удобно говорить, вот и вытащил вас под предлогом осмотра места происшествия. Посмотрю, а заодно и вас послушаю.

– Хорошо. Там и поговорим, – Торигаи был очень рад, чувствуя заинтересованность

молодого помощника инспектора.

было известно, где он остановился, да и Саяма ждал телефонного звонка. Совершенно ясно, договорились заранее. – Торигаи помолчал немного, потом добавил:

– Об одном только не договорились...

– О чем?

– О том, когда О-Токи приедет в Хакату. Ведь Саяма ждал звонка каждый день.

3

Михара что-то чертил в записной книжке, потом протянул ее Торигаи:

– В общем все это выглядит примерно так:

В книжке была следующая схема:

18.30

20.00

21.01

23.21

2.00

11.55

Токио

14 января на выехали "Асакадзэ" Саяма и О-Токи

Атами

Сошла

Сидзуока

Т О-Токи?

Нагоя

Осака

Хаката

15 января Саяма приехал и остановился в гостинице Хаката

15 января Саяма приехал и остановился в гостинице 20-го ему позвонила женщина

– Да, правильно.

– Но вот зачем О-Токи сошла, не доезжая Хакаты?

Действительно, зачем? Торигаи этого не понимал.

– Не знаю, не могу себе представить, – ответил он, потирая щеку.

Михара скрестил на груди руки. Его взгляд был устремлен далеко в море.

Словно он пытался отыскать там ответ на мучивший их вопрос. Сквозь дымку тумана проступали расплывчатые очертания острова Сиганосима.

– Михара-сан, – окликнул его Торигаи. Он решил задать вопрос, который уже давно вертелся у него на языке. – Отчего это департамент полиции именно теперь решил расследовать дело о самоубийстве Саямы и его возлюбленной?

Михара ответил не сразу. Он вытащил пачку сигарет, протянул Торигаи, щелкнул зажигалкой и дал прикурить. Потом закурил сам и сказал:

– Торигаи-сан, мы с вами бьемся над решением одного и того же вопроса. Я доставил вам много хлопот, вы мне помогаете... Что ж, буду откровенным.

Кэнити Саяма был важным свидетелем по делу о взяточничестве в министерстве.

Хоть он и занимал небольшой пост – помощник начальника отдела, – но он работал там довольно долго и хорошо разбирался в делах. Следовательно, играл не последнюю роль в истории со взятками. К нему даже больше подходит определение "подозреваемый", чем "свидетель". Расследование только начато, и это наша вина, что мы плохо следили за Саямой...

– Михара стряхнул пепел и продолжал:

– Многие вздохнули с облегчением, узнав о смерти Саямы. Чем дальше идет следствие, тем

больше вопросов к Саяме. Мы дали умереть очень важному свидетелю. Для нас его смерть настоящий удар. И сейчас, когда мы кусаем локти, кто-то прыгает от радости. Очень может быть, что Саяма покончил с собой, чтобы кое-кого выгородить. Но в последнее время обстоятельства самоубийства вызывают все больше и больше сомнений.

– Сомнений?

– Да. Возникло подозрение, что он умер не по своей воле.

Торигаи внимательно посмотрел на Михару:

– Есть какие-нибудь основания так думать?

– Никаких. Ничего определенного. Но почему он не оставил никакой записки?

И женщина тоже. Ведь обычно влюбленные всегда так делают.

Торигаи уже думал об этом и говорил своему начальнику..

– Мы в Токио интересовались жизнью Саямы и не могли установить его связи с О-Токи, – продолжал Михара.

– Как же так?

– Ну, удалось выяснить, что он имел какую-то любовницу, но была ли это именно О-Токи, неизвестно. Об О-Токи мы тоже расспрашивали и в ресторане "Коюки" и в доме, где она снимала комнату. Оказывается, у нее тоже был любовник. Домой ей часто звонил мужчина, иногда она не приходила ночевать.

Но кто он, установить не удалось. Очень может быть, что это был Саяма, но точных доказательств нет. Любовник никогда не приходил к ней домой.

"Как странно, – подумал Торигаи, – ведь они вместе покончили с собой, так делают только влюбленные".

– Но, Михара-сан, ведь две официантки из ресторана "Коюки" своими глазами видели, как эта парочка вместе села в экспресс "Асакадзэ". Да и третий человек видел. Клиент этого ресторана. А здесь они покончили с собой. Также вместе.

И фотографии это подтверждают и заключение судебного врача. Разве не ясно?

– В том-то и дело! – на лице Михары впервые появилась растерянность. Здесь мне показали все материалы, и я почти убедился, что это самоубийство влюбленных по сговору. Какое дурацкое положение – ведь все мои подозрения не подтверждаются. А я только ради этого и приехал из Токио.

– Пошли потихоньку, – сказал Михара. Они поднялись и зашагали обратно по той же самой до роге. Уже у самой станции Западный Касии Торигаи вспомнил, что упустил одну деталь, излагая Михаре свое мнение.

– Тут есть еще одна станция Касии, на основной железнодорожной линии, метрах в пятистах отсюда. По этому поводу удалось получить довольно любопытные показания.

И Торигаи подробно передал Михаре беседы с хозяином фруктовой лавки и молодым служащим и рассказал, как сам высчитал время, которое занимает дорога между двумя станциями.

Михара оживился.

– Это очень интересно. Я хочу повторить ваш опыт. И он тоже три раза прошел расстояние между станциями, сначала быстро, потом помедленнее и, наконец, совсем медленно.

– Действительно, как бы медленно ни идти, требуется меньше восьми минут, – сказал Михара, взглянув на часы. – Одиннадцать минут никак не получается.

Конечно, если они по дороге куда-нибудь зашли, тогда другое дело.

– Ну, ведь можно предположить, что на двух станциях были разные пары.

– Это верно. Но мне кажется, – Михара задумчиво смотрел в сторону, – мне кажется, что это были те же самые мужчина и женщина.

Торигаи рассказал еще о результатах опроса контролера со станции Велодром и о показаниях трех пассажиров. Михара все записал.

– В общем не ясно, одна и та же пара или нет. Но все это крайне любопытно. Да... трудная вам досталась работенка! – Михара сочувственно поглядел на Торигаи.

На следующий день вечером Торигаи пришел на вокзал проводить Михару.

Помощник инспектора возвращался в Токио. Его экспресс "Ундзэн" отходил из Хакаты в 18 часов 2 минуты.

– Когда вы будете в Токио?

– Завтра в 15.40.

– Пришлось вам потрудиться. Очень вам благодарен.

– Да что вы! Это вы помогли мне, вам спасибо! – Михара так и засиял улыбкой.

– Ну, что там! Какая вам от меня польза? – ответил Торигаи.

– Да нет, Торигаи-сан, мою командировку можно считать успешной только благодаря вам, – Михара посмотрел ему прямо в глаза. Не приходилось сомневаться в его искренности.

До прибытия экспресса из Нагасаки оставалось еще минут тринадцать. Они вместе следили за проходящими и уходящими поездами. У соседней платформы стоял длинный товарный состав. Суэта, спешка, как всегда на вокзале. Михара погрустнел.

– Наверно, у вас на Токийском вокзале куда больше поездов. Настоящее столпотворение, а? – спросил Торигаи. Он никогда не бывал в Токио.

– Да... Ужас что делается! Поезда без конца прибывают и отъезжают. На всех путях... – безразлично отозвался Михара. Вдруг его пронзила одна мысль.

На Токийском вокзале три человека видели, как Саяма и О-Токи садятся в экспресс "Асакадзэ". Очевидцы стояли на платформе у тринадцатого пути и видели пятнадцатый путь. Посередине был еще четырнадцатый путь. Неужели на Токийском вокзале с его непрерывным движением поездов бывают такие моменты, когда пути свободны и с одной платформы можно увидеть другую?..

Киити Михара прибыл в Токио под вечер. За долгую дорогу он истосковался по чашке хорошего кофе. Выйдя с вокзала, он схватил такси и поехал на улицу Юракуте, в кафетерий.

– А, Михара-сан, что-то давно вас не было видно, – улыбаясь, встретила его знакомая официантка.

Михара постоянно пил здесь кофе. А сейчас его не было дней пять-шесть.

Разумеется, официантка не знала о его поездке на Кюсю. В зале сидели обычные посетители. Много знакомых лиц. Ничто не изменилось. Время текло размеренно и непрерывно. Михара почувствовал себя так, словно он один был выброшен на какой-то период из этого течения. Никто на свете не знает, что делал Михара, очутившись вне времени и пространства. Может быть, с ним произошли удивительные вещи, но никому нет до этого дела. Что ж, это вполне естественно, но он вдруг почувствовал себя одиноко.

Кофе был превосходным. Чего-чего, а хорошего кофе в провинции не получишь. Расплатившись, он опять взял такси и поехал в департамент полиции.

Поднялся по знакомой лестнице, толкнул дверь с табличкой "Полицейский инспектор Касаи". Начальник еще был на работе.

– Здравствуйте, Касаи-сан, только что приехал. Инспектор повернул толстую бычью шею и глянул на Михару.

– А-а, Михара-кун! Ну, здравствуй, здравствуй. Устал? Молодой сыщик, находившийся в комнате, подал Михаре чай.

Инспектор улыбнулся, глядя на осунувшееся лицо Михары.

– Прости, что сразу о деле. Ну, как там? Выяснил что-нибудь?

Михара вытащил из портфеля все материалы о самоубийстве Саямы и О-Токи, которые ему дали на время в фукуокском управлении полиции, и разложил их на столе.

– В управлении полиции Фукуоки это дело прошло как самоубийство влюбленных. Есть подтверждения.

– Н-да... – инспектор просмотрел фотографии, прочитал заключение судебно-медицинской экспертизы и отчет. – Так-так. Значит, все же получается, что это самоубийство по сговору. Выходит, зря пришлось тебя побеспокоить.

В его тоне прозвучали сочувственные нотки.

– Пожалуй, не совсем зря, – ответил Михара.

– Да? – Касаи несколько удивленно взглянул на помощника. – Есть что-нибудь интересное?

– Кое-что. Правда, это не заключение управления полиции Фукуоки, а частное мнение их сотрудника Торигаи, ветерана сыскного дела. Он рассказал мне любопытные вещи.

И Михара со всеми подробностями изложил начальнику все, что сообщил ему Торигаи. Касаи задумался.

– Его соображения по поводу счета вагона-ресторана очень интересны.

Следовательно, он считает, что О-Токи сошла с экспресса в Атами или Сидзуоке, провела там дней пять и только после этого отправилась в Хакату.

Там она позвонила Саяме, который уже давно ее поджидал. Тогда со счетом все ясно.

– Да, получается так.

– Хорошо! Но во! зачем понадобилось Саяме, чтобы женщина сошла на полпути? Что она делала в Атами и Сидзуоке? Пожалуй, это стоит проверить.

– Значит, вам тоже кажется, что здесь не все в порядке? – глаза Михары встретились с глазами инспектора. – Правда, судя по материалам следствия, это, несомненно, любовное

самоубийство. И все же...

– Михара-кун, – сказал Касаи, глядя куда-то вдаль, – очень может быть, что мы с тобой заблуждаемся. Смерть Саямы – большая потеря для расследования дела о взяточничестве в министерстве. Вот и начинаешь сомневаться даже в самых неопровержимых фактах. Не знаю, может быть, мы уже вырождаемся в тех низкопробных ищек, которые готовы доказать что угодно, лишь бы по-своему повернуть дело... Как бы не получилось так, что незаметно для себя мы гоняемся за собственной тенью.

Михара признавал, что такая опасность существует. И все же ему хотелось самому еще раз вникнуть в суть этой трагической истории. Разобраться до конца, и если окажется, что он не прав, тогда уже сложить оружие. Он высказал свои соображения начальнику.

Тот кивнул. Очевидно, он думал так же.

– Ладно, попробуем пойти по другому пути. Хотя, может быть, мы и на ложном пути. – Скрестив руки на груди, Касаи помолчал немного, а потом сказал:

– "Асакадзэ" – экспресс. Значит, все места нумерованные, даже в третьем классе. Если О-Токи сошла на полпути, никто не мог занять ее места.

Оно пустовало. Попробуем проверить это. Пошлем кого-нибудь, пусть побеседуют с проводником.

На следующий день Киити Михара отправился на Токийский вокзал. Голова была свежей и ясной, он хорошо выспался.

Он отыскал тринадцатый путь, остановился на платформе и стал смотреть на другие пути. Со стороны казалось, что человек кого-то ждет. Михара смотрел и смотрел, у него начало рябить в глазах. Он видел только электрички направления Токио – Иокосука, они беспрерывно прибывали и отходили с тринадцатого пути. Дальше, на четырнадцатом пути, тоже все время мелькали составы. Не было никакой возможности увидеть, что творится на пятнадцатом пути и на платформе перед ним.

Михара решил пойти на вокзал, вспомнив полунарек Торигаи о существовании трех свидетелей. Решил проверить интуицию сыщика из Фукуоки. И вот, пробыв больше часа на этой платформе, он так ни разу и не увидел пятнадцатого пути.

По рассказам самих очевидцев, они заметили О-Токи и Саяма именно отсюда. Что же получается? Неужели пятнадцатый путь просматривался с этой платформы только в тот момент, когда здесь стояли эти три свидетеля?

Михара постоял еще немного в раздумье, потом медленно направился в здание вокзала. Показав свое удостоверение заместителю начальника вокзала, он сказал:

– Я хочу задать вам один вопрос. Простите, он, вероятно, покажется вам глупым, но мне необходимо это выяснить. Скажите, можно ли, стоя на платформе у тринадцатого пути, увидеть экспресс "Асакадзэ", который в 18.30 отправляется с пятнадцатого пути?

Пожилой заместитель удивленно посмотрел на Михара:

– Можно ли видеть "Асакадзэ" с платформы тринадцатого пути? То есть вы хотите узнать, бывает ли время, когда на тринадцатом и четырнадцатом путях нет никаких поездов?

– Вот именно!

– Думаю, что нет. Впрочем, сейчас проверим. Он разложил на столе график движения поездов.

– Представьте себе, нашел! Есть такой момент, когда и тринадцатый и четырнадцатый пути свободны и с платформы у тринадцатого можно видеть "Асакадзэ", который стоит на пятнадцатом пути. Действительно, есть такое время! – заместитель начальника вокзала сам был удивлен.

– Значит, можно... – Михара почувствовал легкое разочарование, но тут же снова насторожился.

– Да, можно. Но всего лишь в течение четырех минут.

– В течение четырех минут? – у Михары вдруг забилось сердце. – Объясните, пожалуйста, поточнее!

– Пожалуйста. "Асакадзэ" подают на пятнадцатый путь в 17.49, отправляется он в 18.30. Следовательно, поезд стоит сорок одну минуту. Перед этим, в 17.46, на тринадцатый путь прибывает электричка № 1703 и в 17.57 отправляется на Иокосуку. Затем на тот же путь в 18.01 прибывает электричка № 1801, которая отправляется в 18.12. Когда она уходит, пятнадцатый путь все равно не виден, так как на четырнадцатый путь в 18.05 подается поезд № 341, на Сидзуоку, и стоит до 18.35. Таким образом, есть только маленький промежуток в четыре минуты, от 17.57, когда отправляется электричка № 1703, до 18.01, когда подают электричку № 1801. Только за эти четыре минуты и можно с платформы тринадцатого пути увидеть экспресс "Асакадзэ".

Михара достал свою записную книжку. Все сразу понять и запомнить было трудно.

Заместитель начальника вокзала написал ему нечто вроде расписания.

На службе, тщательно изучив расписание, Михара взял лист бумаги и начертил схему.

Вот теперь все стало наглядным и ясным. С платформы у тринадцатого пути экспресс "Асакадзэ" можно видеть только четыре минуты, с 17.57 до 18.01.

Следовательно, получается, что очевидцы как раз в это время оказались на платформе и видели, как О-Токи и Саяма садились в экспресс.

Михара подумал, что их показания чрезвычайно важны. "О-Токи и ее спутник держались, как близкие люди. Оживленно болтая, они подошли к нужному вагону и сели в экспресс" – это наблюдение было единственным доказательством близости мужчины и женщины, а следовательно, и единственным подтверждением версии о самоубийстве влюбленных по сговору. Во всяком случае, никаких других фактов, свидетельствующих об интимных отношениях покойных, не было.

Правда, удалось выяснить, что и Саяма и О-Токи имели с кем-то любовную связь, но с кем – неизвестно.

"Надо же было этим троим именно в это время случайно оказаться именно на платформе у тринадцатого пути..." – подумал Михара. И тут же новая мысль, как молния, блеснула в его мозгу. Случайно? А случайность ли это?.. С другой стороны, если начнешь сомневаться во всех случайностях, конца этому не будет. Однако четыре минуты... Слишком мало времени для случайности.

Михара припомнил очевидцев. Две официантки ресторана "Коюки" и их клиент.

Этот клиент ехал в Камакуру, официантки его провожали. С платформы тринадцатого пути они все трое увидели Саяму и О-Токи, садившихся в "Асакадзэ". Это рассказала Михаре одна из официанток, Яэко, перед его командировкой на Кюсю. Тогда он выслушал ее без особого интереса. А теперь решил, что, пожалуй, стоит расспросить ее еще раз, поподробнее.

Михара пришел в "Коюки" довольно рано – ведь в ресторанах утро начинается поздно. Яэко занималась уборкой и вышла к нему в момпэ^[7].

– Простите, я в таком виде... – девушка слегка покраснела.

– Это вы простите, что я вас беспокою, – Михара приветливо улыбнулся, но в прошлый раз вы нам помогли, и я хотел бы вернуться к тому разговору.

Ну, помните, вы рассказывали, как с подружкой провожали вашего клиента на Токийском вокзале и видели Саяму и О-Токи?

– Да, да, – Яэко кивнула.

– Кажется, тогда я забыл спросить имя этого клиента. Яэко быстро взглянула на Михару.

– Да вы не беспокойтесь. Я не доставлю никаких хлопот этому человеку.

Так, для порядка хотел бы знать, – поспешил Михара успокоить официантку. Он понимал ее тревогу: для ресторана постоянный клиент – ценная персона.

– Его зовут господин Тацуо Ясуда, – сказала девушка, слегка понизив голос.

– Так, Тацуо Ясуда. А чем он занимается?

– Не знаю точно. Слышала, что он торгует фабричным оборудованием. В районе Нихонбаси. Кажется, у него довольно крупное дело.

– Так-так. Он, кажется, старый клиент вашего ресторана?

– Да, он ходит к нам, пожалуй, уже года три-четыре. Раньше его всегда обслуживала О-Токи-сан, он считался ее клиентом.

– Значит, он хорошо знал О-Токи-сан... Кстати, кто первым заметил ее на платформе?

– Господин Ясуда. Он и показал ее нам.

– Да... – Михара на секунду замолчал, задумавшись.

Потом снова улыбнулся и продолжал:

– Значит, вы и Томи-тян провожали его на вокзал. И что же, вам внезапно пришла в голову эта мысль – проводить его?

– Да. Он угощал нас обедом в ресторане "Кок-д'ор", на Гиндзе. Ну, и вдруг мы решили.

– В ресторане "Кок-д'ор"? Он пригласил вас туда заранее?

– Да, накануне вечером Ясуда-сан был в "Коюки" и пригласил нас на завтра, в половине четвертого.

– Так, в половине четвертого. Пообедали, а потом что?

– Когда обед уже кончился, Ясуда-сан сказал, что собирается в Камакуру, и попросил нас проводить его. Ну, и мы с Томи-тян пошли.

– Примерно в котором часу это было?

– В котором часу... – Яэко задумалась. – Ах да, я спросила его, когда электричка, и он сказал: "Хочу успеть на 18.12, сейчас тридцать пять минут шестого, мы успеем, если поедим сию минуту..." Да-да, так оно и было, я очень хорошо помню.

Перед глазами Михары всплыла схема, которую он вчера начертил.

Электричка, отбывающая в 18.12, подается на тринадцатый путь в 18.01.

Значит, если Ясуда увидел с этой платформы "Асакадзэ", они прибыли на вокзал немного раньше. Это серьезный момент.

– Когда вы пришли на платформу, электрички еще не было?

– Не было, – не задумываясь, ответила Яэко.

– Наверное, пришли туда часов около шести... – словно про себя пробормотал Михара.

– Да, – подхватила Яэко, – часы на платформе показывали без нескольких минут шесть.

– Какая у вас хорошая память! – Михара широко улыбнулся.

– Я потому это запомнила, что Ясуда-сан все время смотрел на часы, боялся опоздать на электричку 18.12. Михара насторожился.

– Говорите, смотрел все время на часы?

– Да, еще в "Кок-д'оре".

Михара поблагодарил Яэко и ушел. В автобусе он все время думал: почему Ясуда волновался и смотрел на часы? Может быть, просто хотел успеть на электричку? А может быть, что-то другое заставило его спешить? Спешил, чтобы не пропустить эти четыре минуты? Чтобы увидеть "Асакадзэ", надо прийти на ту платформу именно в это время, не раньше и не позже. Если прийти раньше, на тринадцатом пути стоит электричка, которая отправляется в 17.57. Ясуде пришлось бы на нее сесть. А если прийти позже, в 18.01 подают следующую электричку, и ничего не увидишь. Не потому ли Ясуда так часто поглядывал на часы, что стремился не пропустить эти самые четыре минуты?

А может быть, он, Михара, все это сам придумал? Вбил себе в голову и теперь старается подтасовать факты? Но чем больше он размышлял, тем сильнее становилось подозрение. Ведь если догадки Михары правильны, очень легко объяснить поведение Ясуды. Он хотел показать Яэко и Томико, как Саяма с О-Токи садятся в экспресс "Асакадзэ". Иными словами, создавал очевидцев.

Сердце Михары забило. Надо встретиться с Ясудой. И вот он в светлой приемной конторы Ясуды. В окна льются потоки послеполуденного солнца. Михара передает через секретаря свою визитную карточку. Дверь открывается, Ясуда выходит к посетителю; улыбаясь холодно и высокомерно, предлагает ему сесть.

ВОПРОС СЛУЧАЙНОСТИ И ПРЕДНАМЕРЕННОСТИ

– Простите, пожалуйста, что отнимаю у вас время, – сказал Михара, – я пришел, чтобы задать вам один вопрос. Не знаю, может быть, он покажется вам несколько странным...

– Что ж, такова ваша работа... Пожалуйста, прошу вас, – Ясуда пододвинул к нему лежавшие на столике сигареты. Сам тоже взял сигарету и протянул зажигалку Михаре.

Держится очень спокойно и свободно. На вид ему лет около сорока. Чуть вьющиеся волосы, пышущее здоровьем лицо. Глаза приветливые. Внешность преуспевающего дельца.

– Я побеспокоил вас, Ясуда-сан, по поводу самоубийства помощника начальника отдела министерства N Кэнити Саямы со своей возлюбленной... В газетах об Этом, может быть, вам приходилось читать.

Ясуда выпустил колечко дыма.

– Вот оно что... Конечно, известно. Я пользовался постоянной поддержкой Саямы-сана. Ведь я поставщик этого министерства.

Михара впервые узнал, что фирма "Ясуда сетэн" тоже является поставщиком министерства N. и отметил про себя этот факт.

– Да, очень жалко Саяму-сана. Такая нелепая смерть... Такой был скромный, приятный... Никогда и в голову не могло прийти, что такой человек может покончить самоубийством вместе со своей возлюбленной, – в голосе Ясуды звучало искреннее сожаление.

– Вот о нем я и хотел вас спросить. – Михара сунул руку в карман, раздумывая, вытащить или нет записную книжку. – Я слышал, что вы видели его на Токийском вокзале, когда он вместе с женщиной садился в поезд. Мне говорила об этом официантка из "Коюки", Яэко.

– Совершенно верно! – Ясуда пересел на диван, чуть наклонился вперед. Это было под вечер. Я ехал в Камакуру, и две официантки "Коюки" провожали меня. И вдруг на противоположной платформе я увидел Саяму-сана и О-То-ки-сан, они собирались сесть в экспресс. Я показал их женщинам. Вот уж не представлял, что между ними была близость! Я еще подумал тогда, как все-таки тесен мир, – Ясуда немножко сощурился, очевидно, дым попал в глаза.

– Да-а, не знали мы тогда, что это их последний путь. Очень, очень жаль. Как видно, в любви тоже нельзя заходить слишком далеко.

Когда Ясуда улыбался, его глаза делались еще более приветливыми.

– А Саяма-сан не бывал в "Коюки"? – спросил Михара.

– По-моему, нет. Я сам часто бываю в этом ресторане, ну, понимаете, деловые встречи и все такое... А вот Саяму-сана не успел пригласить. Ведь если угостишь чиновника, разговоров потом не оберешься. Ха-ха... Я говорю это не потому, что вы из департамента полиции. Ведь и так министерство... горит... из-за этого самого дела о взяточничестве.

– Существует предположение, что Саяма покончил с собой, чтобы выгородить начальство. Возможно, О-Токи, любя его, решила разделить с ним смерть. Что вы об этом думаете?

– Вот уж не знаю! – Ясуда развел руками, словно говоря: "Это уж, мой дорогой, твоя область". – Единственно, что меня поражает во всей этой истории, – это близкие отношения Саямы-сана и девушки. Во всяком случае, никогда не замечал ничего подобного.

– А эту самую О-Токи вы хорошо знали?

– Ну, поскольку она была вроде как бы моей дежурной официанткой в "Коюки", то, конечно, хорошо знал. Но, так сказать, без нюансов. Только в пределах ресторана, а так – никаких отношений не поддерживал. Выходит, и знал и не знал. Действительно, ведь мне и в голову никогда не приходило, что Саяма-сан ее любовник.

Михара задал еще один вопрос, очень важный:

– А в Камакуре вы часто бываете? Ясуда улыбнулся.

– Бываю. У меня жена в Камакуре.

– Ваша супруга?

– Да. У нее больные легкие. Она давно живет там. Снимаю для нее отдельный домик, у храма Гокуракудзи. Она лечится. Ей прислуживает старушка. Я езжу туда примерно раз в неделю.

– Я вам очень сочувствую... – сказал Михара. В ответ Ясуда слегка поклонился, выражая благодарность. Михара лихорадочно думал, какие еще вопросы следовало бы задать. Но как будто спрашивать больше было не о чем.

– Простите, что отнял у вас столько времени, – сказал, поднимаясь, Михара. Ясуда тоже встал.

– Ну что вы! Жаль, что ничем не смог быть вам .полезен. Пожалуйста, если понадобится, заходите в любое время.

Ясуда приветливо улыбался. Его большие глаза слегка сузились, но сияли еще ласковей.

"Ясуда знает о четырех минутах, – думал Михара, выходя из конторы, – он постоянно ездит к жене в Камакуру и хорошо знает расписание. Во всяком случае, вполне вероятно, что он знает об этих четырех минутах".

Вернувшись в департамент, Михара побеседовал со своим начальником. Это даже нельзя было назвать докладом. Просто рассказ о четырех минутах. А заодно и о Тацуо Ясуде.

Инспектор оживился, что случилось с ним не очень часто.

– Оч-чень любопытно, очень! – Он побарабанил пальцами по столу. – Вот оно, оказывается, как бывает, а мы-то и не замечали.

Михара, поощренный такой заинтересованностью, вытащил из кармана свою схему. Инспектор Касаи взял ее и стал внимательно изучать.

– Н-да, все ясно. Молодец, что догадался! Михара промолчал и подумал, что его заслуга невелика. На это намекнул ему сыщик Торигаи из управления полиции Фукуоки.

– Весь вопрос в том, случайно или преднамеренно создал Ясуда четырехминутных очевидцев.

Как точно сказал инспектор: "четыреминутные очевидцы"!

Потом он еще раз выслушал разъяснения Михары, записал основные моменты:

1) Накануне Ясуда пригласил двух официанток обедать в "Кок-д'ор" подготовка к тому, чтобы вместе отправиться на Токийский вокзал.

2) Еще во время обеда он начал проявлять беспокойство и посматривать на часы.

3) Прибыл на платформу тринадцатого пути как раз в такое время, чтобы не пропустить этих четырех минут.

4) Именно Ясуда первый увидел, как Саяма и О-Токи садятся в экспресс "Асакадзэ", и обратил на это внимание двух официанток.

Окончив записывать, Касаи постучал карандашом по щеке, словно маленький школьник.

– Очень хорошо, – сказал он после небольшой паузы, – случайности тут быть не может. Преднамеренность совершенно очевидна.

У него заблестели глаза.

– Если так, то дело серьезное, – ответил Михара.

– Да, дело серьезное. Очень! – словно эхо, отозвался инспектор и прикрыл глаза. Потом встрепенулся, громко позвал одного из сыщиков. – Торговец фабричным оборудованием Тацуо Ясуда имеет деловые связи с министерством N.

Прошу проверить, насколько тесны эти связи.

Сыщик записал фамилию и ушел.

– А теперь, – инспектор еще раз пробежал глазами то, что набросал на бумаге, – если Ясуда действовал преднамеренно, то с какой целью?

Он закурил сигарету. Его мысль была ясна: если человек делает что-либо преднамеренно, значит, это ему выгодно по тем или иным причинам. Зачем нужны были Ясуде свидетели, видевшие, как Саяма и О-Токи садились в экспресс "Асакадзэ"?

– Ему нужны были третьи лица, так сказать, "посторонние очевидцы", подумав немного, сказал Михара.

– Третьи лица?

– Да, вероятно, обстоятельства складывались так, что свидетельства самого Ясуды было недостаточно.

– То есть ты хочешь сказать, что сам Ясуда в этом деле не мог быть таким третьим лицом?

– Так получается, – Михара посмотрел прямо в глаза инспектору, словно говоря: "А как же иначе!"

– Ладно, попробуем подвести итоги, – Касаи, очевидно, хотел еще раз проверить свои

собственные мысли. – Саяма и О-Токи покончили с собой, как влюбленные. Это произошло недалеко от Хакаты. Они вдвоем уехали с Токийского вокзала. Ясуда видел их, когда они садились в поезд, и показал их двум женщинам. Таким образом, создал так называемых "посторонних очевидцев".

Странно, не правда ли?

Михара понял, на что намекает инспектор, – зачем нужны очевидцы, если двое влюбленных собираются покончить с собой? Если Ясуда не обычный случайный свидетель, то какую роль он сыграл в этом самоубийстве? Это было неясно.

– Не знаю, но что-то тут есть.

– Разумеется, есть, – кивнул Касаи. – Когда проанализируешь факты, то все они указывают на преднамеренность действий Ясуды. Но цель, цель! Какова цель? Пока мы этого не знаем.

– Но если удастся точно установить, что действия были преднамеренными, мы докопаемся и до цели.

– Верно, – ответил инспектор. Они переглянулись, отлично понимая друг друга.

– А ты понимаешь, почему Ясуда издала приказ официанткам отъезжающих, воспользовавшись этими четырьмя минутами? Ведь можно было пройти прямо на ту платформу, где стоял экспресс.

– Конечно, понимаю. Ведь с пятнадцатого пути отбывают поезда дальнего следования. Если бы Ясуда пошел прямо туда, это было бы неосторожно. Гораздо более естественно смотреть с платформы тринадцатого пути. Ведь он сказал, что едет в Камакуру. Все продумал.

Касаи улыбнулся соглашаясь.

– Да, кстати, наш сотрудник беседовал с проводником, который обслуживал экспресс "Асакадзэ" 14 января. Михара подался вперед.

– К сожалению, опрос ничего не дал. Проводник не помнит, пустовало ли какое-нибудь место. Говорит, давно было, запомнил. Тупица этакий! Если бы он пошевелил мозгами, мы сразу узнали бы, где сошла О-Токи.

Когда Киити Михара утром пришел на службу, инспектор Касаи был уже там.

– Доброе утро.

– Доброе утро, – Касаи поднял голову. – Подойди-ка сюда на минуточку. Ну как, отдохнул хоть немного после командировки? – спросил он, отхлебывая чай из огромной чашки.

– Да. Ведь уже двое суток прошло. На бессонницу я не жалуясь, за две ночи выспался, – смеясь, ответил Михара.

– Конечно, по всем правилам полагалось бы дать тебе на денек отпуск. Но потерпи, уж очень время горячее.

– Нет-нет, благодарю вас, я в отличной форме.

– Так вот, насчет Тацуо Ясуды, – инспектор перешел к делу. – Да ты присядь.

Михара сел напротив начальника.

– Проверка показала, что он довольно-таки основательно связан с министерством. Правда, количество его поставок не слишком велико, но что-то уж слишком благосклонен к нему заведующий сектором Есио Исида.

– Что?! ЕСИО Исида?!

Михара поразился: Исида – один из столпов министерства. Он возглавлял как раз тот отдел, который был замешан в деле о взяточничестве. В министерстве его считали умным, способным работником, однако негласная проверка показала, что Исида – человек подозрительный.

– Да, между ними очень интимные отношения. Интересные сведения.

Михара вспомнил вчерашнюю встречу с Тацуо Ясудой. Бесспорно, он человек с острым умом, это видно сразу. А глаза – о, эти приветливые глаза видят насквозь! Такой своего не упустит. Его самоуверенность действует на окружающих подавляюще. Михара вчера почувствовал, что он из тех, кого голыми руками не возьмешь. Подобному типу в самом деле ничего не стоит вкрасья в доверие к начальнику сектора вроде Есио Исида.

– А не удалось ли выяснить, в каких отношениях был Ясуда с покойным Саямой?

– Я как раз об этом думал. Нет, здесь, кажется, нет ничего подозрительного, – ответил Касаи. – Конечно, какая-то связь существовала.

Саяма ведь был помощником начальника отдела и неплохо справлялся со своими обязанностями. Но проверка показала, что их отношения не шли дальше деловых.

Никаких данных о большей близости нет.

Касаи протянул Михаре пачку сигарет. Он взял одну, закурил.

– Ну что, попробуем копнуть Ясуду? – инспектор придвинулся к Михаре – так он делал всегда, когда испытывал к чему-либо особый интерес.

– По-моему, это необходимо. Во всяком случае, очень хочется, – ответил Михара, глядя в хитро поблескивавшие глаза начальника.

– Вопрос случайности и преднамеренности? – пошутил Касаи. У него, очевидно, было хорошее настроение.

– Здесь имела место преднамеренность и только преднамеренность. Эти четыре минуты были использованы преднамеренно. Слишком уж малое время для случайности.

– "Если удастся установить, что действия были преднамеренными, то можно докопаться и до их цели", – так, кажется, ты вчера сказал?

– Да, так.

– То есть Ясуде было мало видеть собственными глазами отъезжающих Саяму и О-Токи. Потребовались еще очевидцы. Все получилось очень естественно, слишком уж естественно для

случайности. Так?

– Я думаю, так.

– Правильно. Я с тобой согласен. Что ж, берись за дело. Обдумай все хорошенько. Даю тебе полную свободу.

Михара смял сигарету о край пепельницы. Слегка поклонился.

– Есть. Не отступлюсь, пока не соберу всех доказательств.

Но инспектору, кажется, не хотелось сразу отпускать Михару.

– Ас какого конца думаешь начать? – спросил он как бы между прочим. Но тон его был серьезным.

– Сначала выясню, где был и что делал Ясуда в течение трех дней, 19, 20 и 21 января.

– В течение трех дней, значит. Гм, трупы самоубийц были обнаружены на Касийском взморье утром двадцать первого, следовательно, проверишь, что он делал в этот день и в течение двух предыдущих. Но, кажется, нужно два дня, чтобы покрыть расстояние от Токио до Кюсю и обратно.

– Да. Пожалуй, и двадцать второе число придется прихватить.

– Сколько времени идет обычный поезд от Токио до Ха-каты?

– Чуть больше двадцати часов. А экспресс типа "Асакадзэ" – семнадцать часов двадцать пять минут.

– Значит, только на дорогу требуется около сорока часов... – Инспектор задумался...

Михара снова сидел в приемной Ясуды. Девушка, подавшая чай и печенье, сказала, что Ясуда-сан сейчас говорит по телефону и просит его подождать. Он долго не появлялся. Михара разглядывал натюрморт, висевший на стене. "Однако деловые разговоры отнимают много времени", – подумал помощник инспектора. В этот момент в дверях появился Ясуда.

– Простите, заставил вас столько ждать! – сказал он, широко улыбаясь.

Как и вчера, Михара почувствовал, что этот человек его подавляет.

– Это вы простите, что так часто приходится вас беспокоить, – сказал он, приподнимаясь.

– Ну что вы! Жаль, что задержал вас. Разговаривал по телефону, – в глазах Ясуды появилось снисходительное выражение.

– Видно, дела у вас идут хорошо. От души рад.

– Благодарю. Но сейчас как раз был не деловой разговор. Звонил домой, в Камакуру.

– А-а, с супругой беседовали? – Михара вспомнил, что жена Ясуды живет в Камакуре.

– Нет, с женщиной, которая за ней ухаживает. В последнее время болезнь жены обострилась, а я не могу каждый день ездить в Камакуру. Вот и приходится по междугородному справляться о ее состоянии, – Ясуда продолжал вежливо улыбаться.

– Трудно вам приходится! Ясуда поклонился.

– Ясуда-сан, – Михара старался держаться как можно проще, – вот я сегодня опять к вам с вопросами.

– Я вас слушаю. – Делец был абсолютно спокоен, – Мне хотелось узнать... Правда, прошло уже много времени, и, может быть, вы не помните... Так вот, были ли вы в Токио с 20 по 22 января? Я спрашиваю это просто для сведения.

Ясуда засмеялся.

– Так я вам и поверю! Небось подозреваете меня в чем-нибудь?

– Ну что вы! Просто для сведения.

Михара сказал это умышленно, рассчитывая, что Ясуда тут же свяжет его вопрос с самоубийством Саямы. Однако лицо Ясуды оставалось непроницаемым.

– Двадцатого, гм... двадцатого... – Задумавшись, он прикрыл глаза, потом вынул из ящика стола маленькую записную книжку, полистал. – Ну да, правильно, 20 января я выехал по делам на Хоккайдо.

– На Хоккайдо?

– Да, в Саппоро у меня есть крупный покупатель, фирма "Футаба секан". Я ездил к ним. Пробыл на Хоккайдо два дня... – он снова заглянул в записную книжку, – и двадцать пятого вернулся в Токио.

Хоккайдо... Михара ничего не понимал. В обратную сторону от Кюсю.

– Рассказать вам подробней о поездке? – Ясуда улыбался, глядя прямо в лицо инспектору.

– С удовольствием послушаю, – Михара вытащил из кармана блокнот и карандаш.

– Итак. Двадцатого выехал из Токио, в девятнадцать часов пятнадцать минут, с вокзала Уэно, экспрессом "Товада".

– Простите, вы поехали один?

– Да. Обычно по делам я всегда езжу один.

– Спасибо. Продолжайте, пожалуйста.

– На следующее утро, в девять часов десять минут, приехал в Аомори. Этот поезд подается прямо на паром, курсирующий между Аомори и Хакодатэ, говорил Ясуда, время от времени заглядывая в записную книжку. – В четырнадцать часов двадцать минут был уже в Хакодатэ.

Дальше состав соединяют с экспрессом "Маримо". Он отправляется в 14.50. В Саппоро прибыл в 20.34. На станции меня встретил Каваниси-сан, служащий фирмы "Футаба секай".

В гостинице "Марусо" для меня был заказан номер. Там я и остановился. Это было вечером двадцать первого. Двадцать второе и двадцать третье провел в Саппоро, а двадцать четвертого выехал обратно и двадцать пятого вернулся в Токио.

Михара все записал.

– Ну как, пригодятся вам эти сведения? – пряча записную книжку и продолжая улыбаться, спросил Ясуда.

– Спасибо большое, вы все очень подробно рассказали, – уклончиво ответил Михара и тоже слегка улыбнулся.

– Да, у вас тоже не легкий хлеб. Оказывается, приходится проверять всевозможные вещи. Это было сказано спокойно, но Михара уловил легкую иронию.

– Не обижайтесь, пожалуйста. Это я ведь так, для очистки совести спрашиваю.

– Ну что вы, я нисколько не обижаюсь. Всегда к вашим услугам.

– Простите, снова оторвал вас от работы...

Ясуда проводил Михару до выхода. Спокойный и самоуверенный, как всегда.

По дороге в департамент полиции Михара зашел в кафетерий на Юракуте. Как обычно, заказал чашку кофе. Вытащил записную книжку, составил небольшую табличку;

20 января. Токио. С вокзала Уэно экспрессом "Товада" в 19.15 отбыл в Аомори. В Аомори приехал 21 января в 9.09. Далее пароходом до Хакодатэ.

Прибыл в 14.20. Из Хакодатэ экспрессом "Маримо" до Саппоро. Прибыл в 20.34 (на вокзале его встретил служащий фирмы). Остановился в гостинице "Марусо".

Пробыл в Саппоро с вечера 21 по 24-е. 24-го выехал в Токио. Прибыл в Токио 25 января.

Пока Михара изучал свою таблицу, официантка, подававшая кофе, заглянула через его плечо.

– О, Михара-сан, собираетесь на Хоккайдо?

– Да, как будто собираюсь... – усмехнулся Михара.

– Как здорово! Недавно были на Кюсю, а теперь на Хоккайдо. То на запад, то на север – как птица, – с завистью сказала официантка.

И действительно, арена событий протянулась от одного конца Японии до другого.

Вернувшись на работу, Михара подробно доложил обо всем начальнику. Тот принялся изучать таблицу.

– Так-так... – Касаи слушал очень внимательно. – Да, удивил... Хоккайдо и Кюсю – совершенно противоположные концы!

– Кажется, мы потерпели небольшое фиаско, – Михара уже начал сомневаться в собственной версии.

– Ты думаешь, он говорит правду? – сказал инспектор, подперев щеку рукой.

– Ясуда – человек умный. Он не станет врать, если мы можем его проверить.

– И все же необходимо проверить.

– Разумеется. Попросим управление полиции Саппоро опросить служащего фирмы "Футаба секай", который, по словам Ясуды, встретил его на вокзале.

– Да, распорядись, пожалуйста.

Михара было поднялся, но Касаи остановил его:

– погоди минуточку. Ясуда женат?

– Да. Но жена больна легкими и живет в Камакуре.

– Да-да, вчера ты говорил.

– Как раз сегодня, когда я был у него, он звонил туда, справлялся о ее здоровье. Ей, кажется, стало хуже.

– Значит, в Токио он живет один?

В Токио Ясуда жил один, в районе Асакэя. У него были две прислуги.

Михара отправил длинную телеграмму в управление полиции Саппоро. Ответ придет завтра или послезавтра. Но он ничего не изменит, смешно было заподозрить Ясуду в такой глупой лжи. Михара начал нервничать. Тоненькая ниточка ускользала. И вдруг возникла новая мысль. Действительно ли жена Ясуды лечится в Камакуре? Конечно, трудно допустить, что она имеет какое-то отношение к этому делу. Но мысль о четырех минутах навязчиво возвращалась снова и снова. Ясуда узнал о них потому, что часто ездил к больной жене в Камакуру. А может быть, там не жена, а кто-то другой? То, что он побывал на Хоккайдо, безусловно, подтвердится: ведь Ясуда знает, что полиция опросит свидетелей. А вот в отношении больной жены он мог подумать, что вряд ли это станут проверять.

Инспектор куда-то вышел. Михара положил ему на стол записку, всего лишь два слова: "В Камакуру". И вышел из департамента. Если поехать прямо сейчас, пожалуй, поздно вечером удастся вернуться.

В знаменитой кондитерской у Токийского вокзала он купил коробку пирожных.

На всякий случай. Вдруг понадобится в качестве подарка больной? Прошел на платформу, на тринадцатом пути как раз стояла электричка. Пятнадцатый путь не просматривался – на четырнадцатом был состав.

Михара снова и снова мысленно возвращался к четырем минутам. Ясуда ведь мог предположить, что им заинтересуется полиция, и на этот случай подготовил двух свидетелей-официанток.

Электричка тронулась. До Камакуры примерно час езды. Михара уже почти жалел, что ввязался в эту историю. Обыкновенное самоубийство влюбленных. К тому же Ясуда в ночь с двадцатого на двадцать первое был в пути на Хоккайдо.

Кюсю и Хоккайдо, Хоккайдо и Кюсю – никак их не свяжешь.

Прибыв на станцию Камакура, сел в трамвай на Эносима. Он сошел на остановке

Гокуракудзи. Точного адреса он не узнал, но разыскать будет не трудно – здесь в узкой, похожей на ущелье долине находился всего лишь один небольшой поселок.

Михара направился прямо в полицейский участок, предъявил свои документы и спросил, проживает ли здесь некий Ясуда.

– А-а, это у которого больная жена... – сказал полицейский.

Михару охватило разочарование. Жена существует. И действительно больная.

Но уж если приехал, что же делать! С коробкой пирожных он пошел в ту сторону, куда указал полицейский.

Дом стоял у подножья пологого склона, в стороне от трамвайной линии.

Большинство участков здесь были окружены живой бамбуковой изгородью. Дом Ясуды, небольшой, аккуратный, одноэтажный, стоял в глубине сада и казался созданным для спокойного лечения больной. Вдали поблескивала синяя полоска моря.

Михара позвонил. В глубине, за дверью, послышалось жужжанье звонка. Он начал часто дышать, сердце забилось. Визит будет трудным. Дверь открыла пожилая женщина, лет за пятьдесят.

– Я из Токио, Киити Михара. Знакомый Ясуды-сана. Сегодня был в ваших краях и вот зашел проведать оку-сан.

Выслушав, старуха с низким поклоном исчезла в глубине дома. Очень скоро вернулась и, снова кланяясь, сказала:

– Прошу вас, пройдите, пожалуйста.

Михару провели в большую комнату. Стеклянные двери выходят на юг. В них льется поток света. В глубине, комнаты – тень. Недалеко от двери стояла сверкающая белизной постель.

Женщина лет тридцати двух – тридцати трех, приподнявшись на постели, ждала гостя. Старуха накинула ей на плечи черное, с алым рисунком хаори^[8]. В этой одежде она выглядела очень изысканно. Светлая кожа, волосы собраны на затылке в легкий пучок, губы слегка подкрашены, на скорую руку, по случаю прихода гостя.

– Простите за внезапное вторжение, – сказал Михара. – Меня зовут Киити Михара, в Токио я имею счастье быть знакомым с Ясудой-саном. Конечно, это дерзость с моей стороны, но вот, с вашего позволения, зашел вас проведать.

Не мог же он протянуть ей свою визитную карточку с надписью "Департамент полиции"!

– Благодарю вас! О, мой муж, наверно, пользуется вашим покровительством, благодарю вас!

Жена Ясуды была красива. Большие глаза, тонко очерченный прямой нос. Щеки утратили полноту, но в общем болезнь не портила ее. Легкая бледность, чистый, высокий лоб, интеллектуальное лицо.

– Как вы себя чувствуете? – спросил Михара. Его вопрос был неискренним, и ему стало не по себе.

– Спасибо. Болезнь затяжная, поэтому я не надеюсь на внезапное выздоровление, – слегка улыбнулась женщина.

– Ну что вы! Теперь становится теплее, я думаю, это для вас полезно. Так приятно после нынешней холодной зимы.

– Здесь, – щурясь от солнца, сказала жена Ясуды, – зимой на три градуса теплее, чем в Токио. Хотя недавно были холода. Только вот за последнее время, слава богу, потеплело.

Она посмотрела на Михару снизу вверх. Красивые ясные глаза. По-видимому, она сама знала действие своего лучистого взгляда.

– Простите, пожалуйста, вы помогаете мужу в его делах?

– Да, что-то в этом роде... – Михара замялся. Он чувствовал себя скверно.

Придется потом как-то оправдываться перед Ясудой.

– О, наверное, он доставляет вам много хлопот...

– Ну что вы, наоборот! К сожалению, это я причиняю ему хлопоты. – Лоб Михары покрылся капельками пота. Он поспешил переменить тему разговора. – А Ясуда-сан часто вас навещает?

Больная ответила со спокойной улыбкой:

– Вы, наверное, знаете, что он очень занятой человек, но все же раз в неделю он обязательно приезжает ко мне. Все совпадало с тем, что говорил Ясуда.

– Ну, для делового человека хорошо, когда он занят, хотя вам, оку-сан, без него, конечно, трудно.

Разговаривая, Михара незаметно оглядывал комнату. Возле постели стопка книг. На самом верху литературный журнал. Какой-то переводной роман.

Названий не видно. Было немного странно, что больная читает серьезную, а не развлекательную литературу.

Старуха подала чай. Михара заторопился:

– Еще раз простите за внезапное вторжение. От души желаю вам скорейшего выздоровления.

Жена Ясуды быстро взглянула на Михару своими ясными глазами с чуть голубоватыми белками.

– Благодарю вас за любезность. Спасибо.

Когда он передал подарок, она немного приподнялась на постели и учтиво поклонилась. Только теперь Михара заметил, какие у нее худенькие плечи.

Старуха проводила его до парадного. Надевая туфли, Михара, как бы между прочим, спросил:

– А кто домашний врач госпожи?

– Доктор Хасэгава, директор больницы, что напротив Большого Будды^[9], – с готовностью ответила служанка.

У Большого Будды Михара сошел с трамвая. Больницу Хасэгавы он нашел быстро. Михара подал свою визитную карточку.

Директор был полный человек с багровым лицом и аккуратно причесанными седыми волосами. Он положил на стол визитную карточку Михары и сел против него.

– Я хотел узнать, как протекает болезнь супруги Ясуды-сана.

Директор больницы снова пробежал глазами визитную карточку посетителя, потом взглянул на него:

– Ваш вопрос связан с делами государственной службы?

– Да, в некотором роде.

– Речь идет о так называемой тайне пациента?

– Нет, меня не интересует то, что обычно скрывается от посторонних.

Просто я хотел узнать, каково общее состояние больной.

Директор кивнул и приказал медсестре принести историю болезни жены Ясуды.

– Болезнь – туберкулез легких. Точнее – множественный очаговый туберкулез, очень затяжной и трудно поддающийся лечению процесс. Она страдает этим уже около трех лет, и, если говорить прямо, на полное выздоровление нет почти никаких надежд. Я предупредил об этом Ясуду-сана.

Поддерживаем ее постоянными инъекциями. Новые препараты.

– Следовательно, она все время проводит в постели?

– Вернее, то встанет, то опять сляжет.

– В таком состоянии она совсем не выходит из дому? – спросил Михара.

– Нет, на прогулки может выходить. У нее родственники в Югаваре [\[10\]](#). Иногда она ездит туда с ночевкой. Отдыхает день или два. Это ей разрешено, ответил директор.

– И вы, доктор, каждый день бываете у нее с визитом?

– Нет, ведь при таком заболевании не характерны внезапные ухудшения. Я посещаю ее обычно по вторникам и пятницам. Иногда еще в воскресенье после обеда заглядываю.

Михара посмотрел на него с удивлением. Доктор понимающе улыбнулся.

– Видите ли, она любит литературу. Среди таких больных часто встречаются люди, пишущие стихи. Она больше увлекается прозой, много читает, кажется, сама пробует писать короткие вещи.

Михара слушал директора и вспоминал литературные журналы и переводные романы, которые видел в комнате больной.

– Откровенно говоря, я тоже иногда пописываю. Даже дружу с таким писателем, как Масао Кумэ. Сейчас в Камакуре живет много литераторов, но я поддерживаю знакомство только с метром Кумэ. В моем возрасте, знаете ли, уже стыдно лезть в литературу. Но ничего не могу поделать со своей склонностью.

Мы, старики любители, выпускаем здесь тоненький журнал с очерками, короткими стишками. Нужно же чем-нибудь заниматься в свободное время. Таким образом, наши вкусы совпадают, вот я иногда и заглядываю по воскресеньям к моей пациентке, чтобы поболтать о литературе. Она всегда бывает очень рада. Вот полгода назад дала мне свою рукопись – очерк для нашего журнала.

Директор сам увлекся разговором и предложил Михаре показать этот журнал.

Михара, разумеется, согласился.

Доктор принес тоненький, страниц в тридцать, журнал под названием "Нанрин".

Посмотрев оглавление, Михара нашел очерк Реко Ясуда "Цифровой пейзаж". Он про себя отметил ее имя – Реко, раньше он не знал, как зовут женщину. Начал читать этот очерк со странным названием.

"Когда все время лежишь, часто возникает желание почитать. Но в последнее время романы и рассказы стали неинтересными. Я часто закрываю книгу, не прочитав и половины. Как-то раз меня навестил муж. Потом он уехал, забыв расписание поездов. От скуки я его полистала. Для меня, лежащей больной, путешествия – вещь недоступная. Но я читала расписание с неожиданным интересом. С большим интересом, чем плохой роман. Муж часто ездит по делам, потому всегда и покупает расписание. Он хорошо изучил его в целях чисто практических, а для меня, прикованной к постели, оно имело совершенно особую привлекательность.

В расписании поездов даны названия всех станций Японии, и, пока я читаю их одно за другим, все станции проходят у меня перед глазами. Провинциальные железные дороги особенно помогают воображению. Тоецу, Сайкава, Сакияма, Юсубару, Магариканэ, Ита, Готодзи – это названия станций одной ветки в глуши Кюсю. А вот другая ветка, на северо-востоке Японии, – Синдзе, Масугата, Цуя, Фурукути, Такая, Каригава, Амарумэ. Я вижу деревушку, стиснутую горами, раскидистые южные деревья, на склонах – густой лес. Или Амарумэ... Маленький тоскливый северный городок, над крышами низкие серые тучи. Моему воображению представляются окрестные горы, долины, улицы городков и поселков, шагающие по ним люди. Помню, в "Цурэдзурэгуса" есть такая фраза: "Стоит мне услышать имя, и за ним сейчас же возникает образ его обладателя". И вот, когда мне бывает особенно тоскливо, я открываю расписание, и дурное настроение сейчас же проходит. Я отправляюсь в путешествие туда, куда мне захочется, – на Тюгоку, Сикоку или на север.

Как хорошо фантазировать! Я смотрю на свои часы: полдень уже прошел, стрелки показывают час тридцать шесть минут. Листаю расписание и ищу это время – час тридцать шесть минут. Ага, вот – на станцию Сэкия линии Этиго только что прибыл поезд № 122. А на станции Акунэ Кагосимского направления пассажиры покинут вагоны в час тридцать девять минут. А в Хиданомия пришел поезд № 915. В это время поезда останавливаются и на других станциях:

Фудзю линии Сане, Икуда линии Синею, Кусано линии Токива, Китаносиро линии Гоно, Водзи основной линии Кансай.

Я лежу в постели и смотрю на свои тонкие пальцы, а по всей стране бегут поезда и одновременно останавливаются на разных станциях. Самые различные люди, шагая по своему жизненному пути, входят в вагоны и выходят из вагонов.

А поезда идут во всех направлениях и иногда встречаются на какой-нибудь станции. И я уже знаю, где и когда они встретятся. Мне становится весело.

Встреча поездов... Она неизбежна, она предопределена заранее, эта встреча во времени. А встреча людей, едущих в них, встреча в пространстве, – чистая случайность. И я фантазирую и вижу, как по всей земле в это мгновение сталкиваются миллионы человеческих жизней. Я могу по-своему представлять эти жизни – ведь они не втиснуты ни в какие рамки. И эта моя фантазия гораздо увлекательнее, чем романы, созданные чужим воображением. Одинокая, зыбкая, как во сне, радость.

Расписание поездов, страницы, испещренные бесконечными цифрами... Сейчас это мое самое любимое чтение".

– Любопытная вещица? – спросил директор, увидев, что Михара кончил чтение. Когда он улыбался, его глаза делались узкими, как щелочки. – Ведь все время в постели, очевидно, поэтому ей и приходят в голову такие мысли.

– Да, наверное, – Михара вернул журнал директору. Он говорил безучастным тоном, словно

забыв о существовании собеседника. Нет, его взволновала не фантазия прикованной к постели Реко Ясуда. Он мысленно повторял одну фразу:

"Муж часто ездит по делам, потому всегда и покупает расписание, он хорошо изучил его..."

В департамент полиции Михара вернулся часов в восемь вечера. Инспектор Касаи уже ушел домой.

На столе под чернильницей лежала телеграмма. "Как быстро пришла", подумал Михара и развернул бланк. Это был ответ на его запрос из управления полиции Саппоро.

"СЛУЖАЩИЙ ФУТАБА-СЕКАЙ КАВАНИСИ ВСТРЕЧАЛ 21 ЯНВАРЯ ВОКЗАЛЕ САППОРО ЯСУДУ ТЧК 22 И 23 ЯСУДА ЖИЛ ГОСТИНИЦЕ МАРУСО".

Михара был готов к тому, что ответ будет примерно такой, но все-таки он почувствовал что-то похожее на отчаяние. Опустился на стул.

Все, что говорил Ясуда, подтвердилось. Михара достал сигареты и закурил.

В комнате никого не было. Можно спокойно подумать.

Да, он ждал именно такой телеграммы. Ясуда не стал бы лгать, не такой он дурак. Значит, 21-го он действительно прибыл на Хоккайдо. А 20-го вечером Саяма и О-Токи покончили самоубийством, и 21 утром обнаружили их трупы. Это было в то время, когда Ясуда находился в экспрессе "Товада", мчавшемся на Хоккайдо. Иначе служащий "Футаба-секай" не мог бы встретить его на вокзале в Саппоро.

Но эти четыре минуты и очевидцы на Токийском вокзале не выходили из головы. Нет сомнений, что Ясуда все подстроил. Зачем ему это было нужно, пока Михара не знает. Но именно потому, что он этого не знает, он и пытается связать Ясуду с О-Токи и Саямой, Хоккайдо с Кюсю. Да нет, ерунда получается, просто у него навязчивая идея. Ведь в действительности Ясуда был в стороне, совершенно противоположной Кюсю. Он отправился не на запад, а на север.

А впрочем, не подозрительно ли то, что он отправился в противоположную сторону?..

Михара закурил третью сигарету. Казалось, было что-то нарочитое в том, что Ясуда отправился в противоположном направлении. Здесь тоже был элемент преднамеренности, как и в четырех минутах.

Михара подумал немного и вытащил дело о самоубийстве Саямы и О-Токи.

Материалы, которые ему любезно дал сыщик Торигаи из управления полиции Фукуоки. Вспомнились его впалые щеки и сеть морщинок в уголках глаз.

В заключении судебно-медицинской экспертизы говорилось, что время самоубийства Саямы и О-Токи – они приняли цианистый калий – определяется между десятью и одиннадцатью часами вечера 20 января.

В отделе было расписание поездов. Михара взял его и начал листать. Во время самоубийства экспресс "Товада", выйдя на линию Токива и миновав знаменитые исторические места Накосо и Тайра, мчался примерно в районе Хисанохамы и Хироно. А 21 января около половины шестого утра, когда были обнаружены трупы, "Товада" только что отошел от станции Итиноэ-эки в префектуре Иватэ. И если Ясуда находился в этом поезде, далеко от Касийского взморья на Кюсю, он был в другом времени и пространстве.

Михара вдруг подумал, что, читая расписание, он мыслит теми же образами, что и жена Ясуды, и усмехнулся.

Эта женщина пишет, что ее муж всегда пользуется расписанием, значит хорошо изучил его. Все-таки что-то здесь кроется. Может быть алиби, состряпанное при помощи расписания поездов?.. Хотя при чем тут алиби? Ведь Ясуда сам сказал, что в это время его не было в Токио. Тогда, значит, алиби в отношении Кюсю.

Михара перечитал телеграмму, покрутил ее в руках. Ее содержание не вызывает сомнений.

Все было именно так. Но почему же у него такое ощущение, словно он с улицы смотрит на фасад здания и чувствует, но никак не может уловить, в чем же погрешность архитектора?

На Хоккайдо съездить, что ли?..

Чтобы обнаружить дефект в здании, надо тщательно простучать все стены. И Михара решил сделать это сам и послушать, какой будет звук.

На следующий день, как только инспектор Касаи появился в отделе, Михара уже стоял перед его столом.

– Вот получил телеграмму из Саппоро. Касаи прочитал и взглянул на Михару:

– Значит, слова Ясуды подтвердились...

– Да.

– Присаживайся, – сказал Касаи; по виду Михары он почувствовал, что тому не терпится побеседовать.

– Я вчера ездил в Камакуру; когда вернулся, вас уже не было.

– Знаю, как же! Видел твою записку.

– Поехал посмотреть на жену Ясуды. Точнее, проверить его слова.

Действительно, у нее туберкулез легких, она лежит в постели.

– Следовательно, все, что говорит Ясуда, достоверно?

– Пожалуй, так. Но вот есть одна любопытная вещь. И Михара рассказал ему об очерке Реко Ясуда и о той фразе, где говорится, что Ясуда хорошо изучил расписание поездов.

– Действительно, любопытно, – инспектор сплел пальцы, – пожалуй, есть какая-то связь между этой фразой и четырьмя минутами на Токийском вокзале.

– Мне тоже так кажется, – Михара оживился. – Ведь если Ясуда, воспользовавшись этими четырьмя минутами, "создал очевидцев", то невольно возникает мысль, что он сыграл какую-то роль в этом самоубийстве. Какую пока не знаю. Но чутье подсказывает, что тут не все чисто.

– Правильно! – Инспектор был того же мнения.

– Мне хотелось бы срочно поехать на Хоккайдо. Просто в голове не укладывается, что в день самоубийства Ясуда был в пути на Хоккайдо! Конечно, телеграмма из Саппоро не вызывает сомнений, но мне кажется, что за всем этим кроется какая-то комбинация. Если ее раскрыть, станет понятным, зачем понадобились Ясуде очевидцы отъезда Саямы и О-Токи.

Инспектор ответил не сразу. Он о чем-то думал, отведя в сторону глаза.

– Ну что ж... Попробуй. Коли уж начали, надо довести до конца. А начальника отдела я беру на себя, уговорю как-нибудь...

Последняя фраза прозвучала странно. Михара внимательно посмотрел на инспектора.

– Разве начальник отдела против этого расследования?

– Не то чтобы против... – замялся Касаи, – но высказался, что бессмысленно расследовать дело, когда совершенно очевидно, что здесь случай самоубийства. Ну, да ты не беспокойся, я его уговорю! – закончил он с улыбкой, словно успокаивая Михару.

На следующий день вечером с вокзала Уэно Михара уезжал на экспрессе "Товада".

Тот же самый экспресс, которым ездил Ясуда. Во-первых, это был самый удобный поезд, идущий на Хоккайдо, а во-вторых, Михара хотел представить себя как бы на месте Ясуды и с этой точки зрения проверить все его действия.

После Тайры Михара заснул. Напротив сидели двое и громко разговаривали.

Их тохокский диалект действовал на нервы. Но после Тайры, часов около одиннадцати вечера, усталость взяла свое, и его одолел сон. Проснулся он на короткое время в Сэндае, когда вокруг стало очень шумно, но тут же снова закрыл глаза и окончательно пробудился только лишь в Асамуси.

Поезд стоял. За окном в рассветном молочном тумане свежо дышало море.

Пассажиры собирали вещи.

Вошел проводник, вежливо поздоровался и сказал:

– Наш поезд скоро прибывает в Аомори. Вы сможете отдохнуть после утомительной дороги. Пассажиров, отправляющихся в Хакодатэ пароходом, прошу заполнить бланки, напишите, пожалуйста, имя и фамилию.

Проводник роздал бланки. Михара первый раз ехал на Хоккайдо. Бланк, один небольшой листочек, почему-то был разделен на две графы. В них следовало записать одно и то же. На контрольном пункте бланк отобрали.

В Аомори прибыли в девять часов девять минут. До отправки парохода оставалось целых сорок минут, но по длинной платформе, ведущей на пристань, люди неслись как сумасшедшие – спешили занять хорошие места. Михару несколько раз толкнули в спину.

В Хакодатэ прибыли в 14.20. Через тридцать минут на Саппоро отходил экспресс "Маримо".

До Саппоро ехали пять с половиной часов. За окном тянулся тоскливый пейзаж Хоккайдо. Михаре стало скучно, хоть он и был впервые в этих местах.

Вечером, сойдя с поезда в Саппоро, он шатался от усталости. Ясуда, наверное, ехал в спальном вагоне, а на мизерные командировочные, которые получают служащие полиции, об этом и мечтать нечего.

Михара остановился в самой дешевой гостинице, недалеко от вокзала. Лучше всего было бы остановиться в "Марусо", чтобы сразу на месте проверить, как там жил Ясуда, но вопрос опять-таки упирался в деньги.

За окнами лил дождь. Под его равномерный шум Михара, вконец измотанный, без всяких мыслей и желаний крепко уснул.

Утром проснулся уже в одиннадцатом часу. Поспешно вскочил. Дождь прошел, на татами лежали солнечные пятна. На улице было прохладно. Позавтракав, он сразу пошел в управление полиции Саппоро. Необходимо было соблюсти приличия.

Представился, поблагодарил за телеграмму.

Начальник сыскного отдела забеспокоился, узнав, что Михара специально приехал из Токио.

– Что, мы допустили какую-нибудь ошибку? Михара объяснил, что прибыл для проверки некоторых фактов. Когда он сказал о своем желании идти в "Марусо", в сопровождение ему выделили сыщика. Что ж, это даже удобнее.

В гостинице все сделали быстро, ведь Ясудой уже интересовались один раз.

Коридорная принесла книгу приезжих и показала ту страницу, где был записан Тацуо

Ясуда.

– Он остановился часов в девять вечера 21 января. Пробыл у нас двадцать второе и двадцать третье, днем всегда отсутствовал, с наступлением вечера возвращался в гостиницу. Как держался? Да обыкновенно. Нет, никаких странностей не заметила. Очень спокойный человек.

Описание внешности постояльца полностью соответствовало внешности Ясуды.

На всякий случай Михара взял ту страницу из книги приезжих, где была собственноручная запись Ясуды. Когда вышли из гостиницы, он отпустил сыщика.

Дальше было удобнее действовать одному.

"Футаба-секай", довольно крупная фирма, торговавшая фабричным оборудованием, находилась на центральной улице Саппоро. На витрине были выставлены электромоторы.

Каваниси, лысоватый человек лет пятидесяти, сказал, что занимает должность управляющего делами. Глянув на визитную карточку Михары, удивленно расширил глаза.

– Как странно! Недавно из местного управления полиции интересовались, встречал ли я на вокзале Ясуду-сана. Неужели его в чем-то подозревают?

– Нет, что вы! Просто нам необходимы эти сведения для расследования другого дела, которое не имеет к вашему коллеге никакого отношения. Так что можете не беспокоиться. А с Ясудой-саном вы давно ведете дела? – Михара говорил спокойным и приветливым тоном.

– Да, пожалуй, уже лет пять-шесть. Очень достойный человек, мы ему вполне доверяем, – поспешил заверить Каваниси.

Михара несколько раз кивнул в знак согласия, словно желая успокоить собеседника.

– Итак, значит, 21 января вы встречали Ясуду-сана на вокзале?

Наконец-то Михара задал тот вопрос, ради которого приехал в такую даль.

– Да, – ответил Каваниси. – Я получил от Ясуды-сана телеграмму. К сожалению, потом я ее выбросил. Он просил встретиться его 21 января на нашем вокзале, в зале ожидания.

– Простите, вы всегда встречаете его на вокзале? – спросил Михара.

– Нет, что вы, только в этот раз. У нас с ним были срочные дела, да и контора вечером закрыта, ну, вот я и встретил.

– Так что же, Ясуда-сан сразу пришел в зал ожидания, как только прибыл "Маримо"? Каваниси немного подумал.

– В общем скоро пришел. Этот экспресс прибывает в 20.34. Помню, я смотрел в окно, пассажиры уже шли потоком по вокзальной площади. Вот тогда и появился Ясуда-сан. Минут десять, наверное, прошло.

Десятиминутное опоздание – это ерунда. Получается, что Ясуда действительно прибыл на "Маримо", как и говорил. Михару охватило отчаяние.

Конечно, он ждал, что все будет так, но никак не мог с этим примириться.

Даже чуть было не задал глупого вопроса: уверен ли Каваниси в том, что встретил именно Тацуо Ясуду?

Значит, Ясуда действительно приехал в Саппоро 21 января в 20 часов 34 минуты. В тот же вечер остановился в гостинице "Масуро". Все абсолютно точно. Перед Михарой была глухая каменная стена. Остается только извиниться перед Касаи, который поддерживал его. Недаром начальник отдела неодобрительно отнесся ко всей этой затее. Ведь только инспектор поддерживал Михару и давал ему возможность действовать. Невольно Михара почувствовал, что ответственность ложится на его плечи.

Он страшно помрачнел. Каваниси, наблюдавший за ним, тихо, словно колеблясь, сказал:

– Михара-сан, простите, не перепутал ли я вашу фамилию? Конечно, нехорошо перед Ясудой-саном, но, поскольку вы приехали в такую даль из Токио, я уж скажу вам кое о чем, что вызвало мое удивление. Только прошу вас, не делайте из этого никаких выводов. Я говорю просто так, для сведения.

– Я вас слушаю! – встрепнулся Михара.

– Так вот. Я сказал вам, что Ясуда-сан просил меня его встретиться, потому что у нас был срочный деловой разговор. И действительно, такого содержания была телеграмма. Но когда я с ним встретился, выяснилось, что дело-то не такое уж срочное.

– Да?! Это правда?! – у Михары даже дыхание перехватило.

– Да. Этот разговор вполне можно было отложить на следующий день, когда Ясуда-сан пришел к нам в контору. Я еще подумал тогда, что за причуды?

Михара почувствовал, что в глухой каменной стене образовалась трещина. Он очень разволновался, но скрыл это. Спокойным тоном он спросил Каваниси еще раз, не было ли все-таки необходимости в такой спешке. Нет, не было.

Зачем Ясуда, не имея никакой срочности, заставил Каваниси прийти на вокзал? Да потому, что ему нужен был очевидец его прибытия в Саппоро 21 января экспрессом "Маримо"! Это единственная причина. В Токио "четырёхминутные очевидцы". Здесь, в Саппоро, тоже очевидец. Один и тот же прием. И тут и там преднамеренность. А если это преднамеренно, то факт прибытия Ясуды на "Маримо" указывает на совершенно обратное. Пожалуй, на то, что он не приехал этим экспрессом.

Тут Михаре пришла в голову одна важная мысль, его глаза блеснули.

– Каваниси-сан, вы сказали, что встретились с Ясудой-саном в зале ожидания?

– Да... – Каваниси встревожился, кажется, он уже раскисал в своей откровенности.

– Значит, не на платформе?

– Нет, не на платформе. Ведь в телеграмме он просил встретить его в зале ожидания.

– Следовательно, – наступал Михара, – вы не видели, как он сходил с поезда?

– Нет, не видел, но...

На лице Каваниси, казалось, было написано: ведь Ясуда вошел в зал ожидания, а если он живет в Токио, то откуда же он мог появиться, как не с этого экспресса?

Михара покинул фирму. Он даже не мог припомнить, поблагодарил ли Каваниси. Он блуждал по улицам этого города, в котором очутился впервые.

Вдоль тротуаров в два ряда тянулись высокие акации. Но он видел их как в тумане. Он шагал без цели, его преследовала одна мысль.

Ясуда лжет, что приехал в Саппоро на экспрессе "Маримо". Просто вскоре после прибытия поезда он встретился с Каваниси в зале ожидания. Именно об этом он просил его в телеграмме. Вот и получается, что "Каваниси встретил на вокзале". Так писали и из местного управления полиции после проверки. Ведь если говорят "встретил на вокзале", каждый подумает, что речь идет о встрече человека, только что сошедшего с поезда. Ясуда воспользовался такого рода абберрацией.

Он состряпал очевидцев и на Токийском вокзале и в Саппоро.

"Ну ладно, я сорву с него маску!" – в сердцах подумал Михара. Он вытащил записную книжку и перечитал рассказ Ясуды, записанный с его слов: "20 января с вокзала Уэно выехал экспрессом "Товада". В Аомори прибыл 21-го утром. В 9.50 отплыл из Аомори на пароходе и прибыл в Хакодате в 14.20. В Хакодате сел на экспресс "Маримо", в Саппоро был в 20.34".

И вдруг Михару даже в жар бросило – как же он раньше не обратил на это внимания? Ведь пассажиры, пользующиеся морским транспортом, заполняют специальные бланки! Надо проверить фамилии ехавших в тот день из Аомори в Хакодате.

Вот где он нанесет сокрушительный удар Ясуде! Ведь если он действительно ехал на этом пароходе, должен сохраниться бланк с его фамилией.

У Михары от радости забилось сердце. Но радость мгновенно уступила место тревоге.

21 января... С тех пор прошел уже целый месяц. Хранятся ли бланки пассажиров так долго? Если они уничтожены, значит, оборвется и эта нить.

Очевидно, на вокзале могут дать справку относительно бланков. Он поспешил на вокзал.

Пройдя в комнату железнодорожной охраны, Михара показал свое удостоверение и спросил о сроках хранения бланков. Пожилой охранник сказал:

– Срок хранения пассажирских бланков паромного сообщения между Аомори и Хакодате шесть месяцев.

Шесть месяцев! Этого более чем достаточно. Михара облегченно вздохнул.

– Значит, нужно отправиться на вокзал в Аомори? Они там хранятся?

– Нет, в Аомори ехать не нужно. Эти бланки хранятся и на вокзале в Хакодате.

Михара удивленно поднял брови. Охранник объяснил:

– Бланк состоит из двух одинаковых частей. В каждой части пассажир записывает свое имя, фамилию и адрес. Половину отрывают на пункте отправления, а другую половину передают капитану корабля, который, в свою очередь, все передает на вокзал в пункте прибытия.

Да, действительно, Михара вспомнил, что сам заполнял две графы.

– Какое число вас интересует?

– 21 января. Пароход, который прибыл в Хакодате в 14.20.

– А, это семнадцатый пассажирский. Если вы собираетесь в Хакодате, я могу позвонить, чтобы к вашему приезду все приготовили.

– Большое спасибо, буду вам очень признателен.

Михара сказал, что поедет ночным поездом и, следовательно, утром будет в Хакодатэ.

Ночной поезд отправляется в 22.00. Ждать нужно было еще целых восемь часов. Не терпелось поскорее узнать результаты, но время словно издевалось над Михарой. Ожидание и дорога заняли в общей сложности шестнадцать часов.

Он не знал, куда себя девать. Побродил по городу, но глаза ничего не хотели видеть. Наконец наступили сумерки. Поезд, дремота. Время тянулось бесконечно долго.

В Хакодатэ прибыли рано, в начале седьмого. Дул ледяной ветер. До восьми часов, пока вокзальный служащий не вышел на работу, Михара сходил с ума от нетерпения.

Наконец рабочий день начался. Молодой служащий положил перед Михарой тяжелую пачку пассажирских бланков, перевязанных бечевкой.

– Мне вчера позвонили, и я отобрал бланки парохода № 17 за двадцать первое число. Вот они, второй и третий класс отдельно. В каком классе пассажир?

– Думаю, что во втором. Хотя не совсем в этом уверен.

Бланков третьего класса было гораздо больше, просматривать их – довольно долгая история. Другая пачка, второй класс, гораздо тоньше – вероятно, около тридцати бланков.

Он начал проверять все подряд. "Не может здесь быть имени Ясуды, не может!.." – рефреном звучало в душе Михары. Вдруг на тринадцатом или четырнадцатом бланке он остановился.

"Есио Исида, чиновник, 50 лет, Токио..."

Михара знал, что Исида занимает пост заведующего сектором министерства Н.

Слишком даже хорошо знал. Здесь ведь и обнаружилось это дело о взяточничестве. Второй сыскной отдел с ног сбился, ведя расследование. И вот, оказывается, заведующий Исида 21 января прибыл этим же пароходом на Хоккайдо. Михару охватило недоброе предчувствие.

Михара тщательно просматривал бланки. Один, другой, третий... И вдруг он чуть не вскрикнул: "Тацуо Ясуда, торговец фабричным оборудованием, 42 года, Токио..."

Он вытаращил глаза. Не верил, не мог поверить. Этого не должно быть, не должно! Но вот он, бланк, лежит перед ним, солидный, внушительный, не вызывающий сомнения.

Михара задохнулся. Дрожащими пальцами вытащил из портфеля страницу книги приезжих с собственноручной записью Ясуды. Положил рядом оба листа. Тот же самый почерк. Значит, Ясуда все-таки ехал на этом пароходе. Михара почувствовал, что бледнеет.

Если он действительно ехал на этом пароходе, следовательно, подтверждается и то, что после этого он сел на экспресс "Маримо". Абсолютно точные показания. Ни на йоту лжи!

А Михаре показалось, что он видел трещины на стене... Иллюзия, обман зрения! Михара осознал свое полное поражение. Уронив голову на руки, он некоторое время так и сидел, словно в оцепенении.

У департамента полиции Михара сел на трамвай, идущий в Синдзюку^[11].

Вечерело, был девятый час. Часы "пик" давно уже прошли. Вагон был наполовину пустой. Михара уселся и скрестил на груди руки. Приятно покачивало.

Он любил трамвай. Часто ехал просто так, без определенной цели. Особенно если нужно было о чем-нибудь подумать. Небольшая скорость, равномерное покачивание. Короткие остановки, скрежет колес и снова покачивание. Зыбкая ограда, отделяющая от внешнего мира. Можно спокойно отдаться течению мысли.

...Ясуда без особых на то причин телеграммой вызвал служащего "Футаба-секай" на вокзал в Саппоро. Зачем ему понадобился Каваниси?.. Михара смотрел прямо перед собой. Ни разговоры пассажиров, ни скрежет тормозов ему не мешали... Вызвал потому, что хотел, чтобы Каваниси увидел, как он, Ясуда, прибыл в Саппоро экспрессом "Маримо". То есть Ясуда показался Каваниси и обеспечил таким образом себе на всякий случай алиби.

Алиби? Мысли Михары зацепились за это слово. Алиби, алиби...

Доказательство отсутствия... Какого отсутствия?

И Михара попытался точно сформулировать свои смутные чувства. Отсутствия на Кюсю, на Касийском взморье, вот где. Доказательство отсутствия на месте происшедшего самоубийства.

Михара вытащил из кармана расписание поездов, с которым последнее время не расставался. Саяма и О-Токи умерли между десятью и одиннадцатью вечера 21 января. После этого часа из Хакаты на Токио есть только один поезд, экспресс "Сацума", который отправляется утром следующего дня в 7 часов 24 минуты. В то время, когда Ясуда в 20 часов 44 минуты появился на вокзале в Саппоро и встретился с Каваниси, экспресс только что выехал из Киото. Именно это и хотел доказать Ясуда. Доказать свое отсутствие на месте самоубийства влюбленных. Но почему доказательство отсутствия так важно для Ясуды?..

– Очнитесь! – кондуктор дотронулся до плеча Михары.

Трамвай стоял на конечной остановке в Синдзюку. Михара вышел. Он не знал, что делать. Потоптался на месте. Потом сел в другой трамвай, идущий в Огикубо.

...Еще одна деталь в поступках Ясуды подтверждает это. Те самые четыре минуты на Токийском вокзале. До сих пор Михара думал, что тогда Ясуда просто хотел показать официанткам "Кююки", как Саяма и О-Токи вместе садятся в поезд. Теперь в голову пришло, что ему надо было еще и подчеркнуть, что он не имеет никакого отношения к этой поездке. Он обронил тогда такую фразу:

"Смотрите, Саяма и О-Токи садятся в экспресс "Асакадзэ"...". Они садятся, а он, Ясуда, при чем? Он ведь сел тогда на электричку Иокосукской линии. Вот вам и доказательство отсутствия на месте происшествия! Кроме того, Ясуда на следующий вечер появился в "Кююки". И через день опять появился. Словно на чем-то настаивал.

Случайные очевидцы на Токийском вокзале, следовательно, были не случайными. Это подстроено Ясудой. То же самое с Каваниси на вокзале в Саппоро. Чтобы доказать, что его, Ясуды, не было на том месте, где произошло самоубийство влюбленных.

И все же преднамеренные действия Ясуды на Токийском вокзале и в Саппоро были каким-то образом связаны с третьим местом, с пригородом Хакаты, на Касийском взморье. Михара пришел к неколебимой уверенности, что Ясуда действительно там присутствовал, уж очень сильно было его стремление доказать обратное. Если свидетельства подстроены, следовательно, они ложные и в действительности все должно быть иначе. Да, 21 января между десятью и

одиннадцатью вечера Ясуда стоял на побережье Касии, там, где Саяма и О-Токи покончили самоубийством! И не просто стоял, а что-то делал! Что-то делал...

Что – пока неизвестно. В эти минуты Ясуда смотрел на Кэнити Саяму и О-Токи, видел, как они приняли яд, как упали. Он не отсутствовал, а присутствовал.

На это указывают усилия Ясуды доказать обратное.

Логически такое построение вполне допустимо. С другой стороны, если Ясуда был там, значит, он выехал из Хакаты на следующее утро, в 7.24, экспрессом "Сацума". Но "Сацума" прибывает в Киото в 20.30 и отправляется оттуда в 20.44, то есть в то самое время, когда Ясуда улыбался Каваниси на вокзале Саппоро, на Хоккайдо. Нельзя допустить, что Каваниси врет. Здесь и подозрений быть не может. Ведь около девяти вечера Ясуда появился в гостинице "Марусо". В это время экспресс "Сацума" мчался по берегу озера Бивако. Как же быть с противоречиями?

Ведь фактов много. Пароходный бланк с фамилией Ясуды. Тоже неопровержимое доказательство того, что Ясуда ехал из Аомори в Хакодате. Да, это стальной молот, вдребезги разбивающий хрупкую скорлупу логики Михары.

Но сердце подсказывало другое. Инстинктивное недоверие к Тацуо Ясуде не позволяло согласиться с доводами действительности.

– Послушайте! – сказал кондуктор над ухом Михары.

Конечная остановка – Огикубо. Вагон был пуст. Михара сошел. На этот раз он сел в электричку и поехал обратно.

Ясуда великолепно все подстроил. Но прочность здания призрачна, где-нибудь да есть слабое место. Но где?

Михара продолжал думать, прикрыв глаза и подставив лицо ветру. Минут через сорок он вдруг очнулся и взглянул на висевший перед ним плакат.

Какая-то реклама косметических средств. Михара не отрываясь смотрел на плакат. Но дело было не в косметике – он вспомнил пароходный бланк с именем Есио Исиды.

– Мы выяснили кое-что об Исиде, – сказал инспектор Касаи.

Разумеется, Касаи не направил сыщика прямо к Есио Исиде, не следовало его настораживать. Он и без того был слишком возбужден расследованием. Инспектор подошел к этому делу осторожно. "Выяснили" означало – узнали через третьи руки.

Действительно, 20 января он отправился в командировку на Хоккайдо. Выехал с вокзала Уэно экспрессом "Товада" в 19.15. В Саппоро прибыл 21 января в 20 часов 34 минуты на экспрессе "Маримо". Следовательно, он ехал в тех же поездах, что и Ясуда.

Касаи показал запись пути следования Исида. Исида не сошел в Саппоро, а поехал дальше, до Куширо. А затем совершил инспекционную поездку по другим районам Хоккайдо.

– Попробовали наметнуть на Ясуду. Исида сказал, что да, действительно, до Саппоро они ехали в одном поезде. Оба во втором классе, но в разных вагонах.

Как говорит Исида, Ясуда часто приходил к нему в вагон. Да, он прекрасно знает Ясуду, тот часто бывает по делам в их министерстве.

Так изложил Касаи результаты проверки.

Михара совсем упал духом. Еще один свидетель, что Ясуда ехал именно этим поездом. И на этот раз настоящий, неподстроенный. Крупный чиновник, день его командировки и путь следования определены заранее. Его имя значится среди пассажиров парохода, курсирующего между Аомори и Хакодате. Здесь не может быть ни малейшего сомнения.

– Послушай, – сказал, поднимаясь, Касаи. – Погода отличная, давай пройдемся немного.

Улицы утопали в солнце. Яркие лучи возвещали начало лета. Многие уже ходили без пиджака.

Инспектор шагал впереди. Они пересекли трамвайные пути, пробрались сквозь поток машин и остановились у крепостного рва. Белые стены императорского дворца сияли. После мрачной комнаты департамента эта белоснежная чистота слепила глаза. Инспектор прошелся вдоль рва, отыскал свободную скамейку, уселся. Со стороны могло показаться, что двое служащих удрали с работы и решили позагорать.

– Пока ты был в командировке на Хоккайдо, мы тут проверили отношения Саямы и О-Токи, – сказал Касаи.

Михара с недоумением посмотрел на инспектора. Проверять отношения влюбленных, покончивших самоубийством по сговору? Зачем это нужно?

– Конечно, проверять отношения людей, настолько близких, что они вместе покончили самоубийством, как будто и не имеет смысла. Но на всякий случай мы это сделали, – словно поняв недоумение Михары, сказал Касаи. – Как видно, уж очень тайно они встречались. Не нашлось ни одного человека, который бы знал об этой связи. Официантки "Кою-ки" были поражены, узнав, что Саяма любовник О-Токи. А у женщин, работающих в подобных местах, на такие вещи острый нюх.

Но за ней они ничего не замечали, ничего. Но...

Касаи на минуту замолчал и закурил. По-видимому, он собирался сказать нечто важное.

– ...Но у О-Токи, вероятно, все-таки был любовник. Она снимала комнату в маленьких номерах. Ей часто звонили по телефону. По словам управляющего, звонил женский голос. Женщина называла себя "Аояма". В трубке иногда слышалась музыка. Может быть, она работала в кафе. Но управляющий говорит, что эта самая Аояма звонила только ради приличия, а когда О-Токи брала трубку, женщину сменял мужчина. Так он считает. После этих звонков О-Токи всегда быстро одевалась и уходила. Это началось примерно за полгода до ее смерти. К себе

О-Токи никогда не приглашала мужчин. Значит, она соблюдала большую осторожность, встречаясь с любовником.

– И этот любовник – Саяма? – спросил Михара, чувствуя смутное беспокойство.

– Очевидно. Его мы тоже проверили. Здесь удалось узнать еще меньше. Он, оказывается, был очень замкнутым человеком, к тому же малодушным. Не в его характере было распространяться о своих любовных связях. Но, поскольку они вместе покончили с собой, не приходится сомневаться, что именно он и был любовником О-Токи.

Но в тоне Касаи не было обычной уверенности, вескости. Это еще больше увеличило смутное беспокойство Михары.

– Пробовали проверить любовные связи Ясуды, – Касаи окинул взглядом вершины сосен.

Михара уставился на инспектора. Он понял, что за время его отсутствия вокруг начальника завертелись невидимые водовороты. Разумеется, Касаи только маленькая клеточка огромного организма, именуемого сыском.

– И здесь ничего не удалось выяснить, – пробормотал он, не глядя на Михару, – Тацуо Ясуда только раз в неделю бывает в Камакуре. К тому же его жена тяжело больна. Поэтому вполне возможно допустить существование связей с другими женщинами. Но никаких данных об этом нет. Если у него и есть любовницы, то он так искусно скрывает все свои встречи с ними, что никто о них не знает. Конечно, может быть, это только наши домыслы, а на самом деле он верный муж, однолюб, преданный своей жене. Действительно, проверка показала, что отношения между супругами хорошие, ровные. По-видимому, они очень дружны.

Михара кивнул, он это почувствовал, когда был в Камакуре у жены Ясуды.

– И О-Токи, и Саяма, и Ясуда, конечно, если у него тоже были связи, очень хорошо умели скрывать свои любовные дела от чужих глаз.

От этих слов у Михары стукнуло сердце. Он почувствовал, что смутное предчувствие начинает принимать определенные очертания. Он крикнул:

– Господин инспектор, что-нибудь случилось?

– Да, случилось, – отрезал Касаи. – Начальник сыскного отдела вдруг заинтересовался этим самоубийством.

Михара понял, что этот интерес вспыхнул не сам собой. На начальника нажали сверху.

Он был прав, Касаи подтвердил это.

На следующий день, когда Михара пришел в отдел, Касаи подозвал его.

– Заведующий сектором министерства N сделал нам заявление, – опершись локтями о стол и скрестив пальцы, сказал Касаи. Так он делал всегда, когда бывал чем-нибудь озабочен. – Нет, не сам приходил, прислал секретаря. Вот его визитная карточка.

На визитной карточке было написано: "Китара Сасаки, секретарь отдела министерства N". Михара ждал, что скажет Касаи.

– Этот чиновник от имени Исида сделал примерно следующее заявление. На днях господин X навел у меня справки о Тацуо Ясуде. Поскольку этим интересуется департамент полиции, я и делаю это заявление. 20 января, когда я ехал в командировку, я видел Ясуду, он ехал в том же поезде. Правда, мы были в разных вагонах, но он иногда заходил ко мне. Если вам требуются другие свидетели, видевшие Ясуду, можете обратиться к чиновнику губернаторства Хоккайдо Кацудзо Инамура. Он также ехал в этом поезде от Хакодате. Господин Инамура видел Ясуду после станции Отару, когда тот перед прибытием в Саппоро пришел со мной попрощаться. Я их и познакомил. Вероятно, он запомнил Ясуду.

– Подумать только, как старается ради Ясуды! – сказал Михара.

– А можно и иначе рассматривать, – улыбнулся Касаи, – узнал, что полиция интересуется Ясудой, и решил нам помочь...

Михара понял намек.

– А какие отношения между этим самым Исидой и Ясудой?

– Ну, чиновник и коммерсант, поддерживающий деловые отношения с министерством. Примерно можно догадаться какие. Особенно если Исида один из подозреваемых в деле о взяточничестве. Но пока что между ними не выявлено никаких связей, которые могли бы нас заинтересовать. Наверняка Ясуда делал Исиде подарки на Новый год и ко дню поминовения умерших. Ясуда ведь довольно основательно связан с министерством. Возможно, в знак благодарности Исида и сделал это заявление. – Касаи хрустнул сплетенными пальцами. – Благодарность тут или неблагодарность, нам от этого не легче. Правда, я все-таки отправил телеграмму с запросом этому самому чиновнику губернаторства Хоккайдо, но ответ и так ясен. Разумеется, слова Исида подтвердятся. Подтвердятся, что Ясуда действительно ехал 21 января на экспрессе "Маримо".

Появился еще один очевидец. Совсем приуныв, Михара отошел от стола инспектора.

Был первый час. Михара поднялся в столовую, на пятый этаж. Большая столовая, как в провинциальных универсальных магазинах. В окно падали яркие лучи солнца. Михаре не хотелось есть. Он налил чаю, сел, сделал глоток и тут же вытащил записную книжку, заработал карандашом.

"Поездка Тацуо Ясуды на Хоккайдо.

1) Бланк пароходства линии Аомори-Хакодате заполнен самим Ясудой (пароход № 17, в Хакодате состав подсоединяется к экспрессу "Маримо").

2) Свидетельство заведующего отделом Исида.

3) Чиновник губернаторства Хоккайдо после Отару видел Ясуду, с которым его познакомил Исида.

4) На вокзале в Саппоро Ясуду встретил Каваниси".

Михара задумался. Эти четыре пункта были неколебимы, словно каменные глыбы. Но необходимо их поколебать, опровергнуть. Опровергнуть во что бы то ни стало!

Но какая связь существует между экспрессом "Сацума", который выехал 21 января в 7.24 из

Хакаты, и экспрессом "Маримо", в тот же день в 20.34 прибывшим в Саппоро? Связать их невозможно. А если невозможно, значит, ничего не могло и быть. Да, да, ведь Ясуда действительно появился на вокзале в Саппоро.

Обхватив голову руками, Михара чуть ли не в сотый раз перечитывал свою запись. Вдруг одно обстоятельство привлекло его внимание своей странностью.

Чиновник губернаторства Хоккайдо господин Инамура видел Ясуду после того, как экспресс проехал станцию Отару. Ясуда в это время пришел из другого вагона, чтобы попрощаться с Исидой. Пожалуй, странно, что до станции Отару Ясуда ни разу не пришел к Исиде.

Ведь и Ясуда, и Исида, и Инамура сели в Хакодатэ в один и тот же поезд.

Пусть они ехали в разных вагонах. Почему же Инамура до станции Отару ни разу не видел Ясуду? Ведь Исида сказал, что Ясуда неоднократно приходил к нему в вагон.

Михара еще раз просмотрел расписание и выяснил, что от Хакодатэ до Отару пять часов езды. Быть не может, чтобы Ясуда целых пять часов сидел в другом вагоне и ни разу не пришел к своему покровителю, с которым он в таких хороших отношениях. А если рассуждать дальше, то вообще странно, почему Ясуда и Исида не сели в один вагон, чтобы за беседой скоротать длинную дорогу. Ну хорошо, допустим, что Ясуда постеснялся это сделать. Но зайти-то он мог за эти пять часов.

Господин Инамура абсолютно нейтральное третье лицо.

И вот он почему-то увидел Ясуду только тогда, когда проехали станцию Отару. Не значит ли это, что Ясуда сел в экспресс "Маримо" в Отару? Тогда все понятно. Понятно также, почему Ясуда ехал в другом вагоне, – он не хотел, чтобы знали, где он сел в поезд. Когда экспресс отошел от этой станции, он отправился к Исиде, а Инамура подумал, что Ясуда едет от Хакодатэ.

Михаре показалось, что сквозь плотную пелену тумана блеснул слабый луч света. Сердце у него забилось чаще.

С другой стороны, вряд ли Ясуда сел в поезд в Отару. Ведь для этого нужно было выехать из Хакодатэ еще раньше, до экспресса "Маримо".

Однако это предположение дало новый толчок мыслям Михары. Правда, все пока продолжало оставаться неясным. В то же время он пришел к твердой уверенности, что здесь что-то кроется. Кроется за ширмой неопровержимой истины.

"Почему Ясуда сел в экспресс "Маримо" на станции Отару? Почему ему нужно было сесть именно в Отару?" – словно рефрен твердил про себя Михара.

Если Ясуда сел в Отару, он должен был приехать на поезде, вышедшем из Хакодатэ раньше "Маримо". До "Маримо" есть еще один экспресс, "Акасия", в 11.39. А еще раньше есть два почтовых поезда и экспресс, отбывающий из Хакодатэ в шесть утра. Но все это немыслимо, совершенно уж немыслимо.

Михаре было необходимо заставить Ясуду стоять на месте самоубийства влюбленных, на Касийском побережье, на острове Кюсю, между десятью и одиннадцатью вечера 20 января. Что там делал Ясуда, об этом можно подумать и потом. Но он был, был там! Но ведь в этом случае он мог уехать из Хакаты только на следующее утро. Экспресс на Токио шел в 7.24. Далее ему нужно было попасть на Хоккайдо. Как ни ломай голову, получается заколдованный круг.

– Не мог он попасть за такой короткий срок из Хакаты на Хоккайдо, разве что у него были крылья, – подумал вслух Михара и тут же споткнулся на последней ступени. Нет, на лестнице было светло. Он едва не закричал. Как же он до сих пор не подумал об этом! У него зазвенело в ушах.

Чуть ли не бегом он бросился к себе в отдел. Дрожащими пальцами начал листать

расписание. Расписание воздушного сообщения. Для верности еще раз просмотрел маршруты самолетов за январь по всем числам.

Фокуока 8.00 – Токио 12.00 (№302) Токио 13.00 – Саппоро 16.00 (№503) Нашел! Михара глубоко вздохнул. В ушах все еще звенело.

Ну конечно же, Ясуда был на Кюсю и вылетел из Хакаты 21 января в 8 утра.

Через Токио на Хоккайдо. В 16 часов он уже находился в Саппоро. Как же Михара до сих пор не догадался о пассажирских самолетах? Втемяшились ему в голову эти поезда! Прилип к экспрессу "Сацума", отправляющемуся из Хакаты в 7.24 утра. Эх, стукнуть бы как следует по своей тупой башке! Теперь конец сомнениям.

Михара позвонил в воздушное агентство "Нихон"^[12]. Справился, сколько времени идет автобус от саппорского аэропорта Титосэ до города.

– Примерно час двадцать минут. А в городе от автобусной станции до вокзала десять минут ходьбы, – был ответ.

Следовательно, Ясуда приехал в Саппоро примерно в 17.30. "Маримо" прибывает в 20.34. Целых три часа свободного времени. Что же он делал в Саппоро?

Пальцы Михары снова заскользили по строчкам расписания поездов на Хакодатской железнодорожной линии. Есть почтовый поезд, отправляющийся из Саппоро в 17.40. Он приходит в Отару в 18.44. Далее. Та же линия, только движение в обратном направлении. Экспресс "Маримо", выходящий из Хакодатэ в 14.50, прибывает в Отару в 19.51. Между этими двумя поездами перерыв более часу, точнее час семь минут. Ясуда мог спокойно дожждаться "Маримо" и сесть в поезд, чтобы ехать обратно в Саппоро. Сразу же после посадки показывается Инамура.

Теперь ясно, почему Ясуда впервые появился в вагоне Исиды только тогда, когда проехали Отару. Он не стал попусту тратить время в Саппоро. Прибыв в город на автобусе, быстрым шагом за десять минут дошел до вокзала и как раз успел к отходу почтового поезда. Незначительные отрезки времени – десять минут в Саппоро, час в Отару – Ясуда использовал с максимальной выгодой. Тот же прием, что и на Токийском вокзале. Михару поразила гениальная способность Ясуды пользоваться временем.

Михара подошел к столу инспектора, показал расписание и все объяснил. Его голос еще дрожал от возбуждения.

– Молодец, докопался! – Касаи посмотрел ему прямо в глаза. Слова прозвучали резко, отрывисто.

– Молодец, прекрасно! – повторил он возбужденно.

– Итак, алиби Ясуды рухнуло. Или, может быть, вообще странно говорить о его алиби? – через некоторое время сказал инспектор.

– Почему же странно? Все факты, делавшие невозможным присутствие Ясуды на месте самоубийства, теперь не имеют значения, – возразил Михара.

Действительно, таково было его убеждение.

– Следовательно, если это не невозможно, он мог присутствовать при самоубийстве... – Касаи постучал костяшками пальцев по столу.

– Разумеется, – решительно ответил Михара.

– Тогда тебе придется объяснить, по какой причине, – инспектор снова уставился на Михару.

– В данный момент я не могу этого сделать, – Михара мучительно сдвинул брови.

– Хочешь сказать, что многое тебе самому еще неясно?

– Да.

– Например... алиби Ясуды еще не полностью опровергнуто...

У Касаи было сложное выражение лица. Михара понял.

– Показания заведующего сектором Исиды?

– Н-да...

Их взгляды встретились. Это продолжалось несколько секунд. Касаи первым отвел глаза.

– Исидой можешь не заниматься, – сказал инспектор, – я беру его на себя.

– А кроме этого, есть и другие нерушимые преграды, – продолжал Касаи. – Что поделаешь с пароходными бланками? Это тебе не показания свидетелей, в которых можно усомниться, а железное вещественное доказательство.

Да. Именно поэтому тогда на вокзале в Хакодате Михара почувствовал себя раздавленным. Но, как ни странно, сейчас такого чувства не было.

Действительно, перед ними еще была крепкая стена вещественных доказательств.

Но это больше не подавляло.

– Ну что ж, – сказал Михара, – с вашего позволения, попытаюсь опровергнуть и это. Тут Касаи впервые улыбнулся.

– Какой энтузиазм! Совсем другим стал, чем тогда, когда вернулся из командировки на Хоккайдо. Ну ладно, давай действуй.

Когда Михара хотел уже отойти от стола, Касаи, слегка приподняв руку, остановил его.

– Да-да... Исиды-то хотел оказать услугу Ясуде, а кончик хвоста и увяз...

Вот как бывает...

Михара считал, что выдумка Ясуды относительно его поездки на экспрессе "Маримо" теперь опровергнута. Остается только доказать это. Он набросал на бумаге план действия.

"Выяснить, кто абонировал место в самолете, вылетевшем из Фукуоки 21 января в 8.00, и в самолете, вылетевшем из Токио на Саппоро в тот же день в 13.00".

Однако... Михара задумался. Ясуда говорит, что 20 января в 19.15 он выехал из Токио с вокзала Уэно экспрессом "Товада", отправляющимся в Аомори.

Следовательно, 20-го он был в Токио. Ясуда ведь мог предположить, что это дело будут расследовать. Значит, он все продумал и не мог отсутствовать весь день двадцатого. Кто-нибудь да видел его в Токио. Или служащие его конторы, или еще кто-нибудь в другом месте. А если он выехал в Хакату после полудня поездом, то не мог бы успеть к тому времени, когда произошло самоубийство.

Значит, и в этом случае он воспользовался воздушным транспортом.

Михара снова взялся за расписание движения самолетов. Последний самолет из Токио на Фукуоку вылетает в 15.00 и прибывает на место в 19.20. Очевидно, Ясуда до двух часов побывал где-нибудь в Токио и сообщил кому-нибудь, что уезжает вечером с вокзала Уэно. Потом он исчез. Ничего странного тут нет, все очень правдоподобно.

Михара попробовал записать поезда и самолеты, которыми мог воспользоваться Ясуда.

20 января.

Токио, аэропорт Ханэда, самолет в 15.00 – 19.20, Фукуока, аэропорт Итацуки (затем он останавливается в гостинице в Фукуоке и отправляется на Касийское взморье).

21 января.

8.00. Аэропорт Итацуки, Фукуока; 12.00, аэропорт Ханэда, Токио.

13.00. Аэропорт Ханэда; 16.00, аэропорт Титосэ, Саппоро.

17.40. Выехал почтовым поездом из Саппоро; 18.44, прибыл в Отару; 19.57, выехал на экспрессе "Маримо" из Отару; 20.34 прибыл в Саппоро (и встретился с Каваниси в зале ожидания вокзала).

21, 22 и 23 января прожил в гостинице "Марусо" в Саппоро и вернулся в Токио.

Вот и все. Все точно. Но вдруг, пока Михара перечитывал свою запись, у него возникло

одно сомнение.

Почему Ясуда просил Каваниси ждать его в зале? Ясуде было бы гораздо выгоднее, если бы Каваниси видел, как он сходит с поезда. Значит, тут есть какая-то причина. Такой осторожный и хитрый человек, как Ясуда, ничего не станет делать зря.

Михара долго над этим думал, но так и не смог ничего понять. "Ладно, выясним после. Теперь посмотрим, как доказать, что Ясуда был в Хакате".

Снова пришлось писать:

1) Проверить списки пассажиров самолетов, курсировавших в те дни на линиях Токио – Фукуока, Токио – Саппоро. Заодно проверить такси, на котором Ясуда мог доехать из Токио до аэропорта Ханэда. Проверить также автобусы, идущие от аэропорта Итацуки до Фукуоки и от аэропорта Титосэ до Саппоро. Все это было уже давно, и проверка будет нелегкой.

2) Узнать, в какой гостинице остановился Ясуда в Фукуоке.

3) Проверить, не видел ли кто-нибудь Ясуду в поезде из Саппоро до Отару.

Возможно, его видели и в Отару, ведь он провел там около часа в ожидании экспресса "Маримо".

Этого будет достаточно для доказательства его присутствия в Хакате.

Однако третий пункт почти не осуществим. Ну ладно, хватит первого и второго.

Подготовившись таким образом, Михара вышел из департамента полиции. Улицы светлые, веселые. На Гиндзе полно народу. Солнце припекает, лица людей кажутся яркими в ослепительных лучах.

Михара побывал в воздушном агентстве "Нихон" и побеседовал со служащим, в ведении которого были внутренние линии.

– У вас сохранился список пассажиров за январь?

– За январь нынешнего года? Да. Они хранятся у нас в течение года.

– Мне нужно выяснить фамилию человека, который 20 января летел рейсом № 305 из Токио до Фукуоки, 21 января рейсом № 302 из Фукуоки до Токио и в этот же день рейсом № 503 из Токио до Саппоро.

– Один и тот же человек?

– Да.

– Какой непоседа! Такие случаи бывают редко, поэтому выяснить несложно.

Служащий достал списки пассажиров, открыл на странице 20 января. Так, рейс № 305... посадка в Осаке... в Фукуоку прибыли 43 пассажира. Далее рейс № 302, в Токио прибыл 41 пассажир. Рейс № 305 – 59 пассажиров. Фамилии Ясуды в списке не было. Не было и трех одинаковых фамилий.

Разумеется, Ясуда воспользовался чужой фамилией. Михара не удивился.

Изумление вызвало другое – среди 143 пассажиров не было человека с одной и той же фамилией. Что-то тут не так.

– Билеты на самолет приобретают за день вперед?

– Да нет, за день трудно. Дня за три, за четыре надо заказать билет.

Иначе не попадешь на тот самолет, на который хочешь.

Ясуде было абсолютно необходимо лететь 305, 302 и 503-м рейсами, иначе он не смог бы 21 января очутиться в экспрессе. "Маримо". Нет сомнения, что билеты он заказал заранее. Пусть будет вымышленная фамилия, но трех одинаковых в списках нет.

Михара поблагодарил служащего и попросил его разрешения на несколько дней взять списки. Он оставил расписку на своей визитной карточке и ушел. Михара опять приуныл. Силы снова покинули его.

На улице Юракуте зашел в знакомый кафетерий, выпил кофе. В голове было одно и то же –

что-то тут не так, что-то не так...

Выйдя из кафетерия, Михара направился в сторону департамента полиции. На перекрестке улицы Хибия пришлось долго ждать. Горел красный свет. Машины неслись сплошным потоком. Сколько их! Самые различные модели и марки. Михара смотрел рассеянно. И вдруг мозг сработал, наверно, от скуки.

Пришла же в голову такая чушь, что Ясуда обязательно во всех трех случаях фигурировал под одной и той же фамилией! А почему бы каждый раз не придумать новую? Может быть, он и не сам заказывал билеты, а делал это через кого-нибудь.

Конечно, Михара допустил ошибку, решив, что если летел один человек, так и фамилия должна быть одна и та же, пусть вымышленная. Он страшно разозлился на себя – видно, вконец отупел.

Наконец вспыхнул зеленый свет, и Михара перешел улицу.

В этих списках скрываются три вымышленные фамилии. Ну что же, проверим все подряд. Они обязательно обнаружатся. И вымышленные адреса всплывут.

Михара вскинул голову. В атаку! Победа не за горами!

В отделе он обо всем доложил инспектору. Касаи поддержал его.

– Хорошо, проверим. Всего, говоришь, сто сорок три человека, – он просмотрел списки. – Больше половины столичные жители, остальные – из провинции. Ну что ж, токийцев разделим между всеми нашими същиками. А провинциалы... Придется обратиться к соответствующим управлениям полиции.

Сразу же перешли к делу. Същики переписали фамилии и адреса.

– У многих есть телефоны, дома или на работе. Можно сразу позвонить, пусть подтвердят, что летели именно этим рейсом.

Потом инспектор повернулся к Михаре.

– Но это еще не все. Впереди самая большая трудность.

– Вы имеете в виду пароходные бланки?

Действительно, эта стена пока стоит неколебимо. Этаким гигант, от которого отскакивают все атаки Михары.

У Михары мелькнула одна мысль. Списки пассажиров самолетов... Пароходные бланки. Между ними есть сходство. И в том и в другом случае имена пассажиров регистрируются... Или он опять ошибается? Надо быть осторожным. Зачастую внешнее сходство может привести к ошибочным выводам.

Михара молчал и поглядывал на Касаи.

– Ну, что у тебя еще?

– А как с тем делом? – спросил Михара.

– Н-да... Вчера меня вызывал прокурор, – инспектор понизил голос, следствие, кажется, зашло в тупик. Основная помеха – самоубийство Саямы.

Ведь помощник начальника отдела – основная фигура в практических делах.

Заведующие отделом в оперативную работу не вникают, полагаются на помощника.

Да, по правде говоря, по-другому и быть не может, так как они в этом просто ничего не смыслят. А помощник начальника обычно долго сидит на этой должности и досконально знает всю механику.

В результате из него получается как бы опытный ремесленник. На более высокие посты его не пускают. Ему только и остается, что смотреть, как более молодые чиновники с университетским дипломом лезут вверх по служебной лестнице. В конце концов махнешь рукой, а что же еще делать? Про себя можешь возмущаться сколько угодно, а если начнешь бунтовать в открытую, так тебе больше не работать в государственном учреждении, – инспектор отпил глоток чая. – Но если случится, что на такого обратит внимание начальство, тут уж он из кожи вон лезет. Появляется крохотная надежда попасть в тот мир, о котором можно только мечтать. Ему кажется, что перед ним открылся путь к карьере. В результате – собачья преданность начальству и лошадиный труд. А что делает начальство? Иногда действительно вознаграждает за усердие и отличную работу. Но если хорошее отношение вызвано просто желанием использовать подчиненного в своекорыстных целях, тогда бедняга попадает в капкан. Начальнику ведь, какое бы высокое положение он ни занимал, невозможно обойтись без квалифицированного, преданного помощника. Тут хочешь не хочешь, а дари человека своей благосклонностью. Одними приказами не обойдешься. Вот помощник ради карьеры и начинает подыгрывать начальству. Это же в человеческой натуре. Кстати, о человеческой натуре. В таких учреждениях почти все отношения строятся на личных симпатиях.

– То же самое и в этом деле. Все упирается в помощника начальника отдела Саяму.

Очевидно, он отлично знал свое дело и был прекрасно обо всем осведомлен. Прокурор больше всего жалеет о том, что Саяма умер. Его смерть крайне затруднила следствие, можно сказать, даже завела в тупик. Все нити, ведущие к начальству, держал в руках Саяма. И вот он умер. Чем дальше подвигается следствие, тем больше увеличивается эта брешь. Зато, конечно, высшее начальство испытывает чувство облегчения.

– Заведующий сектором Исида в их числе? – спросил Михара.

– Уверен, что он просто хохочет от радости. Подумать только, какое благородство у этого самого помощника начальника отдела! Берет на свои плечи ответственность за все министерство и кончает счеты с жизнью. Обычная история. Стоит раскрыть крупное дело о взяточничестве, как, глядишь, какой-нибудь чиновник класса помощника начальника отдела раз-раз и покончил с собой.

– Значит, и Саяма...

– Видишь ли, такие люди обычно накладывают на себя руки в одиночку. Во всяком случае, до сих пор было так. А Саяма прихватил на тот свет женщину.

Это новый вариант. Вся история получила любовный оттенок.

Инспектор угрюмо замолчал. Михара прекрасно понимал, над чем задумался Касаи. Но он ничего не сказал. Значит, и прокурор, и начальник сыскного отдела, и инспектор поддерживают его линию. Михара почувствовал прилив бодрости.

В этот день он тщательно просмотрел все материалы о самоубийстве влюбленных. Описание места происшествия, заключение судебно-медицинской экспертизы, фотографии, показания свидетелей и родственников. Он изучал все заново. Не пропустил ни одной буквы, ни одной запятой. Мужчина и женщина умерли от отравления цианистым калием. Они лежали рядом, чуть ли не обнявшись. Ничего нового в деле он не нашел. Все то же, что читал и видел десятки раз. Никаких подозрительных моментов.

Михара попытался представить себе место происшествия. Где стоял Ясуда? Он был там, был! Ведь не зря же он так тщательно подбирал свидетелей отъезда двух влюбленных.

Через три дня закончилась проверка пассажиров самолетов. Среди фамилий не оказалось ни одной вымышленной. Все пассажиры трех самолетов существовали в действительности. Список был абсолютно точным.

Все сто сорок три человека в один голос заявили: "Да, я летел этим самолетом".

Михара испытал нечто вроде нервного шока. Снова он сжимал голову руками.

Снова мучился.

Господин помощник полицейского инспектора Михара! Простите, что долго не подавал Вам вестей. Вот уже три месяца, как мне посчастливилось познакомиться с Вами, но прирожденная лень все мешала взяться за перо.

Сердечное спасибо за Ваше письмо. Вместе с извинениями приношу свою глубокую благодарность.

Как быстротечно время! Когда я впервые Вас увидел, была еще ранняя весна, с моря дули холодные ветры, а теперь уже вторая половина мая, на солнцепеке очень жарко. Как всегда, в начале месяца у нас весело прошел местный праздник, значит и лето уже недалеко. Кстати, если у Вас выпадет свободное время, приезжайте к нам в Хакату на один из таких праздников.

Судя по Вашему письму, вы, очевидно, по-прежнему заняты трудным делом. Я даже позавидовал Вашей молодости и неукротимой энергии. Эх, был бы я помоложе! Простите за эти ничемные жалобы на судьбу!

Поверьте, когда я узнал, что расследование этого дела о самоубийстве влюбленных, за которое я было взялся и не довел до конца из-за отсутствия поддержки моих старших коллег, благодаря Вашему опыту и настойчивости может привести к раскрытию крупного преступления, меня охватила искренняя радость.

Очень благодарен Вам за подробное сообщение о ходе Вашей работы.

Представляю, какие трудности возникают у Вас на пути! Вы любезно предлагаете мне высказать мои соображения по этому поводу, если таковые имеются. Но боюсь, что мой ум, из-за преклонного моего возраста, утратил свою гибкость, только и остается выразить восхищение Вашим усердием.

Нечего и говорить, что для сотрудника полиции, посвятившего себя сыску, огромное значение имеют внутренняя убежденность и желание довести дело до конца. Прочитав эти строки, Вы, наверное, подумаете, что старик начал доказывать прописные истины, но, зная Ваше хорошее отношение, надеюсь, что Вы меня простите.

Ведь я сам уже двадцать лет служу в полиции, и за это время мне пришлось расследовать такое множество дел, что всех и не перечислишь. Но не все преступления мне удалось раскрыть. И поверьте моему опыту, чаще всего причина этого кроется в недостаточной настойчивости наших сотрудников.

Сошлюсь на один пример из моей практики. Двадцать лет назад в местечке Хирао, пригороде Фукуоки, был обнаружен разложившийся труп старухи. Ссадины на шее свидетельствовали о том, что она была задушена. Нашли ее в мае.

Полицейский врач установил, что смерть наступила около трех месяцев назад.

Такому заключению, помимо всего прочего, способствовало то, что на убитой была ватная безрукавка, то есть зимняя одежда. Мое подозрение пало на одного человека. Но оказалось, он приехал с Тайваня и поселился недалеко от старухи в начале апреля. Выходило, что в то время, когда было совершено преступление, он еще жил на Тайване. С февраля месяца старуху никто не видел, ее дом находился в довольно глухом месте, и, естественно, мы предположили, что в феврале ее и убили. Казалось, все доказывало полное алиби подозреваемого мною человека. Я не решился возбудить против него дело, и преступление так и осталось нераскрытым.

Теперь я задним числом припоминаю, что у этого полицейского врача была склонность увеличивать срок, прошедший после наступления смерти. Конечно, когда имеешь дело с сильно разложившимся трупом, очень трудно определить, когда именно было совершено преступление. Все зависит от искусства врача.

Ватная безрукавка тоже сыграла здесь некоторую роль. Теперь, когда я мысленно возвращаюсь к этому делу, я думаю, что ватная безрукавка не является доказательством того, что старуху убили зимой. В начале апреля тоже бывают сильные холода, и она могла вытащить ее из корзины, куда уже спрятала теплые вещи.

Вот и выходит, что преступление вполне мог совершить тот человек, которого я подозревал. Теперь остается лишь сожалеть о моей тогдашней ошибке. Прояви я настойчивость, преступник был бы уличен.

Я привел Вам лишь один пришедший на ум пример. А таких примеров множество.

Иными словами, если Вы убеждены, что преступление совершило данное лицо, Вы должны быть настойчивым. Иногда на человека оказывает воздействие предвзятое мнение, и он проходит мимо очень важных фактов, на первый взгляд кажущихся само собой разумеющимися. Это страшная ошибка. Мне кажется, в ходе расследования необходимо несколько раз проверить и проанализировать все факты.

Ваше предположение, что человек по имени Тацуо Ясуда подстроил очевидцев отъезда Саямы и О-Токи с Токийского вокзала, кажется мне очень интересным.

По-моему, Ясуда имеет прямое отношение к самоубийству влюбленных. Даже больше, я согласен с Вами, что он присутствовал при самоубийстве на Касийском взморье и играл в нем какую-то роль.

В связи с этим мне вспомнились две пары, появившиеся вечером 20 января на станциях Касии и Западный Касии. Теперь я почти уверен, что это были две разные пары: одна – Саяма и О-Токи, другая – Ясуда и неизвестная нам дама.

Обе пары почти одновременно сошли с поезда и направились на взморье.

Возникает вопрос, какую роль могла играть женщина, сопровождавшая Ясуду.

Очевидно, ему понадобился какой-то сообщник для выполнения задуманной операции, без этой женщины он не смог бы осуществить свой план.

Но что делал Ясуда? Получив Ваше любезное письмо, я снова отправился на Касийское взморье. И выбрал вечернее время. Дул прохладный ветер. На берегу гуляло несколько пар, все молодые люди, видно, послевоенного поколения.

Огни городка были далеко, я видел только черные силуэты людей. Что ж, удобное местечко для влюбленных! Простите, опять начал по-стариковски брюзжать! Просто я подумал, что в тот вечер, 20 января, Саяма и О-Токи тоже казались черными теньями на этом побережье. Кроме того, когда расстояние между парами превышало пять-шесть метров, они уже не видели друг друга. К моему величайшему сожалению, пока что не могу сказать ничего более определенного. Кое-какие смутные подозрения копошатся в голове, но слишком уж смутные.

Теперь относительно интересовавшего Вас вопроса о гостинице. Я испробовал все пути, но, к сожалению, не удалось установить, останавливался ли ночью 20 января в одной из хакатских гостиниц человек по имени Тацуо Ясуда.

Во-первых, это было уже давно. А во-вторых, масса людей называет чужую фамилию. Кроме того, есть и такие подозрительные гостиницы, где вообще не регистрируют фамилий постояльцев. Конечно, я попытаюсь продолжить расследование, но боюсь, что надежды на успех почти нет.

Далее. До сих пор я был убежден, что вечером 20 января О-Токи позвонила Саяме по телефону, и после этого он ушел из гостиницы. Теперь мне пришло в голову, что это могла сделать и та женщина, которая сопровождала Ясуду.

Разумеется, никаких определенных оснований для такого предположения у меня нет. Но если Ясуда знал, что Саяма проживает под фамилией Сугавара, он мог попросить свою спутницу позвонить и вызвать Сугавару-сана. Так что вполне допустимо, что звонила не О-

Токи.

Если дальше развивать эту мысль, то можно предположить, что Саяма целую неделю ждал вестей от этой таинственной дамы. Тогда становится понятным, почему О-Токи не доехала до Хакаты, а сошла в Атами или в Сидзуоке, как Вы считаете. То есть, я хочу сказать, что роль О-Токи заключалась в том, чтобы сопровождать Саяму в поезде от Токио до какой-нибудь определенной станции.

Если принять это предположение за истину, тогда ясна роль очевидцев отъезда Саямы и О-Токи. Ясуде нужно было показать посторонним людям, что эти двое уехали вместе. Повторяю, это лишь мои рассуждения, не основанные ни на каких определенных фактах.

Но если эти рассуждения правильны, возникает вопрос: где была О-Токи, сошедшая в Атами или в Сидзуоке? Где была и что делала до 20 января, когда вместе с Саямой покончила самоубийством на Касийском взморье? Если удастся это установить, наша версия обретет более четкие контуры. Мне кажется, что счет вагона-ресторана с пометой кой "обслужен один человек", найденный в кармане Саямы, служит достаточным доказательством того, что О-Токи сошла, не доезжая Хакаты. Об этом я уже имел удовольствие говорить Вам лично. Если принять присутствие Ясуды на месте самоубийства 20 января за непреложную истину, то исключается возможность его прибытия в Саппоро 21 января на экспрессе "Маримо". А если, как Вы пишете, нет никаких данных, что он воспользовался самолетом, то, очевидно, чего-то мы тут недоучили. Ну, скажем, так же, как в том моем случае с ватной безрукавкой. Очень, очень Вас прошу, будьте настойчивы, проверьте еще раз все факты, которые на первый взгляд кажутся неопровержимыми.

Простите за это длинное, бестолковое письмо. Уж очень я обрадовался, получив от Вас весточку. Да, вся моя писанина очень смахивает на стариковское ворчание. Что ж поделать, я старая рабочая лошадь, вот и лезет всякая чепуха в голову, даже совестно стало. Не сердитесь на меня за это, сделайте скидку на мой возраст.

Если что-либо еще заинтересует Вас в префектуре Фукуока, рад служить по мере моих сил.

От души желаю, чтобы Ваши старания увенчались успехом. Когда Вы закончите это дело, буду бесконечно рад, если надумаете погостить у нас на Кюсю.

С искренним уважением Ваш Дзютаро Ториган.

Михара окончательно замотался. Снова перед ним была глухая стена. Она не поддавалась его ударам, разрушить ее он не мог.

Сунув в карман письмо Торигаи, он вышел из департамента полиции и пошел в свой любимый кафетерий выпить кофе.

Время было послеобеденное, в зале было много народу. Ни одного свободного столика. Знакомая официантка отыскала место и провела Михару. За столиком сидела девушка и пила чай. Только здесь и было свободное место. Михаре стало неловко. Он пристроился на краешке стула и стал пить кофе без всякого удовольствия. Сам чувствовал, какое у него несчастное лицо.

Конечно, письмо Торигаи вселило в него некоторую бодрость. Но уверенности еще не было. В письме содержались лишь намеки.

Да, действительно, догадка о существовании таинственной дамы очень интересна. Если бы это было так, то 20 января на станциях Касии и Западный Касии проходили две разные пары. Но, как говорит сам Торигаи, никакими фактами это пока не подтверждается. Ведь очень может быть, что эти две пары просто случайно сошли на разных станциях примерно в одно и то же время и не имеют никакого отношения друг к другу. А может быть, это одни и те же мужчина и женщина. Ведь их видели разные люди в разных местах. Обе станции находятся близко друг от друга, они вполне могли успеть дойти. Сам Торигаи проверил такую возможность.

Михара почти уже не сомневался, что Ясуда присутствовал на месте самоубийства и даже сыграл в нем какую-то роль. Но еще и дама... Это кажется слишком уж фантастическим. Михара считал, что вдвоем при таких обстоятельствах действовать труднее.

И все-таки допустимо предположение Торигаи, что Саяме звонила не О-Токи, а некая неизвестная женщина. Версия, правда, очень зыбкая, построенная только на показаниях людей, видевших на разных станциях две похожие пары.

Михару больше заинтересовало предположение Торигаи, что Ясуде понадобились очевидцы на Токийском вокзале для подтверждения близости Саямы и О-Токи. Зачем это подтверждать? Да потому, что между ними не было никакой близости. Они не были любовниками. Вот что получается. Именно поэтому Ясуда показал нейтральным лицам, как Саяма и О-Токи вместе сели в поезд. Вот выходит, что они похожи на любовников, отправляющихся в путешествие. Но... ведь эти двое действительно вместе покончили с собой поговору, как влюбленные. Здесь нет никаких сомнений. Вот и начинаются противоречия. Зачем людям умирать вместе, если между ними нет близких отношений? Снова всплывала фигура Ясуды.

Конечно, есть и другая неясность – почему О-Токи сошла в Атами или в Сидзуоке. Но это еще не установлено. Это предположение Торигаи, основанное на том, что счет вагона-ресторана был выписан на одно лицо. Конечно, суждение Торигаи очень интересно с точки зрения психологии влюбленных, но фактических данных здесь тоже нет. Все остается в пределах домысла. Чутье у старого сыщика острое, но в этом и его слабость. Предлагает проверить, что делала О-Токи в Атами или в Сидзуоке, но ведь теперь установить это очень трудно, а скорее всего вообще невозможно.

Михара пил кофе, а с его лица не сходило выражение горького раздумья.

Вдруг он почувствовал, что рядом кто-то стоит. К девушке за столиком подошел молодой человек и опустил на соседний стул.

– Прости, опоздал, – сказал он.

Девушка, до сих пор такая скучная, сразу просияла.

– Что ты возьмешь? – спросила она оживленно, заглядывая молодому человеку в лицо.

– Кофе, пожалуйста, – сказал он официантке. Потом улыбнулся девушке. Долго ждала?

– Почти сорок минут. Уже и кофе пила и чай.

– Ну, извини меня, пожалуйста! Автобуса все не было и не было. Вообще на этой линии автобусы ходят нерегулярно, вечно я мучаюсь. Иногда на целых двадцать минут опаздывают.

– Ну, что ж поделать, если автобус виноват! – сказала девушка. Ее голос звучал радостно.

Она взглянула на ручные часы.

– Мы уже опоздали к началу. Скорее пей кофе и пойдем.

Михара рассеянно слушал этот разговор. Самый обычный разговор между девушкой и парнем. Пока Михара закуривал сигарету, парень выпил только один глоток кофе, и они ушли.

Михара облегченно вздохнул и уселся поудобнее. Их чашки остались на столе. Одна почти полная.

"...Автобусы нерегулярно ходят... Видно, этот парень живет в пригороде, подумал Михара. – Парень... автобус... Что за чушь?.."

Однако это дало новый толчок его мыслям.

Ясуда в телеграмме просил Каваниси ждать его в зале ожидания вокзала, а не встретить у поезда. Ну конечно, Ясуда учел, что самолет может опоздать из-за погоды.

Михара застыл и уставился невидящим взглядом на картину, висевшую на стене.

Для Ясуды было бы гораздо удобнее, чтобы Каваниси встретил его на платформе у поезда. Ведь он прибыл, как и рассчитывал, на экспрессе "Маримо". Но он этого не сделал, зная, что самолеты иногда опаздывают. А если бы самолет опоздал, то и он бы не успел проделать весь этот номер с поездкой в Отару и обратно в Саппоро. Если бы Каваниси встречал его на платформе, он стал бы свидетелем того, что Ясуда не приехал на экспрессе "Маримо". Значит, дальновидный Ясуда учел даже такие непредвиденные случайности, поэтому и просил в телеграмме, чтобы его встретили в зале ожидания.

Глаза Михары заблестели от радости. "Молодец!" – похвалил он сам себя.

Получается, что Ясуда этой своей комбинацией сам доказал, что летел на самолете.

Михара вышел на улицу возбужденный. Солнце сияло нестерпимо ярко.

Интересно, откуда Ясуда отправил эту телеграмму?..

Первым долгом необходимо выяснить факты, связанные с поездкой на Хоккайдо. Во всем так и чувствовалось, что Ясуда принял все меры на случай проверки. Сюда же относится и встреча в поезде с чиновником губернаторства Хоккайдо. Но главный козырь – Каваниси, зал ожидания на вокзале в Саппоро.

Каваниси сказал, что никаких срочных дел не было, встреча могла состояться и на следующий день. Итак, откуда отправлена эта телеграмма? К сожалению, Каваниси выбросил ее, не обратив внимания, откуда она отправлена.

Утром 21 января Ясуда вылетел из Фукуоки. Не оттуда ли он ее послал? Нет, такой осторожный тип, как Ясуда, не станет этого делать. Скорее всего телеграфировал из Токио. До самолета на Саппоро в его распоряжении был целый час.

Впрочем, нет, получается бессмыслица. Ведь в аэропорте он уже знал, что самолет вылетает точно по расписанию, значит можно успеть попасть на экспресс "Маримо". Просьба встречать его в зале ожидания теряет смысл. Ведь гораздо целесообразнее, чтобы Каваниси видел его сходящим с поезда.

Михара достал записную книжку и просмотрел свою запись, сделанную со слов Каваниси: "Эта телеграмма, по-моему, была простая, не "молния", и получил я ее около 11 часов 21 января".

Если получил в одиннадцать... Телеграмма из Токио до Саппоро доходит вместе с доставкой за два часа. Значит, отправил в 9 часов утра 21 января.

Но в это время Ясуда находился в самолете. Пролетал где-нибудь над префектурами Хиросима или Окаяма. Очевидно, кто-то другой отправил телеграмму из Токио.

А если все-таки он послал ее из Фукуоки? Из Фукуоки до Саппоро телеграмма тоже идет примерно два часа. Если Ясуда отправил телеграмму из Фукуокского аэропорта Итацуки до восьми часов, то Каваниси мог получить ее около одиннадцати. По времени совпадает.

Неужели он поступил так неосторожно? Ведь место отправки телеграммы сразу могло вызвать подозрение. На всякий случай Михара все же решил запросить управление полиции Фукуоки, пусть проверят.

Вернувшись в департамент, Михара поделился своим планом с Касаи.

– Что ж, хорошая мысль, – сказал инспектор, улыбаясь только глазами, теперь мы знаем, почему Ясуда просил Каваниси ждать его в зале вокзала.

Пошлем в Фукуоку запрос относительно телеграммы. С другой стороны, кто-то ведь мог телеграфировать из Токио по поручению Ясуды.

– Да, – Михара кивнул, – я как раз хотел об этом сказать. Надо проверить все телеграфы столицы.

– Что ж, давай! – начальник отпил чай и засмеялся. – Я смотрю, ты куда-то ходишь пить кофе и каждый раз приносишь интересные идеи.

– Вот именно! Видно, тамошний кофе хорошо на меня действует, – весело ответил Михара. Он вдруг почувствовал необыкновенную легкость.

– Все это так... Но есть одно "но". Допустим, мы узнаем, что телеграмма отправлена из Токио. Это ведь ничему не поможет. Вот если ее отправили из Фукуоки, тогда другое дело. Это уж прямая улика в том, что в то утро Ясуда находился в Фукуоке. Это было бы отлично, но...

– Нет, – перебил его Михара, – если телеграмма отправлена из Токио, это тоже интересно. Ведь отправили ее часов в девять, а в это время Ясуда не мог быть в Токио. Вот и хотелось бы узнать, кто отправил телеграмму.

– Может быть, служащий фирмы.

– Нет, не думаю.

– Почему?

– Ведь, по всей вероятности, Ясуда ушел из своей конторы часа в два двадцатого числа и сказал, что отправляется в Саппоро. Было бы странно, если бы он попросил отправить телеграмму на следующий день да еще указал бы время – около девяти утра. Ясуда ведь тщательно взвешивает и продумывает все мелочи. К тому же он, очевидно, предполагал, что его действия могут быть проверены.

Через несколько дней сыщики доложили, что в указанный день ни один телеграф столицы не принял к отправке телеграммы такого содержания.

Ответ фукуокского управления полиции был аналогичным.

Михара терялся в догадках.

Не могли же Каваниси доставить телеграмму, которая вообще не была отправлена! Откуда же Ясуда ее отправил?

– А внешность... Он был, если не ошибаюсь, худой, высокий...

– Худой?! Простите, именно худой, а не полный? – переспросил Михара, чувствуя, как его охватывает радость.

– Нет, нет, только не полный. Именно худой! – казалось, проводник постепенно припоминает. – Да, и потом они ехал" вдвоем.

– Вдвоем?

– Да-да. Я еще тогда проверял билеты. И этот худой подал мне два билета.

Второй производил впечатление большого начальника. Держался довольно высокомерно. А худой так лебезил перед ним!

– Так. Значит, отправить телеграмму вам поручил этот... похожий на подчиненного?

– Да.

Теперь известно, кто дал телеграмму по поручению Ясуды. Большой начальник – это скорее всего заведующий сектором Исида. Его сопровождал какой-нибудь делопроизводитель, который и попросил проводника отправить телеграмму.

До сих пор Михара думал, что Исида ездил в командировку на Хоккайдо один.

А ведь вполне естественно, что чиновника такого ранга сопровождает какой-нибудь подчиненный, ну, хотя бы делопроизводитель.

Михара отправился в министерство N и негласно проверил, кто сопровождал Исиду во время его командировки на Хоккайдо, начавшейся 20 января.

Действительно, сопровождающий был. Его звали Китаро Сасаки. Знакомая фамилия. Ведь это он по поручению Исиды приходил к инспектору Касаи и подтвердил, что Ясуда вместе с его начальником ехал на Хоккайдо в экспрессе "Маримо".

А на самом деле Ясуда на следующий день вылетел в Саппоро.

Михара еще раз проверил бланки пассажиров всех пароходов за 20 января.

Нашел и фамилию Ясуды и фамилию Исиды, но Китаро Сасаки там не было. Все ясно – он зарегистрировался как Тацуо Ясуда!

Стена рушилась. На этот раз Михара одержал победу.

Оставалось узнать, откуда взялся на бланке почерк Ясуды. Но теперь это уже не составляло труда проверить.

Господин Торнгаи!

Вот и наступили жаркие дни. Солнце палит так, что кажется, асфальт плавится под ботинками. Какое удовольствие, придя домой со службы, облиться холодной водой и выпить ледяного пива! Эх, сюда бы свежий ветер с пролива Генкайнада! Помните, он дул, когда мы с Вами были на Касинском взморье?

Давно уже у меня на душе не было так спокойно, как сейчас, когда я пишу Вам это письмо. Мы познакомились с Вами в феврале этого года. Прошло семь месяцев с тех пор, как я слушал Ваш рассказ на взморье, дрожа под пронизывающим ветром. Сейчас мне кажется, что время пролетело очень быстро, но это уже сейчас, а пока шло расследование, оно тянулось невозможно долго.

Я не знал ни одного дня отдыха. Зато сейчас на душе покой, словно в тихий солнечный день ранней осени. Наверно, потому, что дело закончилось. Чем труднее дело, тем слаще потом будет отдых. Простите, говорить такие вещи Вам, моему коллеге, который гораздо старше и опытнее, все равно что читать проповедь Будде. Но именно чувство удовлетворения заставило меня снова вернуться к этому делу. Кроме того, это мой долг перед Вами. И моя радость.

Как-то я писал, что камнем преткновения была поездка Тацуо Ясуды на Хоккайдо. Вы тогда прислали мне доброе письмо, в котором поддерживали меня и подбадривали, большое Вам спасибо. Не могу даже передать, как Ваше письмо тогда подняло мое настроение.

Разбилось вдребезги несокрушимое, прочное, как сталь, утверждение Ясуды, будто бы он 20 января выехал с вокзала Уэно экспрессом "Товада", пересел в Аомори на пароход № 17, доехал до Хакодате и оттуда на экспрессе "Маримо" 21 января в 20 часов 34 минуты прибыл в Саппоро. Передо мной, словно несокрушимые крепостные стены, способные выдержать все удары, стояли встреча Ясуды в экспрессе "Маримо" с чиновником губернаторства Хоккайдо, его свидание в зале ожидания Саппорского вокзала с Каваниси и пароходный бланк, заполненный его рукой. Особую трудность представлял пароходный бланк. Все как будто подтверждало истинность слов Ясуды. И ни одного факта, подтверждающего мою версию, что он воспользовался самолетом. В списках пассажиров трех рейсов, Токио – Фукуока, Фукуока – Токио и Токио – Саппоро, не только не удалось обнаружить имени Ясуды, но даже предположение, что он записал вымышленное имя, отпало: проверка показала, что все 143 пассажира существуют в действительности и на самом деле летели этими самолетами. В конце концов не мог же Ясуда превратиться в невидимку! Вот и получалось, что обвинить его невозможно.

Иными словами, все факты полностью подтверждали поездку Ясуды на поезде и полностью отрицали самолет.

Но мне казалось подозрительным, почему он назначил Каваниси встречу в зале ожидания вокзала, и я решил, что он опасался опоздания самолета из-за погоды. Ведь если часть пути он летел на самолете, он мог успеть на поезд, идущий из Саппоро в сторону Отару, а в Отару выйти и пересесть на экспресс "Маримо". Проверил, откуда была отправлена телеграмма. Оказалось, что пассажир попросил проводника отправить телеграмму на станции Асамуси (последняя остановка перед Аомори). Проводник запомнил внешность этого человека и его спутника. Удалось установить, что телеграмму ему передал некий Сасаки, секретарь отдела министерства N. сопровождавший своего начальника, заведующего сектором того же министерства Есио Исиду.

Так все и выяснилось. Когда я еще раз проверил пароходные бланки, то снова нашел там

фамилии Исиды и Ясуды. Китаро Сасаки там не было, он зарегистрировался как Тацуо Ясуда. Мы допустили большую оплошность, не сообразив сразу, что Исида ехал в командировку с сопровождающим.

Что же касается почерка, то позже удалось установить, что Ясуда приготовил бланк еще за полмесяца до этого..

Получить чистый бланк очень просто. Они лежат у окошка паровой кассы на пристани, их можно взять сколько угодно. Один из подчиненных Иисиды ездил раньше в командировку и по его просьбе привез ему чистый бланк, который тот и передал Ясуде. Дальше я объясню отношения Иисиды и Ясуды. А мы-то ломали голову, как попала на бланк собственноручная подпись Ясуды!

Так была опровергнута версия Ясуды относительно поезда. Теперь оставался самолет. Я заметил, что тут все получается наоборот. Если в первом случае все факты, казалось, подтверждали поездку, то во втором – все отрицало ее.

Пришлось снова проверить всех ста сорока трех пассажиров трех рейсов. Мы разделили их по профессиям и выделили одну, нас интересующую. Таких набралось человек пять-шесть. Это были служащие фирм, тесно связанных с министерством N. Мы тщательно и строго опросили их всех, и, наконец, трое из них признались.

В списках значилось, что из Токио в Фукуоку летел господин А, из Фукуоки в Токио – господин Б, а из Токио в Саппоро – господин В. На самом деле они не летели в этих самолетах. Во время опроса они поняли, что в конце концов все выяснится, и признались. Оказывается, эти люди разрешили воспользоваться своими фамилиями по просьбе заведующего отделом Иисиды. Он предупредил каждого: "Человек едет в особо секретную командировку, поэтому, если полиция заинтересуется, обязательно подтвердите, что вы летели этими-самолетами.

Никаких неприятностей не будет".

Тогда было в самом разгаре расследование дела о взяточничестве. И все трое подумали, что командировка для того и предпринимается, чтобы замять это дело. Конечно, они согласились – ведь интересы их фирм тесно переплелись с интересами министерства. Действительно, после этого случая все три фирмы с помощью Иисиды заключили договоры о поставках на очень выгодных для себя условиях.

Итак, Тацуо Ясуда летел на самолетах в направлениях Токио – Фукуока, Фукуока – Токио, Токио – Саппоро под фамилиями господ А, Б и В. Он воспользовался тремя разными фамилиями, потому что три одинаковые сразу могли бы навести на подозрения. Ясуда предусмотрел все, предполагая возможность расследования.

Таким образом, нам удалось доказать, что он все-таки ездил в Хакату.

Оставался один вопрос: две официантки "Коюки" видели отъезд Кэнити Саямы и О-Токи на экспрессе "Асакадзэ".

Зачем Ясуде понадобились эти очевидцы?

Мы не имели никаких данных, подтверждающих близость О-Токи и Саямы.

О-Токи была умной женщиной и умела скрывать свои связи. Если официантки "Коюки" и подозревали, что у нее есть любовник, то, кто он, никто не знал. В доме, где она снимала комнату, тоже сказали, что ей иногда звонил мужчина, но он никогда к ней не приходил. Следовательно, О-Токи, по-видимому, тщательно скрывала, кто ее любовник. Ну, а после самоубийства на Касийском взморье все решили, что это Кэнити Саяма.

Однако во всем этом была одна странность.

Если между ними действительно существовала близость, зачем понадобилось Ясуде показывать это очевидцам? Хотел иметь свидетелей, что любовники сели в экспресс "Асакадзэ" и отправились на Кюсю?

Но почему именно экспресс "Асакадзэ"? Ведь на Кюсю идут десятки поездов.

А поскольку их нашли на Касийском взморье, то и не могло быть сомнений, что они отправились на Кюсю. Значит, причина не в этом.

Ясуда преследовал одну цель – он хотел показать очевидцам, что О-Токи и Саяма вместе садятся в поезд. Ради этого он и положил столько сил, и пригласил официанток обедать, и потащил их на вокзал. Ему были необходимы свидетели, что Саяма и О-Токи – любовники.

Странно. Зачем же доказывать очевидные вещи? Поразмыслив над этим, я пришел к противоположному выводу: Саяма и О-Токи не были любовниками. Именно поэтому Ясуда и хотел, чтобы кто-нибудь подтвердил их близость.

В связи с этим я вспомнил Ваше предположение, сделанное по поводу счета вагона-ресторана с надписью "обслужен один человек". Вы заподозрили, что Саяма прибыл в Хакату один. Разрешите еще раз выразить мое восхищение остротой Вашей мысли! Мне очень помог Ваш рассказ о возникшем у Вас подозрении и о психологии людей, любящих друг друга, которую Вам помогла понять Ваша уважаемая дочь. Как потом выяснилось, О-Токи действительно сошла на полпути, и Саяма приехал в Хакату один. Они не были любовниками, и между ними вообще не существовало никаких отношений.

Ясуда, постоянный клиент "Кююки", часто приглашал туда своих знакомых, связанных с ним по делам. Саяма в "Кююки" никогда не был, но, вероятно, знал О-Токи. Очевидно, они все троем где-то встречались, хотя никто об этом не подозревал. Поэтому Саяма и О-Токи, как хорошие знакомые, весело болтали, садясь в поезд. Действительно, со стороны могло показаться, что влюбленные отправляются путешествовать. Именно этого и добивался Ясуда. Поэтому он и подстроил, чтобы они оба поехали на одном и том же поезде – экспрессе "Асакадзэ". Видно, в его силах было заставить их это сделать.

Но тут у Ясуды возникло одно затруднение. Ему обязательно хотелось показать Саяму и О-Токи официанткам "Кююки". Нельзя же прямо подвести очевидцев к составу! Ведь очевидцы должны увидеть любовников случайно, все должно выглядеть совершенно естественно. С пятнадцатого пути отходят поезда дальнего следования; если прямо пойти туда, это будет шито белыми нитками.

Отъезжающих надо показать очевидцам с другой платформы. Разумнее всего использовать для этой цели платформу у тринадцатого пути, откуда идут электрички на Камакуру. Отлично, Ясуда едет к жене! Все естественно, у официанток не возникает никаких подозрений!

Однако здесь была еще одна трудность. Ведь с одной платформы трудно увидеть другую. Между ними всегда стоят составы. Об этом я уже писал Вам. И вот Ясуда обнаруживает, что есть такой момент, когда с платформы пригородных поездов можно увидеть пятнадцатый путь. В это время там стоит экспресс "Асакадзэ", отправляющийся на Кюсю. Его видно всего лишь в течение четырех минут, с 17.57 до 18.01. Драгоценные четыре минуты!

Поэтому он и выбирает "Асакадзэ", а не любой другой поезд направления на Кюсю. Ясуда был гениален в своей находке этих самых четырех минут, создавших впечатление случайности. Даже среди служащих Токийского вокзала, пожалуй, не найдется ни одного, кто знает об этих четырех минутах.

Таким образом, я пришел к выводу, что поездка Саямы и О-Токи была подстроена Ясудой.

Но тут существовало одно совсем уже невероятное обстоятельство – почему эти двое через шесть дней вместе, как влюбленные, покончили жизнь самоубийством на Касийском взморье. Ведь они оба приняли цианистый калий. Лежали рядом, совсем близко, почти обнявшись. Не вызывало сомнений, что это самоубийство влюбленных, самоубийство по сговору. Это подтверждали материалы следствия, описание места происшествия, фотографии.

Непонятно. Как же это произошло, если они не были любовниками?! Даже если предположить, что Ясуда приказал им покончить счеты с жизнью, вряд ли найдутся такие дураки, которые по чьему-то приказанию согласятся играть роль влюбленных с таким трагическим финалом. Очевидно, они все-таки были настолько близки, что решили вместе умереть. Получалось неразрешимое противоречие.

В то же время, если их поездка подстроена Ясудой, то самоубийство становится сомнительным. Однако невозможно отрицать самоубийство, оно доказано. Вот и ломай тут голову.

И все же, если они поехали по указанию Ясуды, то во всем случившемся незримо присутствовала его рука. Я никак не мог отделаться от этого настойчивого, хотя и смутного, чувства. Даже тогда, когда я ездил в поездку на Хоккайдо, мне казалось, что я вижу тень Ясуды на Касийском побережье. Не знаю, что он делал. Нельзя же предположить, что он загипнотизировал обоих и заставил покончить самоубийством. А люди в здравом рассудке, которые не влюблены друг в друга, которые не любовники, не станут умирать, как любовники. И все же я упрямо ухватился за нить – Ясуда был на месте происшествия – и потянул ее.

К счастью, удалось опровергнуть версию Ясуды о поездке на Хоккайдо. Было доказано, что он 20 января в 19.20 прибыл самолетом в Фукуоку, следовательно, мог находиться на Касийском взморье в момент самоубийства Саямы и О-Токи. Но как только я пытался связать поездку Ясуды с самоубийством, передо мной снова вырастала несокрушимая стена.

В таком мучительном состоянии я однажды пошел в кафетерий. Я очень люблю кофе. Даже мой начальник подтрунивает надо мной по этому поводу. Я всегда хожу в кафетерий на улице Юракуте, но на этот раз лил сильный дождь, и я зашел в ближайшее кафе.

В этом кафе зал находится на втором этаже. В подъезде я столкнулся с девушкой и, естественно, пропустил ее вперед. Она была в ярком дождевике.

Отдала зонтик в гардероб под лестницей. Вслед за ней протянул зонтик и я.

Гардеробщица, видно, решила, что мы вместе, связала наши зонтики и протянула один номерок. Девушка слегка покраснела, а я поспешно сказал:

– Нет-нет, мы не вместе!

Гардеробщица извинилась, развязала зонтики и дала второй номерок.

Очевидно, Вы думаете, что я отвлекся, вспомнив лестную для меня ошибку гардеробщицы. Но этот случай дал толчок моим мыслям. Когда я поднимался по лестнице на второй этаж и потом некоторое время сидел над чашкой кофе, не дотрагиваясь до нее, у меня зародилось новое подозрение.

Гардеробщица приняла нас за парочку только потому, что мы вошли вместе.

Что ж, вполне естественно. Наверно, каждый бы так подумал. Она ведь ничего про нас не знала, только увидела, что мы вместе вошли, стоим рядом, и быстро сделала свои выводы. Вот это мне и послужило намеком!

Все мы, простите, и работники Вашего управления полиции, и Вы в том числе, и я пришли к выводу, что Саяма и О-Токи покончили самоубийством по взаимному соглашению, как любовники, только потому, что их тела обнаружили рядом. Но я вдруг понял, что они умерли в разных местах. Уже после их смерти трупы положили рядом. По-видимому, кто-то дал Саяме цианистый калий, и он умер. О-Токи тоже дали цианистый калий. А потом уже положили рядом

их тела.

Саяма и О-Токи – это два разных пункта одного и того же дела. А мы связали их одной нитью только лишь потому, что обнаружили рядом их тела. В то же время такой вывод напрашивался сам собой. Ведь это старая традиция влюбленные, которые не могут соединиться, вместе по сговору, по взаимному согласию уходят из жизни. С древних времен в Японии находят десятки, сотни трупов влюбленных самоубийц. И всегда они лежат рядом, так, как лежали О-Токи и Саяма. И это ни у кого не вызывает сомнения. А когда выясняется, что имеет место самоубийство по сговору, осмотр трупов и вскрытие проводятся не так тщательно. Ведь все ясно. И нет никаких мотивов для возбуждения дела.

Вот на это и рассчитывал Ясуда.

Я запомнил Ваши слова, что люди часто проходят мимо фактов, которые кажутся само собой разумеющимися. Очень правильные слова. Мертвые мужчина и женщина лежат рядом. Само собой разумеется, это самоубийство влюбленных. У нас давно сложилось такое предвзятое мнение. Именно этим и воспользовался преступник.

Он знает, что ему удастся провести полицию. Но все-таки он неспокоен.

Ведь между Саямой и О-Токи не существует никакой любовной связи.

Следовательно, надо постараться доказать обратное. Требуются свидетели их близких отношений. Для этого он показывает мнимых любовников двум официанткам. Они видят, как Саяма и О-Токи идут по перрону, дружно беседуя, вместе садятся в поезд. Вот вам и подтверждение их близости. Сердце преступника в постоянной тревоге – не упустил ли он чего-нибудь?.. И Ясуда тщательно все продумывает, все взвешивает. Обнаруживает возможность создания "четырёхминутных очевидцев".

Да, кстати, это преступление от начала до конца построено на расписании поездов и самолетов. Просто утопаешь в железнодорожных линиях, в точках отправления и прибытия, в цифрах. Что ж, Ясуда отлично изучил все расписания. Это сразу чувствуется. И начинает казаться, что план разработал человек, который долгое время постоянно испытывал особый интерес к расписаниям.

Как умерли Саяма и О-Токи, расскажу после.

А сейчас продолжу свою мысль. Перед моими глазами возникает отчетливый образ одной женщины. Она питает особое пристрастие к расписаниям движения транспорта. Даже опубликовала в одном журнале очерк на эту тему. Очерк полон лиризма. Очевидно, такая сухая и скучная вещь, как расписание, в которое без особой нужды никто и не заглядывает, для автора интересней любого романа.

Для этой женщины из однообразных колонок цифр рождается поэзия путешествий и возникают бесконечные образы. Она уже давно больна туберкулезом, лежит в постели, и для нее расписание стало своеобразным спутником жизни, как библия для христианина, и увлекательным чтением, как книги древних классиков. Ее зовут Реко. Она живет и лечится в Камакуре. Эта женщина – жена Тацуо Ясуды.

Говорят, что у людей, страдающих легкими, ум становится болезненно обостренным. Вот и мне показалось, что Реко Ясуда постоянно что-то обдумывает. Вернее даже, рассчитывает, сплетая и расплетая в своем воображении бесконечные сочетания цифр, словно составляя некий график, где невидимые линии скрещиваются в невидимых точках.

И я подумал, что, может быть, разработка всего этого тонкого плана принадлежит не Ясуде, а Реко.

Вспомнились две пары, которые видели на станциях Касели и Западный Касии.

Одна пара, разумеется, Саяма и О-Токи. А вторая... Что, если это Ясуда и его жена Реко?.. Такой ход мысли вполне допустим. Правда, потом оказалось, что здесь я немного ошибся.

В своем письме Вы упоминали таинственную даму, сопровождавшую Ясуду, и высказывали предположение, что, очевидно, ему понадобился какой-то сообщник, человек абсолютно верный, без которого задуманная операция была бы неосуществима. Тогда я полностью согласился с Вами. Когда мне пришла в голову мысль, что эта загадочная незнакомка – жена Ясуды, я решил разузнать о ней поподробнее.

Она больна и почти все время проводит в постели. Пусть она разработала план, но могла ли она принять участие в его осуществлении? Иными словами, у меня возникло сомнение, под силу ли ей была поездка на Кюсю.

Я отправился в Камакуру и побеседовал с ее лечащим врачом. Он сказал, что Реко выходит на улицу, а иногда даже ездит к родственникам в Югавару. Я попытался узнать, что она делала в двадцатых числах января. Выяснилось, что с 19 по 21 января ее не было в Камакуре. Установить это мне помогла запись в ее истории болезни. Врач посещает Реко два раза в неделю. Один такой визит был датирован 22 января. В тот день у Реко повысилась температура, и врач расспросил пациентку о ее самочувствии накануне. Она ответила, что с 19 числа гостила у родственников в Югаваре и вернулась только сегодня утром и устала от дороги.

Я страшно обрадовался. Действительно, если выехать вечером 19-го, то 20-го утром будешь в Хакате. Значит, она вполне могла успеть на место самоубийства к вечеру того же дня. Очевидно, она обманула врача и была не в Югаваре, а на Кюсю.

Реко договорилась с шофером, чтобы он довез ее до Югавары. Но когда они доехали до Югавары, она попросила отвезти ее дальше, в Атами. Шофер показал, что доставил ее до гостиницы "Кайфусо" в Атами и вернулся в Камакуру.

Я подпрыгнул от радости. Тут же помчался в Атами, прямо в "Кайфусо".

Выяснилось следующее.

Реко Ясуда попросила провести ее к женщине, остановившейся в номере "Клен"^[13]. Эта женщина прибыла в гостиницу 14 января в девятом часу вечера и жила уже пять дней. По возрасту и описанию внешности я узнал О-Токи. В книге постояльцев, разумеется, значилась вымышленная фамилия. Там было написано Юкико Сугавара. Если вы помните, Саяма тоже зарегистрировался как Сугавара.

И жена Ясуды сразу попросила провести ее к Сугавара-сан. Следовательно, между Саямой, О-Токи и Реко существовала предварительная договоренность.

Вернее, все было так подстроено по плану Реко. Обе женщины поужинали в номере и около 9 часов вечера покинули гостиницу. По счету уплатила Реко.

О-Токи прибыла в гостиницу 14 января, в начале девятого. Конечно, она приехала на "Асакадзэ", ведь этот экспресс останавливается в Атами в 19.58.

Следовательно, до Атами она доехала вместе с Саямой, а потом сошла с поезда.

Таким образом, Ваше предположение, построенное на основании счета вагона-ресторана, подтвердилось.

Итак, 19 января около десяти вечера две женщины покинули гостиницу. Если заглянуть в расписание, то выяснится, что в 22.25 из Атами на Хакату уходит экспресс "Цукуси". В Хакату он прибывает на следующий день в 19.45.

Все точно совпадает. Ведь Саяме в гостиницу "Танбая" женщина позвонила около восьми вечера. Значит, сойдя с поезда, они тут же вызвали Саяму.

Это было легко выяснить. А дальше опять возникли затруднения. Кто звонил Саяме – О-Токи или Реко? Разумеется, сначала все мы думали, что О-Токи. Но тогда концы не сходятся. Ведь между Саямой и О-Токи не существовало никаких отношений, вряд ли он бы стал ее слушаться. И с другой стороны, он почти неделю ждал телефонного звонка, вряд ли от О-Токи. Очевидно, звонила Реко.

Ведь Реко жена Ясуды, следовательно, она могла заменить его. Иными словами, Саяма ждал прибытия Ясуды.. И если Реко сказала, что звонит по его поручению, Саяма должен был сразу же отправиться, куда укажут.

Очевидно, Реко завела разговор на волнующую его тему. Она заманила его на Касийское взморье, наверно, сказала, что необходимо соблюдать строжайшую тайну, вот и нужно пойти в безлюдное место. Разумеется, Касийское взморье было намечено заранее.

Саяму в то время больше всего волновало расследование .ела о взяточничестве. Ведь через руки помощника начальника отдела проходили все дела, и следствие вот-вот должно было до него добраться. Очевидно, Исида устроил Саяме отпуск", чтобы тот скрылся в Хакате. Теперь выяснилось, что Исида был главной фигурой в деле о взяточничестве. Если бы Саяму арестовали, то он сам попал бы под удар. Вот он и уговорил Саяму на время исчезнуть. Он и распорядился относительно его отъезда на экспрессе "Асакадзэ" 14 января.

Исида приказал Саяме ждать его дальнейших распоряжений, которые ему передаст Ясуда.

Приказанию шефа Саяма подчинился с готовностью.

Добросовестный Саяма просто боялся, что его показания повредят начальству, которое ему

покровительствует. Среди мелких чиновников часто встречаются люди такого типа. Случается, что подобные им, чтобы выгородить начальство, даже кончают жизнь самоубийством. Преступник и имел в виду такую вероятность.

Наверно, Исидасказал Саяме, что, мол, пока Ясуда будет стараться замять дело, ты посиди в Хакате. Вот Саяма и ждал с нетерпением, когда тот появится. Вместо Ясуды по его поручению приехала Реко. Конечно, Саяма бывал в их доме в Камакуре и хорошо знал жену Ясуды. Я даже думаю, Ясуда специально его пригласил, чтобы познакомить с Реко.

Итак, Реко и Саяма вместе приехали из Хакаты на станцию Касии и направились на взморье. Они шли и не знали, что за ними следуют Ясуда и О-Токи. То есть не знал один Саяма. Реко сказала ему, что все складывается хорошо и он может успокоиться. Саяма повеселел. С моря дул холодный ветер.

"Согрейтесь", – предложила женщина и протянула ему фляжку с виски. Саяма всегда был не прочь выпить. Ничего не подозревая, он отхлебнул глоток и тут же рухнул на землю. В виски был цианистый калий. Бутылку с остатками фруктового сока, содержавшего цианистый калий, подбросила Реко, чтобы толкнуть следствие на ложный путь.

На небольшом расстоянии за ними следовали Ясуда и О-Токи. Ясуда только что прилетел, в 19.20, и, очевидно, где-то встретился с О-Токи. Наверное, они заранее условились о месте встречи. Скорее всего девушке сообщила об этом Реко. Ясуда вел О-Токи по берегу моря. Она огляделась вокруг и сказала:

"Какое, однако, унылое место". Эту фразу слышал прохожий.

Тоскливое, безлюдное взморье. Непроглядная ночь, и две черные тени...

О-Токи немножко страшно. Ясуда подбадривает ее: "Сделай глоточек виски..." И она тоже падает. А потом Ясуда поднимает на руки бездыханное тело О-Токи, несет во тьму и кладет рядом с телом Саямы. Во мраке маячит фигура Реко.

О-Токи убили неподалеку, на расстоянии 20 – 30 метров от места первого преступления. Разумеется, она ничего не видела. Вокруг была черная ночь.

Когда Ясуда убедился, что О-Токи мертва, он, наверно, громко позвал:

"Э-э-эй, Реко-о!" Из мрака раздался ответный крик: "Я здесь! Сюда!" И Ясуда, подхватив на руки труп О-Токи, пошел на голос жены. У ее ног лежал бездыханный Саяма. До чего же жуткая картина!

Теперь остановимся на рельефе местности. Вы показали мне Касийское взморье. Скалистый берег, сплошной камень. Никаких следов не останется, если даже тащить тяжелую ношу. По-видимому, Ясуда не раз бывал в этих местах и заранее решил совершить убийство на побережье Касии.

Идея инсценировать самоубийство принадлежала обоим супругам Ясуда. Реко не только разработала план, но и половину операции взяла на себя. О-Токи слепо повиновалась Ясуде и его жене.

Вызывают недоумение отношения О-Токи с супругами Ясуда. Однако из вышеизложенного вполне можно допустить, что между ней и Тацуо Ясудой была давнишняя близость. Эта связь хранилась в глубокой тайне, и никому из посторонних не была известна. Они познакомились в ресторане "Коюки". Ведь О-Токи была "дежурной" официанткой Ясуды. Он и был тем человеком, который иногда звонил ей и с которым она где-то проводила ночи.

Самое удивительное – это поведение Реко. Как могла она поддерживать хорошие отношения с О-Токи, любовницей мужа, следовательно, своим врагом?! А ведь она была у нее в гостинице, ехала с ней вместе в поезде.

Я догадался, что Реко все известно, вспомнив, что она платила за О-Токи в гостинице. И не только известно, очевидно, она ежемесячно своими собственными руками посылала пособие О-

Токи. Вероятно, тяжелобольной Реко запретили близость с мужем. Итак, О-Токи была официальной любовницей Ясуды.

Какие дикие отношения! Нам такое и представить трудно. Правда, в старину, в эпоху феодализма, подобные отношения считались нормальными.

Очень может быть, что сначала Ясуда с женой собирались убить одного Саяму, тоже инсценировав самоубийство. Однако это было опасно. Ведь не останется никакой записки. Кто поверит, что это самоубийство? И вот появилась идея – самоубийство влюбленных по сговору. В таких случаях обычно расследования как такового и не производится. Медицинская экспертиза тоже бывает довольно поверхностной. И как правило, не возбуждается никакого дела.

Бедная О-Токи! Ей выпала роль партнерши в этой кровавой драме.

Очевидно, у Ясуды не было особого чувства к О-Токи. А найти другую любовницу не составляло труда. Реко рассматривала О-Токи как некий неодушевленный инструмент в руках мужа, а заодно сделала ее и необходимым инструментом в задуманной операции. Разумеется, в глубине души она питала неприязнь к О-Токи. Страшная женщина! Не только острый и холодный ум, но и сердце холодное, как лед. Она привела в порядок платье мертвой О-Токи, надела на ее ноги чистые таби, чтобы не было заметно, что труп ее волокли по земле. Все продумала до конца.

В эту ночь супруги заночевали в Хакате, утром Ясуда вылетел в Токио, а Реко на поезде вернулась в Камакуру.

Ясуда не поехал в Хакату сразу вслед за Саямой и О-Токи. Это было опасно.

Он оставался в Токио еще целых шесть дней и почти каждый вечер появлялся в "Кююки". С непроницаемым видом выслушивал сплетни официанток об О-Токи, которая отправилась путешествовать с любовником. Он принял все меры, чтобы создать впечатление, будто не имеет никакого отношения к этой парочке.

Поэтому он и заставил О-Токи прожить пять дней в Атами.

Таким образом, Ясуда убил Саяму по поручению своего покровителя, заведующего отделом Исида. Для сохранения его благополучия. После этого вздохнул с облегчением не один только Исида. Успокоились и другие начальники Саямы. А Ясуда тем самым облагодетельствовал Исиду и сделал этого крупного чиновника своим вечным должником.

Отношения Ясуды и Исида были гораздо глубже, чем предполагали посторонние. Ясуда, очевидно, мертвой хваткой вцепился в горло заведующего отделом, стремясь расширить свои поставки для министерства N. В ход было пущено все: подарки, угощение, взятки. Исида по натуре корыстолюбец и стяжатель, недаром он оказался центральной фигурой этого дела о взяточничестве. В то время Ясуда не вел особенно крупных дел с министерством, поэтому следствию и не удалось установить, насколько тесно он связан с Исидой. Ясуда, надеясь на будущие выгоды, сначала покорила заведующего своим природным обаянием и светскими манерами, а потом уж насел на него по-настоящему. В трудную минуту он предложил свои услуги. И вот помощника начальника отдела Саямы, который держал в руках все ключи от дела о взяточничестве, больше не существует. Скорее всего Ясуде первому пришла в голову мысль избавиться от Саямы.

У Исида поначалу не было намерения убить Саяму. Он просто хотел довести его до самоубийства. Так обычно и делается при подобных обстоятельствах.

Однако это оказалось невозможным. И тут Ясуда замыслил убийство, замаскированное под самоубийство. Самоубийство выглядит гораздо убедительней, если его совершают не в одиночку, а с возлюбленной, по сговору. Если умирает один человек, очень легко заподозрить насильственную смерть. А если мужчина умирает вместе с женщиной, гораздо меньше оснований для подозрений. Ясуда точно учел психологию следователей. Ведь и на самом деле

полиция пришла к ложным выводам.

Исида, возможно и не подозревая, что готовится убийство, подчиняется Ясуде, достает ему пароходный бланк, специально едет в инспекционную поездку на Хоккайдо, уговаривает трех людей разрешить Ясуде воспользоваться их фамилиями при регистрации пассажиров самолетов. Конечно, для крупного министерского чиновника пара пустяков устроить себе командировку. А уж заманить в сети какого-то там делопроизводителя вообще ничего не стоит.

Очевидно, впоследствии, когда Исида узнал, что "Саяма вместе с женщиной покончил самоубийством", краска сбежала с его лица. Он понял, что обоих убил Ясуда. Тут уж, я думаю, роли окончательно переменились, и командовать стал Ясуда. А заведующий сектором только трясся от страха. Наверное, по указанию Ясуды он отправил в департамент полиции своего подчиненного Сасаки, чтобы дать свидетельские показания в его пользу. Впрочем, эти показания и стали началом его конца.

Поистине страшной была роль Реко. Она сама разрешила Ясуде иметь любовницу, но эта женщина всегда была ее врагом. Ведь Реко, из-за своей болезни лишившаяся физической близости мужа, должно быть, постоянно терзалась тайной, но острой ревностью. И вот наступил какой-то момент, когда бледное, как мерцание фосфора, пламя разгорелось в настоящий пожар. Конечно, жаль Саяму, но настоящей жертвой в этом деле оказалась О-Токи. Да я думаю, что и Ясуда под конец уже так запутался, что перестал понимать, что главное – убийство Саямы, благодаря которому он мог окончательно забрать в руки Исиду, или убийство надоевшей ему О-Токи.

Все вышеизложенное я написал на основании своих предположений и на основании завещания супругов Ясуда.

Да, и Тацуо Ясуда и Реко умерли. Когда мы поехали в Камакуру с ордером на их арест, они лежали мертвые. Оба приняли цианистый калий. На сей раз это было настоящее самоубийство, а не инсценировка.

Ясуда понял, что его загнали в ловушку. И он вместе с женой, состояние которой в последнее время сильно ухудшилось, наложил на себя руки. Ясуда не оставил никакой записки, только Реко написала предсмертное письмо.

Она написала, что они умирают, так как не в силах жить с постоянным сознанием вины после совершенного преступления. Не знаю, так ли это. Мне не верится, что такой жизнелюб, как Ясуда, человек деятельный, полный энергии, мог покончить с собой. Мне кажется, что Реко, которой жить оставалось очень мало, под конец прибегла к какой-нибудь хитрой уловке и заставила мужа последовать за ней на тот свет. Ведь она женщина именно такого типа.

Но, по правде говоря, я вздохнул с облегчением, когда они умерли. Вы спросите почему? Да потому, что в этом деле нет ни одной прямой улики, а одни только косвенные. Я даже удивился, что господин прокурор выдал ордер на арест. Неизвестно, во что бы еще вылился судебный процесс.

Если говорить об отсутствии прямых улик, то против заведующего сектором министерства N их тоже не было. Правда, из-за этого самого дела о взяточничестве он лишился места и переведен в другой департамент, но что самое удивительное – теперешний его пост еще выше прежнего! Идиотизм, с точки зрения каждого нормального человека, но, как видно, государственная служба вещь загадочная и непонятная. В будущем Исида, возможно, станет начальником департамента министерства, заместителем министра, а может, проскочит и в депутаты парламента. Вызывают жалость его подчиненные, на костях которых он построил свою карьеру. Ведь мелкие чиновники буквально тают, когда их ласкает начальство, и готовы стать любым орудием в его руках.

Даже сердце начинает болеть, когда подумаешь, на что они идут ради так называемой

карьеру! Ах, да, секретарь отдела Китара Сасаки, сослуживший хорошую службу Исиде, стал теперь начальником отдела министерства. Нам остается только молча наблюдать – ведь супругов Ясуда уже нет на свете, и ничего доказать невозможно.

Какой-то неприятный осадок после этого дела у меня все-таки остался. И вот сегодня сижу дома, отдыхаю, попиваю ледяное пиво, охлажденное в колодце, но нет у меня чувства той удовлетворенности, какое испытываешь, завершив расследование дела и передав преступников в руки прокурора.

Извините, письмо получилось очень длинным. Вам, наверное, уже наскучило его читать.

Осенью возьму отпуск и, воспользовавшись Вашим приглашением, приеду с женой .на Кюсю... Так хочется спокойно отдохнуть! Желаю Вам здоровья, остерегайтесь жары.

С глубоким уважением Киити Михара.

Примечание автора Расписание поездов и самолетов в тексте дано по состоянию на 1957 год, когда проводилось расследование этого дела.

notes

Тэнпура – рыба, зажаренная в тесте.

Хаката и Фукуока – два соседних города на Кюсю. В последнее время они сильно разрослись, и сейчас между ними нет четкой границы.

Таби – матерчатые японские носки

Дзори – японская мягкая обувь.

Мера емкости, равная 0,18 литра.

На вокзалах и железнодорожных станциях Японии существуют специальные контрольные пункты, где перед посадкой на поезд проверяют билеты пассажиров.

Момпэ – японские рабочие шаровары, надеваются поверх кимоно.

Хаори – верхнее короткое кимоно.

В Камакуре находится большая статуя Будды, широко известная во всей Японии.

Югавара – курортное местечко рядом с Камакурой.

Синдзюку – район Токио.

Нихон (япон.) – Япония.

В дорогих гостиницах Японии номера обычно имеют не цифровые обозначения, а названия преимущественно поэтические.